

Маликов Р.Ш.
Волкова Л.М.

Маликов Рустам Шайдуллович

доктор педагогических наук, профессор, зав. лабораторией истории педагогики и современных технологий образования Казанского (Приволжского) федерального университета, автор учебников и учебных пособий для учащихся общеобразовательных школ и студентов вузов, многочисленных публикаций по истории образования и педагогической мысли тюрко-татарского народа.

Награжден Благодарственным письмом Председателя Государственного Совета Республики Татарстан Ф.Х. Мухаметшина от 24 октября 2006 г. за плодотворную исследовательскую работу по истории развития системы образования татарского народа, активную организаторскую и педагогическую деятельность с надеждой, что опыт, знания и талант молодого ученого будут способствовать эффективному развитию педагогической мысли научной общественности Татарстана.

Награжден Почетной грамотой и Благодарственным письмом Министерства образования и науки Республики Татарстан.

Волкова Любовь Михайловна

кандидат педагогических наук, заслуженный учитель школ Республики Татарстан, руководитель высшей категории.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ АНТИЧНОГО И ТЮРКСКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО УТОПИЧЕСКОГО ГУМАНИЗМА

**Маликов Р.Ш.
Волкова Л.М.**

**ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ АНТИЧНОГО
И ТЮРКСКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО
УТОПИЧЕСКОГО ГУМАНИЗМА**

*Под редакцией
доктора педагогических наук, профессора
Р.Ш. Маликова*

**Казань
Издательство «Отечество»
2015**

УДК 37.017.924
ББК 74.03
М19

Рецензенты:

доктор педагогических наук, профессор
А.Г. Козлова (г. Санкт-Петербург);

доктор педагогических наук, профессор
А.М. Фирсова (г. Нижний Новгород)

М19   **Маликов Р.Ш., Волкова Л.М.** Преемственность античного и тюркского средневекового утопического гуманизма / Под ред. Р.Ш. Маликова. – Казань: Изд-во «Отечество», 2015. – 158 с.

ISBN 978–5–9222–0955–7

В книге раскрыты теоретико-методологические основания, историко-философские и педагогические предпосылки, первоисточники исследования преемственности античного и тюркского средневекового утопического гуманизма, а также преемственность античной и тюркской педагогической мысли об идеальной личности, социальном и политическом устройстве общества.

Книга адресована старшеклассникам, студентам, аспирантам, преподавателям и широкому кругу читателей.

ISBN 978–5–9222–0955–7

© Маликов Р.Ш., Волкова Л.М., 2015

Введение

В «Национальной доктрине образования в Российской Федерации» среди целей воспитания и обучения, путей их достижения посредством государственной политики в области образования, ожидаемых результатов развития системы образования на период до 2025 г. отмечается, что система образования призвана обеспечить «историческую преемственность поколений, сохранение, распространение и развитие национальной культуры, воспитание бережного отношения к историческому и культурному наследию народов России; воспитание патриотов России, граждан правового, демократического, социального государства, уважающих права и свободы личности, обладающих высокой нравственностью и проявляющих национальную и религиозную терпимость, уважительное отношение к языкам, традициям и культуре других народов», а также выделяется, что государство в сфере образования обязано обеспечить «воспитание молодого поколения в духе высокой нравственности и уважения к закону; гармонизацию национальных и этнокультурных отношений» [15]. Реализация указанных в доктрине целей и задач возможно, если обратиться к национальному духовному наследию народов России, среди которых тюркская средневековая утопическая мысль, которая исследована крайне мало, по сравнению с утопией других народов.

Средневековый утопизм вообще и тюркский в частности представляет интерес для исследователей в том плане, что в нем сосредоточена прогрессивная философская и политическая мысль своего времени о государстве, образовании и воспитании подрастающего поколения, психологии, праве, истории и т.д. Для историко-педагогических исследований представляет огромный интерес происхождение социально-утопической мысли, ее историко-философские и педагогические предпосылки, особенности содержания в том или ином периоде развития общества, общее и отличное ее у разных народов. В этом плане в историко-

педагогической науке до сих пор остается неисследованной проблема влияния античной педагогической мысли на тюркский средневековый утопический гуманизм.

Тюркская средневековая утопическая мысль представлена в поэме просветителя XI в. Юсуфа Баласагуни «Кут адгу билик» (в переводе с тюркского досл. *кут* – счастье; *ад* – имя, название; *билик* – знание; *литературный перевод на русский язык* – «Благодатное знание») [12: 4], которая является единственной в своем роде и непревзойденной в своей оригинальности. Поэт-просветитель задолго до европейских утопистов поднял проблему социального равенства граждан государства, справедливости, соблюдения законности и прав, всеобщем благоденствии и счастье. Утопическая мысль выдвигалась в то время, когда привилегированные граждане во главе государства создавали невыносимые условия жизни другим гражданам, угнетали, давили, эксплуатировали, отнимали права и свободу. Такое положение не чуждо было и тюркскому средневековому обществу, в котором жил и творил великий ученый-энциклопедист Ю. Баласагуни. Не в силах изменить существующее положение в своем государстве, будучи великим гуманистом-утопистом, он выдвигал свою версию возможного социального и политического переустройства общества, а также воспитания личности, в том числе и правителя.

Исследователь творчества Ю. Баласагуни и переводчик поэмы «Кут адгу билик» С.И. Иванов выдвигает предположение, что «действительно ли Юсуф создал столь значительное произведение, не опираясь на предшествующую традицию, неизвестно. Сам по себе этот факт мало вероятен, но тем не менее в науке нет никаких сведений о том, какие литературные произведения такого же или иного жанра на тюркском языке предшествовали «Благодатному знанию»» [5: 519]. Такого рода суждения свидетельствуют, что проблематика тюркского средневекового утопизма еще не полностью изучена, в частности, следует выявить, что повлияло на формирование утопических мыслей тюркского средневекового просветителя Ю. Бала-

сагуни, какие имеющиеся первоисточники могут раскрыть суть этого влияния, каковы историко-философские и педагогические предпосылки, каково содержание влияния античной педагогической мысли на тюркский средневековый утопический гуманизм?

Такие исследователи, как А.Н. Джуринский, Н.А. Константинов, Г.Б. Корнетов, Д.И. Латышина, Е.Н. Медынский, А.И. Пискунов, В.Г. Пряникова, З.И. Равкин, К.И. Салимова, М.Ф. Шабаева и др. свои труды посвятили изучению истории педагогики в целом, средневековой утопической мысли в частности. Что касается тюркской средневековой педагогической мысли, то она раскрыта в исследованиях Г.Р. Маликова, А.Г. Мухаметшина, Я.И Ханбикова.

Так, ранее мы проводили историко-педагогическое обобщение гуманистических педагогических мыслей тюрко-татарских утопистов; определяли основные направления гуманистических педагогических мыслей тюрко-татарского средневековья; раскрыли теоретико-методологические основы становления и развития тюрко-татарской гуманистической педагогической мысли; выявили утопический характер содержания тюрко-татарской средневековой гуманистической педагогической мысли, основные этапы становления и развития тюрко-татарской гуманистической педагогической мысли средневекового периода; научно прогнозировали возможности использования гуманистических педагогических идей тюрко-татарских средневековых мыслителей в педагогической практике современных образовательных учреждений [13].

Исследуя проблему представлений о справедливости в тюркском средневековом обществе, ранее также было отмечено, что «историко-философскими предпосылками становления представлений о справедливости в тюркской средневековой педагогической мысли стали учения древнегреческих философов Сократа, Платона и Аристотеля о добродетелях и основанном на них государственном устройстве. По их учениям, справедливость сама является одной из добродетели, способствующей счастью

отдельного человека и государства в целом. Она тесно связана и переплетена с такими добродетелями, как мудрость, мужество, разум, рассудительность, свобода, знание, благо, слава, здоровье, равноправие, прекрасное, которые противостоят таким порокам, как зло, невежество, чрезмерное себялюбие, болезнь, ущемление, безобразное. Будучи индивидуально-личностными качествами и свойствами отдельных людей, эти добродетели составляют основу целостности и нерушимости государства, т.к. добродетельные люди составляют основу добродетельного государства. Мысли о справедливости затем были творчески переработаны средневековыми гуманистами-утопистами не только Европы, но и Востока, в том числе и тюрко-татарскими мыслителями, поэтами, писателями, просветителями и педагогами» [12: 172-173].

Исследуя проблему справедливости, авторы отметили, что «в представлениях о справедливости античных философов и современных исследователей прослеживается большая преемственность – по своей сути представления остались неизменными» [12: 32].

Академик А.Н. Кононов, исследуя поэму «Благодатное знание» Ю. Баласагуни, пишет, что «достоверно неизвестно, под воздействием каких факторов и обстоятельств написана поэма «Кутадгу билиг», можно предположить, что ими могли быть политические смуты, сотрясавшие в ту пору Караханидскую державу. Возможно, что Юсуф Баласагунский ощущал настоятельную необходимость в создании новой морально-этической основы для раздираемого неурядицами общества» [5: 509].

Эти мысли свидетельствуют о том, что в науке остаются неисследованными предпосылки и первоисточники, которые двигали развитие тюркского средневекового утопического гуманизма, а проблема влияния античной педагогической мысли на тюркский средневековый утопический гуманизм никем не поднималась и является неизученной областью историко-педагогических исследований.

Глава 1. Теоретико-методологические основания исследования преемственности античного и тюркского средневекового утопического гуманизма

1.1. Понятийный аппарат исследования проблемы преемственности античного и тюркского средневекового утопического гуманизма

Самое первое понятие в теме нашего исследования – «влияние», которое имеет очень много определений. В одном из словарей понятие «влияние» определяется как «процесс и результат изменения индивидом поведения другого человека (объекта влияния), его установок, намерений, представлений и оценок в ходе взаимодействия с ним. Различают направленное и ненаправленное влияния» [7].

Что касается направленного влияния, то в этом процессе один человек против другого использует методы убеждения и внушения. Это целенаправленный процесс, при котором влияющий человек перед собой ставит цель добиться конкретных результатов от объекта влияния. При ненаправленном влиянии, наоборот, не ставятся определенные цели добиться какого-либо результата от объекта. «При этом эффект воздействия проявляется в механизмах зарождения и подражания со стороны объекта влияния» [7]. В этом определении для нашего исследования будет полезным такое понимание, как «процесс и результат изменения... его установок, намерений, представлений и оценок», и то, что при ненаправленном воздействии влияние «проявляется в механизмах зарождения и подражания».

По другому определению, влияние – это «поведение какого-либо человека, которое изменяет отношение и чувства к нему других людей» [19]. В нашем исследовании, скорее всего, это не «поведение какого-либо человека», а его мысли, творчество, идеи, представления, которые приняты и творчески обработаны его читателями.

По «Толковому словарю» С.И. Ожегова, влияние – это «1. Действие, оказываемое кем-чем-н. на кого-что-н., воздействие. 2. Авторитет, власть» [19]. Далее разъясняется, что под влиянием кого (чего) означает испытывать воздействие кого-нибудь (или чего-нибудь), подчиняясь кому-нибудь (или чему-нибудь). Такое толкование значения понятия «влияние» нас устраивает, т.к. «испытывать воздействие и подчиняться» педагогической раскрывает суть «влияния» в нашей теме исследования.

По «Энциклопедии социологии», влияние – «1. Целе-направленное изменение представлений, мнений, поведения личности или группы путем воздействия; одна из форм реализации власти. 2. Изменение представлений, мнений, поведения индивидов или группы, происшедшее стихийно под воздействием других людей через механизмы подражания, психического заражения, диффузии культ, образцов и т.п.» [19]. В этом определении нам более близко второе значение, т.к. в нашей теме исследования речь идет о воздействии через механизмы подражания, об идейном заражении, культурном образце.

К понятию «влияние» наиболее близко слово «авторитет». В «Философской энциклопедии» дается следующее определение понятия: «Авторитет – значение или влияние лица, письменного источника и т.п., которое находит нужным постоянно учитывать какой-то человек или определенная группа. В зависимости от того, о какой области идет речь, можно говорить об авторитете философском, религиозном, научном и т.д.» [19]. В нашем случае речь идет о значении и лица и письменного источника, которых отдельные личности и в то же время группа людей считали для себя и философским, и религиозным, и научным авторитетом.

По другому определению, «авторитет – 1) мнение знающего человека, принимаемое на слово. 2) почет, сила и особенное влияние, которым пользуются могущество, мудрость, знание, добродетель» [19]. И такое определение также следует полностью принимать, т.к. оно полностью раскрывает значение «влияния».

Симпатизирует толкование Х.Г. Гадамера, который написал, что «авторитет покоится на признании и, значит, на некоем действии самого разума, который, сознавая свои границы, считает других более сведущими. К слепому повиновению приказам этот правильно понятый смысл авторитета не имеет вообще никакого отношения. Более того, авторитет непосредственно не имеет ничего общего с повиновением, он связан прежде всего с познанием» [19].

В философской науке существует две противоречащие мнения по отношению к «авторитету»: авторитарность и антиавторитарность. По комментариям Г.Г. Майорова, «первая придает преувеличенное или даже решающее значение суждениям авторитета и тем самым противопоставляет его разуму; вторая отрицает необходимость какого-либо авторитета, считая, что человек должен полагаться только на свой разум, но никак не на мнения др. людей. Авторитарным являлось, например, средневековое мышление, которое всегда начинало с классического текста: Библии, патристики, созданной ею философии и т.д. «Средневековый философ постоянно обращается за подтверждением всех своих мнений к библейскому или патристическому авторитету, непрерывно цитирует христианскую классику, переписывая нередко вместо доказательства целые страницы древних текстов. Степень подобия своего мнения мнениям древних есть для него степень истинности этого мнения» [19].

По словарю «Философия: Энциклопедический словарь», «антиавторитарным являлось мышление эпохи Просвещения, прямолинейно разграничивавшее «авторитет разума» и «авторитет людей», истолковывая последний как противостоящий разуму.

Авторитет необходим, в том числе и в теоретической сфере. Возможности отдельного человека ограничены, далеко не все он в состоянии самостоятельно проанализировать и проверить. Во многом он вынужден полагаться на мнения и суждения других. Вместе с тем ссылка на авторитет, на сказанное или написанное кем-то не относит-

ся к универсальным, эффективным во всех аудиториях способам обоснования. Суждение авторитета должно приниматься не потому, что оно высказано «тем-то», а в силу того, что сказанное представляется правильным. Слепая вера во всегдашнюю правоту авторитета плохо совместима с поисками истины, добра и красоты, требующими непредвзятого, критичного ума.

Обычная ошибка, связанная с авторитетом, – смешение эпистемического авторитета, т.е. авторитета знания, с деонтическим авторитетом, авторитета должности. Именно такого рода смешение допустил, например, св. Игнатий Лойола, основатель Ордена иезуитов, потребовавший в известном письме к португальским отцам церкви, чтобы они «подчинили свой разум вышестоящему лицу», т.е. деонтическому авторитету» [19]. В нашей теме исследования речь идет о эпистемическом авторитете, т.к. о деонтическом авторитете речи и не могло идти.

Исходя из многочисленных определений, следует отметить, что в нашей теме исследования *«влияние» – это признание авторитета мыслей, мнений, знаний, личности античных философов, которые имели воздействие на сознание, учение, действия тюркских просветителей в создании бессмертных произведений утопического характера.*

Понятие «античность» в широком смысле слова означает древность, а в рамках нашего исследования конкретизируется греко-римской древностью. Если разъяснить другими словами, то означает «цивилизацию Древней Греции и Древнего Рима во всем многообразии её исторических форм» [6].

Что касается античной философии, то она определяется как «философия античности, подразделяется на древнегреческую и древнеримскую (конец VII в. до н. э. – VI в. н. э.), от раннеклассической философии до 529 г., когда указом императора Юстиниана была закрыта последняя философская школа в Афинах. Традиционно первым античным философом считается Фалес, а последним – Боэций. Античная философия сформировалась под влия-

нием и воздействием предфилософской греческой традиции, которую условно можно рассматривать как ранний этап самой античной философии, а также воззрений мудрецов Египта, Месопотамии, древневосточных стран» [6].

По мере изменения основных рассматриваемых проблем выделяются следующие периоды ее развития:

- натур-философский – главной проблематикой является проблема устройства мира, проблема первоначала, характеризуется соперничеством соседних нескольких школ;

- гуманистический – характеризуется сменой проблематики от природы к человеку и обществу, основными являются школы софистов и Сократа;

- классический – характеризуется созданием первых философских систем, охватывающих большой круг философских проблем, воссоединяющих (синтезирующих) имеющихся в этой области знаний, основными философами где являются Платон и Аристотель;

- эллинистический – характеризуется разработкой проблемы счастья и соперничеством разных философских школ Эпикура, скептиков, стоиков, когда центр философии переместился из Греции в Рим;

- религиозный – характеризуется развитием неоплатонизма, когда к философским проблемам проникает проблема религии;

- монотеистический – характеризуется зарождением христианской мысли.

В данном исследовании нас интересуют два периода: гуманистический и классический.

Как было сказано выше, к гуманистическому периоду относятся софисты и Сократ. Софист в переводе от древнегреческого означает «умелец, изобретатель, мудрец, знаток». Софистами называли древнегреческих платных преподавателей красноречия, которые входили в так называемому философскому направлению, распространенному в Греции во II половине V – I половине IV века до н. э. «В широком смысле термин «софист» служил для обозначения искусного или мудрого человека. Софистами иногда

называют представителей древнекитайской школы имён (мин цзя) (Дэн Си, Хуэй Ши, Гунсунь Луна и др.) [6].

Софистское направление в философии считается эклектичным, оно не основывается на единых социально-политических, культурных и мировоззренческих основах. В софистике человек является «мерой всех вещей, существующих, поскольку они существуют, и не существующих, поскольку они не существуют. Моральные нормы произвольны. Одни говорят, что добро и зло отличны друг от друга, другие, что нет. Даже для одного и того же человека то же самое может быть и благом, и злом. Все в мире относительно» [6]. Сократ и Платон подвергли софистов сильной критике. К IV в. софизм начал падать. Учения софистов не стали подкрепляться философскими концепциями, все сводилось лишь к элементарной риторике, в процессе которого оперировали словами, понятиями для абстрактных доказательств и опровержения противоположных мнений.

О софистах до нас дошли лишь негативные мнения. Их чаще всего осуждали за интеллектуальные и моральные недостатки. Их большой критике подверг Платон.

Английский историк философии XIX в. Дж. Г. Льюис сообщает: «Софисты были богаты, они были в силе, блистали в обществе, питали страсть к риторике, но не отличались глубокомыслием. Люди же серьезных убеждений всегда сохраняют пренебрежительное отношение ко всем тем, кто выставляет напоказ лишь внешние дарования, в данном случае, – ораторское искусство или эристику. Мыслитель убежден, что миром управляет идея, и, однако, в действительности он видит торжество фразы. Он, быть может, считает себя открывателем идей, имеющих принести человечеству счастье, а между тем пред ним – эта столь податливая толпа, которую приводит в восторг какая-нибудь благовидная ложь, облеченная в красивую речь» [1].

На самом деле софисты не притязали на обладание истиной. Они принципиально сомневались в ней, были скептиками. Софисты лишь учили искусству вести спо-

ры. И это их искусство было очень актуальным. Во-первых, склонность греков к крючкотворству и тяжбам, их чрезвычайная любовь к судебным процессам благоприятствовали процветанию подобного искусства. Софисты учили греков быть своими собственными адвокатами. Любому обычному гражданину искусство убеждения было необходимо в связи с характером права, существовавшего в греческих полисах. Судопроизводство было гласное и публичное, в особенности в Афинах. Никто не мог послать в суд вместо себя наемного адвоката, но каждый должен был явиться в суд лично, если он хотел получить удовлетворение за причиненное ему зло или сам обвиняем в чем-либо. Во-вторых, всякий представитель знати, желавший достичь влиятельного положения, должен был обладать хоть какой-нибудь способностью убеждать других или опровергать чужие мнения.

Таким образом, умственная изворотливость, которую практиковали софисты, и которая способна была из черного творить белое, стала в какой-то степени добродетелью, искусством владеть аргументами, к которому стремились все афиняне, но именно в связи с этим Сократ высказывал в произведениях Платона упрек в адрес софистов: «Они учат только тому, что практикуется самим народом в собраниях, тем не менее, называют это мудростью» [17].

Некоторые, подобно Сократу и Платону, полагали знания софистов поверхностными и неэффективными, т.к. у них отсутствовала бескорыстная цель поиска истины как таковой, взамен которой обозначалась цель обогащения. Платон подчеркивал опасность идей софистов и с моральной точки зрения: они утверждали относительность общих истин и правоту произвольного мнения.

Софисты своим появлением свидетельствовали о наступлении *кризиса в философии*. Их позиция – это отрицательный выход из того тупика, в котором оказалось философское знание (оппозиция учений Гераклита и элеатов; логический волюнтаризм физиков-эклектиков; множество разных, но равно хорошо обоснованных от-

ветов на один и тот же вопрос и т.д.), и положительный выход из которой указал (в области гносеологии и этики) Сократ. Суть философской позиции софистов заключалась в следующем. В онтологии: в признании реальным только физического мира. В гносеологии: в отрицании объективной истины и, в связи с этим, в отрицании достоверности разумного познания (мышления) и в утверждении безусловной подлинности чувственного опыта; истинным провозглашалось то, что эмпирически воспринимается как очевидное каждым отдельным человеком (принцип субъективности истины). В этике: в отрицании общезначимого определения блага.

Несмотря на пессимистический характер общих философских позиций софистов (агностицизм, этический релятивизм), они произвели подлинную революцию в философии, сместив философскую рефлексию с проблем «физиса» и космоса на проблемы человека и его жизни как члена общества. Философия «физиса» исчерпала себя» [24]. Из учений софистов для нас важным является то, что в них доминируют проблемы политики, красноречия, этики, искусства, веры, языка и воспитания, т.е. проблемы, связанные с гуманизацией общества. Поэтому они заложили основу гуманистической педагогической мысли не только в философии, но и в других областях научного познания.

Классическая античная философия начинается с V – IV вв. до н. э. Ее возглавляет Сократ (около 470–399 гг. до н.э.) и его философская школа. Он впервые оттолкнулся от натурфилософии в сторону проблемы добра и зла, вопросам этики человеческого поведения. По отношению к человеку он руководствовался девизом: «Познай самого себя».

Знание Сократ относил к добродетели. Любое знание к добродетели не входит, а входят лишь знания о добре и зле, которые ведут к правильным и верным поступкам, обеспечивающим добродетели. По его выводам, злость человека зависит не от его воли, а от незнаний в этой области.

Проблема соотношения знания и добродетели, науки и нравственности начала в обществе полемику, актуальную

и по сей день. Этические вопросы Сократа связаны с поиском вечной проблемы нравственного совершенствования человека. По его мнению, человек добродетель может приобрести путем самопознания, самосовершенствования и заботой о своей душе. Основная часть мыслей Сократа относится к самопознанию, что он взял у софистов.

Сократ был первым из мыслителей, кто сделал самопознание основной частью своего учения и руководящим принципом своей деятельности. Идея Сократа о самопознании, популярная в период античности, нередко становилась ведущей идеей на поворотных пунктах истории и существенно изменяла весь образ человеческой мысли.

Свобода и счастье, по представлениям Сократа, содержатся в деятельности человека. Наличие еды и богатства – это еще не счастье.

Моральная философия Сократа состоит из взглядов на политику и право. Среди добродетели он самым высшим и главным считал добродетель политическую, что составляет искусство управления полисными делами, для чего нужны определенные знания.

«Основу благополучия государства Сократ видел в нерушимости законов, в повиновении граждан законам. Он отождествлял понятия «законное» и «справедливое», понимал под законами то, что «граждане по общему согласию написали, установив, что должно делать и от чего нужно воздерживаться». Однако, необходимо отметить, что эти положения имели в виду, скорее, желательное, идеальное состояние дел, нежели наличное, реально существовавшее» [10].

По политико-правовым взглядам Сократа, человек должен быть преданным своему полису и законам государства. Как член своего государства гражданин вступает в правовое поле, где должен придерживаться установленных порядков и законов. Это и есть своего рода договорные отношения между членами общества, отдельными его гражданами и государством, концепцию которых впервые сформулировал Сократ.

Философия Сократа породила сократических школ (киники, мегарики, киренаики), которые различались разным толкованием сократовской философии.

Античный философ Платон (428 или 427 до н. э. – 348 или 347 до н. э.) является учеником Сократа и учителем Аристотеля. Его философия дала направление целому ряду философии, в том числе учению об идеях (эйдосах), о существовании мира идей (эйдосов) и мира вещей (или форм). Идеи являются истоками и прообразами вещей. Они лежат в основе многих вещей, которые образовались из бесформенной материи. Идеи порождают материю, являются источником всего.

Идеи независимы ни от времени, ни от пространства. Мир составляет иерархия с вершиной идеи Блага. Все другое проистекает из него, это начало всех начал и Творец Вселенной. Благо отождествляется с абсолютной Красотой. Благо в мифе о пещере изображается в виде Солнца. Пещера, символизирующая материальный мир с его иллюзиями, является сценой для идей существ и предметов.

«Идея (эйдос) любой вещи или существа – это самое глубокое, сокровенное и существенное в нем. У человека роль идеи выполняет его бессмертная душа. Идеи (эйдосы) обладают качествами постоянства, единства и чистоты, а вещи – изменчивости, множественности и искаженности.

Душа человека представляется у Платона в образе колесницы с всадником и двумя лошадьми, белой и черной. Возница символизирует разумное начало в человеке, а кони: белый – благородные, высшие качества души, черный – страсти, желания и инстинктивное начало. Когда человек пребывает в ином мире, он (возница) получает возможность вместе с богами созерцать вечные истины. Когда же человек вновь рождается в мире материальном, то знание этих истин остается в его душе как воспоминание. Поэтому, согласно философии Платона, единственный для человека способ знать – это припоминать, находить в вещах чувственного мира «отблески» идей. Когда же человеку удастся увидеть следы идей – через красоту, любовь

или справедливые дела – то, по словам Платона, крылья души, когда-то утерянные ею, вновь начинают расти.

Отсюда – важность учения Платона о Красоте, о необходимости искать ее в природе, людях, искусстве или прекрасно устроенных законах, потому что, когда душа постепенно восходит от созерцания красоты физической к красоте наук и искусств, далее – к красоте нравов и обычаев, – это наилучший способ для души подняться по «золотой лестнице» к миру идей» [16].

Другой не менее значимой силой у Платона является Любовь, которая способна поднять человека до мира богов и преобразовать его. Как философ Платон и сам стремится достичь блага, т.к. и сам не обладает многими показателями, ведущими к нему.

Платоновские философия и любовь способны родить новое прекрасное, начиная от красивых вещей до благородных законов и гуманных идей. Платон призывает выйти из «пещеры» к свету идей, благодаря способности видеть Солнце (путем созерцания истины и мыслей), но люди смотрят не в то направление.

По учению Платона, основные части души человека имеют свои добродетели: разумной части души соответствует добродетель мудрость; вожделеющему началу (страсть) – умеренность и воздержанность; ярости – мужество, но с подчинением разуму. В совокупности все добродетели образуют суть справедливости.

Платон сравнивает разные части души и типы граждан в государстве, если они нашли свое место и свершают дела согласно своим способностям, то все это называется справедливостью.

Платон больше внимания обращает той части населения в государстве, которая называется стражами (или воинами). Их воспитание содержит сочетание мусической и гимнастической частей. Гимнастическое воспитание способствует подчинению человеческой страсти его разуму, что развивает волю; мусическая часть смягчает ярость, чтобы согласовать дух ритмами и гармонией.

Древнегреческий философ Аристотель (384–322 до н. э.) является учеником Платона и разделял его философские мысли. Он постигал истину, что сделало его последователем своего учителя, а в других вопросах философии мнения у них разошлись.

Аристотель причастен ко всем направлениям научного знания, существующего в античном мире. В своих учениях он опирался на большой эмпирический материал из естествознания, а также знания в области общественных наук. В накоплении знаний ему помогали последователи. Деятельность Аристотеля считается вершиной древнегреческой философской мысли. Его вкладом в науку следует считать следующее: создание новых направлений научных знаний, систематизация этих знаний, определение предмета и методов познания многих наук. Он оставил после себя больше пятисот научных работ.

Труды Аристотеля сохранились, благодаря его ученикам и последователям. В трудах философа выделяются несколько тематических групп. В первую группу входят работы онтологического характера, которых называли «Метафизикой». Вторую группу составляют труды по философии природы и естествознания под названиями «Физика», «Метеорология», «О небе», «О возникновении животных», «О возникновении и гибели» и др. Третью группу составляют такие работы, включающие вопросы этики, эстетики и политики, как «Политика», «Поэтика», «Никомахова этика», «Риторика», «Эвдемова этика» и др. Четвертую группу составляют работы по методологии и логике, куда входят труды «Категории», «Об объяснении», «Первые аналитики», «Вторые аналитики», «Топики», «О софистических доказательствах».

Античный философ Аристотель основательно изучил труды своих предшественников. Через свою точку зрения он преломляет философские учения мыслителей, начиная от древнейших, заканчивая современниками. В этом он выступает как историк философии. Основным вопросом в своих учениях он считал онтологию, т.е. науку о сущем.

В отличие от Платона, мир Аристотеля чистая и светлая. Мир идей полон добром. Наблюдаемое иногда в жизни зло является лишь маленьким отклонением от природы вещей, множество событий развивается согласно законам природы и правильно. «Равным образом, от Платона следует ожидать полного пессимизма по отношению к социальному устройству в этом мире. Но когда мы обратимся к учениям Аристотеля и Платона о государстве, мы увидим, что все обстоит по-другому. В социальном своем учении Аристотель – пессимист: он считает, что, поскольку добродетель является серединой между двумя противоположными пороками (например, мужество – это середина между безрассудством и трусостью), она труднодостижима, по аналогии с лучником, которому трудно попасть в центр мишени. Напротив, Платон вынашивал концепцию идеального общества, которую изложил в своих диалогах «Государство» и «Законы» и которую хотел реализовать на земле.

В восьмой книге «Никомаховой этики» Аристотель пишет о дружбе и о роли дружбы в сохранении устоев общества. «Народная пословица гласит, – пишет Аристотель, – что у друзей все общее. Следовательно, дружба состоит в общении и совместном владении» [3].

У Аристотеля добродетели делятся на теоретические и практические. К теоретическим относятся интеллектуальные, которые раскрывают теоретическую жизнь, созерцательную и наиболее счастливую. Они возникают в результате обучения.

Практические добродетели больше определяются характером личности. Они появляются в результате привычки. Говоря о поведении личности, имеется в виду добродетельная жизнь, способствующая уклонению от крайностей, что составляет основу умеренности и благополучия.

Немаловажной для нашего исследования является книга Аристотеля «Политика», в которой он описывает свою теорию идеального государства, основывающегося на справедливости, что считает наилучшим обществом. Следует отметить, что в моделировании своего гуманного

государства он опирается на законы своего времени. Наилучшими философ считает три формы государственного управления: монархия, аристократия, народовластие. Существует и три плохих форм, среди которых тирания, олигархия, охлократия. Из учений Аристотеля следует сделать вывод, что любое государство хорошо в том случае, если там обеспечивается всеобщее благо.

Взгляды на государственное устройство у него имеют классовый характер. Он один из представителей правящей верхушки – рабовладельцев.

Личность в его учениях является общественным существом. Ее жизнь в государстве – естественная сущность. По Аристотелю, государство – это объединение общин, что приравнивается к развитой семье, поэтому государство должно строиться подобно хорошо организованной семье. Моральные принципы личности, по Аристотелю, определяются отношением ее к государству. Личность должна обладать определенными добродетелями, чтобы государство достигла благосостояния.

По учению Аристотеля, в задачи государства входят предупреждение чрезмерного накопительства гражданами, излишнее сосредоточение политической власти в одних руках, постоянное повиновение рабов. Идеальным является государство, где обеспечивается большому количеству рабовладельцев счастья. Свободные граждане и рабы у него не обладают правами, а все рабовладельцы должны участвовать в управлении государством.

Из учений Аристотеля выделяются нижеследующие положения:

- воспитание внутренней свободы человека, независимого от внешних обстоятельств;
- воспитание духовно сильной личности, способной выстоять в окружающем пространстве;
- призыв граждан к совести;
- веротерпимость и любовь к другим;
- необходимость юмора;
- навыки практического применения всего перечисленного.

Античную философию Аристотель поднял на небывалую высоту. Ряд современных наук зародились в рамках его философской мысли. Он не только упорядочил, но и систематизировал имеющиеся к тому времени достижения в области познания. Последующие философские системы опираются на его учения. Его произведения являются большим вкладом в развитие научных дисциплин. Образец содержания и системы приемлемы для многих наук, т.е. являются универсальными.

Что касается понятия «тюркский» в нашей тематике исследования, то оно означает название народа, прожившего в Азии в VI–VII вв. в великой державе с огромной территорией под названием Тюркский каганат во главе с каганом (хаканом, ханом). Каганат занимал огромную территорию от Хуанхэ до Каспия, от Тибета до Волги.

Тюрки как этноязыковая общность сформировалась на территории Алтая и в степях Азии в I тыс. до н. э. Традиционным занятием тюркского народа считается кочевой образ скотоводства, добыча железа и производство изделий из него.

О тюркоязычных народах было известно еще с III в. до н. э., а как этноним упоминается в начале VI в. на Монгольской части Алтая относительно к немногочисленному народу, которые стали главенствующими в Средней Азии. Значение слова «тюрк» сводится к сильному, крепкому.

Начиная с VI века, о тюрках сохранились китайские, армянские, византийские, иранские письменные памятники. Тюрки и сами заявили о себе, т.к. они обладали хорошо отработанной рунической письменностью.

История образования и педагогической мысли древних тюрков и кочевых государств во многих случаях обнаруживается в китайских летописях, но эти сведения можно найти и в исконно тюркских первоисточниках, к которым относятся древние письменные памятники. Из них можно получить материалы и по этнографии, что очень важно в определении характера и направления воспитания молодежи у древних тюрков, и собственно по

педагогике, что отражается в направленности и целях этого письма. Например, погребальные обычаи древних тюрков предполагалиobelisks с подробным некрологом усопшему хану, околоobelisk ставились в рядбалбалы, т.е. каменные статуи людей, которых принято называть «каменными бабами». Они ставились у могилы хана по числу убитых им его главных врагов. Тем самым закреплялась служебная связь в загробном мире этих убитых со своим победителем. По тексту памятников можно познакомиться со всем государственным строем тюрков, их религией и др.

Что касается педагогической мысли, то на памятниках встречаются такие выражения, как «смотря на него, знайте вы, славные тюркские начальники и народ...», «помните, смотря на него...» и т.д., т.е. прослеживается обращение не только ныне здравствующим, но и будущему поколению, причем с желанием поучить, предупредить, брать в пример всего славного, что было в их жизни, и предостеречься недостойного.

Древние тюркоязычные письменные памятники, которые датируются V–XV вв., сохранились до наших времен на камнях и бумаге. Они считаются общим достоянием всех тюркских народов и служат первоисточником для изучения не только языковых фактов, но и истории развития письменной культуры, состояния образования, педагогической мысли в целом.

Тюркскими считаются народы, говорящие на тюркских языках. Список тюркских языков один из многочисленных. Ниже приводится самый полный список из всех имеющихся. Это азербайджанский, алтайский, армяно-кыпчакский, афшаров, балканских тюрков, барабинских татар, башкирский, боджнурди, болгарский, гагаузский, гуннов, долган, древнеуйгурский, казахский, камасинский, караимский, каракалпакский, караханидско-уйгурский, карачаево-балкарский, карлукско-хорезмский, киргизский, крымско-татарский, куманидский, кумыкский, мамлюкско-кипчакский, ногай-

ский, огузский, ойротский (горно-алтайский), орхон-енисейских надписей, печенежский, половецкий, саларский, сарыг-уйгурский, сельджукский, татарский, тофаларский, тувинский, турецкий, туркменский, тюрки, тюркские, узбекский, уйгурский, урумов, хазарский, хакасский, халаджский, хорасано-тюркский, чагатайский, чувашский, чулымский, шорский, якутский языки. Многие из этих языков мертвые и восстановлены по упоминаниям в различных письменных памятниках.

В начале VII в. Тюркский каганат разделился на западный (среднеазиатский) и восточный (центральноазиатский) части, которые просуществовали до 740 и 745 гг. соответственно. После распада название этнонима «тюрк» уходит на второй план, народы взяли себе имя по названию племени, которые были перечислены выше.

Тюркская средневековая культура составляет часть мировой культурной сокровищницы. Кочевой и оседлый образ жизни, смешение языков, религий, народов создали уникальную культуру, отличающуюся своей новизной, красотой, четкостью мысли.

Что касается быта тюрков, то здесь имеет место и юрты, и каменные, и саманные дома. Традиционная юрта тюрков покрывалась войлоком со входом с востока и костром в центре. Для зимовки строились и деревянные жилища, которые отделывались войлоком, кошмой, шерстяными коврами.

Одежду тюрки шили из шерсти, шкуры и кожи, специального тонкого войлока. Питались в основном молочными и мясными продуктами, употреблялись и дары природы.

VI–XII вв. характеризуются строительством городов, которые сыграли большую роль в развитии тюркской цивилизации. Города строились там, где лучше было вести оседлую жизнь, на пойме рек с плодородными землями. Благоустроенные города с водопроводом, канализацией из гончарных труб больше возникали на Великом Шелковом пути. В каждом из городов строились мечети, библиотеки, общественные бани.

Горожане занимались ремеслом, среди которых гончарное, стеклодувное, ювелирное. Средневековым ювелирам были известны такая техника, как зернь, скань, литье, чеканка, чернь и т.д.

В моногамной тюркской семье соблюдалась особая иерархия с почитанием старших, уважением к младшим, крепкими родственными отношениями среди братьев и сестер.

Тюркская средневековая письменная культура славится такими просветителями, как Абу Наср аль-Фараби, Махмуд Кашгари, Юсуф Баласагуни, Ахмед Ясави, Абу Наср Мухаммед ибн Мухаммед ибн Узлаг ибн Тархан аль-Фараби ат-Тюрки. Длинное имя просветителя означает, что он из знатного рода, каждый член которого привнес свою лепту в прославление рода, поэтому и не вычеркивался из имени наследника.

В определении темы исследования мы исходили из того, что для античной философии и тюркского просветительства общим является понятие *«утопия»*, которое является жанром в художественной литературе. В переводе из древнегреческого означает «место», «не место», «место, которого нет». Этот жанр близок к научной фантастике. Оба литературных жанра описывают модель идеального государства, причем автор свою модель устройства общества считает безупречной.

Первую утопию в значении *«модели идеального общества»* в своей книге диалогов «Государство» расписал античный философ Платон. К такому обществу стремились все, о чем рассказывали в своем устном народном творчестве.

Платон описывает идеальное для рабовладельца государство, в основе которого образец Спарты, но без недостатков, присущих этому государству.

Английский священник Сэмюэл Перчес в своей книге путешествий «Паломничество» (1613) термин «утопия» и прилагательное «утопический» использовал в значении «модели идеального общества».

Как название литературного жанра термин исходит из произведения Томаса Мора «Золотая книжечка, столь же

полезная, сколь и забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия». Утопия здесь лишь название острова, но со значением. «В книге автор показывал несовершенство существовавшего строя, бедства крестьян, причину которых видел в частной собственности. Он создал идеальное государство Утопия, в котором господствует общественная собственность, общественное производство, справедливое распределение. Все жители Утопии обязаны работать, а в свободное время изучать науки и искусства. Все произведённое является общественным достоянием, а изобилие материальных благ позволяет распределять их по потребностям. Политический строй основан на демократии» [22]. После него наблюдается широкое использование данного жанра в художественных произведениях с участием социал-утопистов.

Выделяются технократическая и социальная утопии. В *технократической утопии* научно-технический прогресс способствует решению социальных проблем, а в *социальной утопии* все зависит от субъекта, т.е. от граждан, которые могут изменить собственное общество. В *социальной* выделяются эгалитарная и элитарная утопии, первая из которых идеализирует и абсолютизирует принцип всеобщего равенства и гармоничного развития личности, а вторая предполагает расслоенное общество по принципу справедливости и целесообразности.

«Широко распространено убеждение, что утопии не должны содержать антигуманистических элементов, и представляют собой заведомо несбыточную красивую мечту о будущем. Некоторые утопии, напротив, выстроены в стиле инструкций по практическому воплощению их в жизнь.

Основной отличительной чертой утопии, её спецификой является то, что при её создании не учитывались ограничения реального мира. В частности, исторические предпосылки. Поэтому часто в обыденном сознании утопия воспринимается как нечто несбыточное, нереализуемый социальный идеал. Это также является

конструктивной особенностью утопии. С общетеоретической точки зрения при определённых условиях утопия может быть реализована» [6].

«Утопизм» обычно используется в сочетании с понятиями «социализм» и «гуманизм».

Утопический социализм является учением, предшествовавшим марксизму, принятым в философской, исторической и художественной литературе обозначением о возможном преобразовании государства на принципах социализма на основе справедливости. Интеллигенция разработала и без насилия, путем пропаганды и примера внедрила в общество идеи строительства социалистических отношений.

Идеи справедливого общества зародились с разделением общества на классы, т.е. с разделением граждан на имущественное неравенство. Как было отмечено, об этом свидетельствуют фольклор и мифология почти всех народов Земли.

«В Древних Греции и Риме зачатки идей утопического социализма проявились в идущем ещё от Гесиода мечтании о возвращении минувшего «золотого века», когда счастливые люди не знали неравенства, собственности и эксплуатации. Тема достижения справедливого политического устройства была одной из наиболее обсуждаемых греческими философами, искавшими решение проблемы имущественного неравенства и «естественного состояния» общества, в котором оно пребывало в доклассовые времена. Нужно также отметить и роль уравнительных реформ в Спарте, а также платоновскую модель рабовладельческого «коммунизма», осуждавшую частную собственность («Государство»)» [22].

Раннее христианство с уравнительной социальной идеологией внесло большой вклад в разработку теории утопического социализма. Оно пропагандировало всеобщее братство, равенство и потребительский коммунизм. Идеи дожили до XIX в. и заложили основу теории христианского социализма.

В средневековье «во время господства феодальных хозяйственных отношений взгляды, близкие к утопистско-социалистическим, формировались прежде всего на религиозной почве и выливались в виде многочисленных ересей – вальденсов, бегардов, таборитов, катаров, лоллардов, апостольских братьев, анабаптистов и других, объяснявших возникновение социального и имущественного неравенства в первую очередь отступничеством церкви и правящих классов от истинных идеалов раннего христианства. Несмотря на религиозную форму ересей, они имели конкретное экономическое содержание, выраженное в ожидании всеобщего блага и счастья людей, наступлении «тысячелетнего царства», пропагандировали отношения, характерные для первых христианских общин. В некоторых из этих сект воскрешались идеалы евангельского учения и создавались самоуправляемые общины с аскетической уравнительностью в потреблении и совместным ведением хозяйства. В редких случаях этот крестьянский религиозный коммунизм перерастал в вооружённое общественное движение, как это случилось в позднее средневековье в Чехии, во время Гуситских войн (табориты) и в Германии, во время Крестьянской войны XVI века (Т. Мюнцер)» [22].

В Италии утопический социализм описывал Томмазо Кампанелла в произведении «Город Солнца» (1623). Он также создает идеальное государство с общественной собственностью, где все блага распределяются между жителями поровну.

Сторонники утопического социализма понимали, что между социальным неравенством и частной собственностью существует неразрывная связь. Они мечтали о великом правителе-политике, завоевателе, мыслителе, показывающем пример другим в гуманизме, который был способен править всем миром, если бы в этом возникла необходимость.

В Новое время утопический социализм возглавляли англичане Дж. Уинстэнли и Джон Беллерс. Во француз-

ских романах XVII–XVIII вв. утопический социализм составлял основную форму, в которых идеальное общество туземцев, которым присуще добродетели, противопоставлялись европейской несправедливости.

«В XVIII веке с проповедью революционного ниспровержения гнёта и эксплуатации выступал Ж. Мелье, стоявший на позициях общинного патриархального коммунизма. Для многих коммунистических сочинений того же столетия основополагающим мотивом была просветительская теория «одинаковости естественной природы» человечества и вытекающего из этого положения «равенства прав» всех людей. Исходя из этих идей, Морелли и Г. Мабли обосновали коммунизм с точки зрения теории естественного права» [22].

В эпоху Просвещения утопический гуманизм провозгласил права граждан на труд, обязательность труда для каждого, социальную справедливость, права граждан на землю. Во времена Великой французской революции идеи морального социализма политизировались. Уравнительная (эгалитарная) утопия требовала равного передела земли, ограничения прав на нее и подчинить законы нуждам граждан. Чем дальше углублялась революция, тем радикальнее становились идеи утопического социализма, в частности, от проекта мирного законодательного введения общинного коммунизма – до коммунистических переустройства путем революционной диктатуры. «Квинтэссенцией развития радикального утопизма были взгляды Гракха Бабёфа и бабувистской программы заговора равных, впервые выдвинувших требование коммунистической революции с введением после её победы коммунистической диктатуры и обосновавших необходимость переходного периода от капитализма к коммунизму. Выражая взгляды людей домашинной эпохи, бабувизм показывал идеал коммунистического общества как аграрного и ремесленного, развивающегося на основе ручного труда, в распределении предлагал строгую уравниловку, всеобщий аскетизм, выказывал негативное отношение к людям умственного труда» [22].

В XIX в. за социалистические идеалы выступили великие утописты К.А. Сен-Симон, Ш. Фурье, Р. Оуэн. Они впервые выдвинули отдельную теорию утопического социализма как науку. Преобразование общества они предполагали путем создания крупного общественного производства с применением новейших достижений науки и техники. Они смогли отойти от уравниловки в распределении благ и выдвинули принцип «по способностям». Их общество изображалось в изобилии, удовлетворялись все человеческие потребности, расцветала личность. По их взглядам, не должна быть разница между умственным и физическим трудом, между городом и деревней, планируется производство, а государство управляет не гражданами, а производством. Великая Французская революция показала несостоятельность революционных масс, доминирующее мнение думающего меньшинства и волю отдельных людей.

Утопическому социализму в России конца XVIII – начала XIX в. Предшествовали А.Н. Радищев, П.И. Пестель. В 30–40-е гг. взгляды А.И. Герцена и Н.П. Огарёва, на которых влияли учения Сен-Симона и Фурье, заложили основу утопического социализма в общественной мысли России.

Русский ранний утопизм сначала был разновидностью христианского социализма, представителем которого являлся В.С. Печерин и др. эта разновидность существовала и позже (петрашевцы, народники, общество Кирилла и Мефодия).

Наиболее яркими утопистами-социалистами в эти годы стали А.И. Герцен, Н.П. Огарёв, В.Г. Белинский, М.В. Петрашевский, В.А. Милютин. «Суть социалистического учения они понимали как антропологическую идею природы, полной реализацией которой только и может быть социализм, и историческая диалектика мирового разума, понятого как дух человека, изначально стремящегося к строю братства и равенства» [22].

60–70-е гг. XIX в. ознаменованы возникновением «русской» – крестьянской разновидностью утопиче-

ского социализма, названным народничеством. Народники развивали идеи социализма среди народа. Предлагалось строить социалистическое общество путем создания крупной промышленности, что было предложено Д.И. Писаревым. Наиболее основательная теория утопического социализма была описана Н.Г. Чернышевским, в основу которого была заложена теория марксизма.

Таким образом, в этом параграфе мы рассмотрели понятия, раскрывающие тему нашего исследования, каждое из которых в основном разработано в философской, исторической, психологической, социальной и педагогической литературе. Такое понятие, как «влияние» имеет многочисленные определения в перечисленных выше областях наук. Рассмотрев большинство из них и вооружившись с наиболее значимыми для данного исследования, мы разработали собственное определение, способствующее пониманию данного понятия в рамках сочетания с другими понятиями, раскрывающими тему исследования. Более глубокому и основательному раскрытию содержания понятия «влияние» в нашем исследовании способствуют его синонимы, в частности, самым близким является понятие «авторитет», которое также имеет множество дефиниций.

Определению поддаются и понятия «античность» и «утопизм», которые мы использовали в данном параграфе в готовом виде, т.к. их значения в нашей теме исследования конкретные.

Что касается понятий «античная философская мысль», «средневековый», «тюркский», то они подлежат разъяснению, т.к. терминологически слишком объемные. Следует отметить, что в научной литературе их содержание находит разностороннее и глубокое раскрытие, чем мы и воспользовались в данном параграфе. Интересно, что суть «утопизма», особенно «утопического социализма», пронизывает все времена, начиная от античности, включая наше время.

1.2. Первоисточники исследования преемственности античного и тюркского средневекового утопического гуманизма

Большинство текстов греческих философов представлены в средневековых рукописях на греческом языке. Кроме того, ценный материал представляют собой средневековые переводы с греческого на латынь, сирийский и арабский языки (особенно в случае, если греческие оригиналы безвозвратно утрачены), а также ряд рукописей на папирусах, отчасти сохранившихся в г. Геркулануме, засыпанном пеплом Везувия – этот последний источник информации об античной философии представляет единственную возможность изучать тексты, написанные непосредственно в античный период.

Античный философ Сократ не оставил после себя никаких письменных источников. Сведения о нем сохранились в трудах его последователей Ксенофонта, Платона, Аристотеля и др. Сократ – Афинский представитель древнегреческой философии, основоположник диалектики. Благополучие государства и его граждан Сократ хотел видеть в твердых законах, которым подчинялись бы все. Он призывал подчиняться лицам при власти. Он отрицательно относился к нарушению установленных законов, в чем нет ничего антидемократического. Он считал «аристократией» (власть лучших) государственный строй, где «должностные лица выбираются из людей, исполняющих законы» [23].

Плутократия (власть богатства) Сократом определяется как правление государством, где во власти богатые. Что касается «аристократии», то при такой власти главенствуют законы. Он был уверен, что в государстве уважения заслуживает тот, кто в управлении соблюдает законность. К «законному» и «справедливому» Сократ относит то, что граждане по согласованию между собой написали, что можно делать и от чего следует воздержаться. По мнению Сократа, «тирания» творит беззаконие и несправедливость по отношению к народу и по воле правителя.

Сократ выступил за умеренную демократию, что установилась в Афинах. Действия Перикла, который управлял государством в то время, нашли одобрение Сократа. «По своей натуре Перикл, с его сдержанностью и неумением легко общаться с согражданами, непринужденно сближаться с народом вне народного собрания и других официальных государственных учреждений, менее всего был «демократом» в смысле «популярности». Противник крайней демократии и анархического своеволия, Перикл правил «умеренно»...: он стремился сочетать принципы свободы и равенства с главенством закона и законности, народовластие с «повиновением лицам, облеченным властью в данное время»... Характеризуя правление Перикла, Фукидид... замечает, что Перикл, опираясь на свой престиж, и влияние, «свободно сдерживал народную массу, и не столько она руководила им, сколько он ею». «Но именно это была демократия, на деле власть принадлежала первому гражданину» [23].

В управлении государством Сократ решающую роль отводил не форме правления, а соблюдению законности и умелости правителя. Перикл был именно таким, т.к. после его смерти в Афинах установилось господство демагогов. Равные преемники его старались угождать народу в погоне за превосходством. Если раньше к руководству народом неопытные государственные деятели не допускались, то после Перикла это стало обычным явлением. Именно поэтому Сократ выступал за квалифицированных руководителей государством, что явилось его основным требованием в деле государственного управления. «Проводя аналогию между государственным деятелем и кормчим на корабле, он считал, что государством должен руководить лишь тот, кто сведущ в области управления, подобно тому, как кораблем может управлять лишь тот, кто обладает необходимыми знаниями, опытом и навыками кораблевождения» [23].

Сократ отвергал выбор чиновника по жребию, что и в последующие времена, вплоть до наших дней, считалось

«антидемократизмом». Эта мысль его погубила, ее выставили главным аргументом обвинения Сократа в суде. «В своих взглядах на государственное руководство Сократ вышел за пределы своей эпохи. Поэтому философ был непонят многими своими согражданами и даже вызвал к себе вражду, несмотря на то, что ни в каком преступлении (уголовном, военном, культово-религиозном или государственно-политическом) он никогда не был виновен» [23].

У Сократа были свои взгляды относительно рабства. В данном вопросе он превосходил своих сограждан. Он был далек от юридического и расового подхода в определении рабства, исходил лишь из моральных определений. Рабами он считал тех, кто не понимал прекрасного, доброго, справедливого. Сюда же добавлял тех, кто не мог сдерживать свои инстинкты.

Сократ выступал за физический «полезный труд», который определял и нравственную сторону человека, а также отвергал праздный образ жизни. Деятельная жизнь, по Сократу, обеспечивает человеку свободу и счастье, в противовес пассивной жизни, заключающейся в бездействии, во сне и еде.

«Сократ, которому под угрозой смертной казни пришлось отстаивать законность и справедливость как при тирании, так и при крайней демократии, был противником той и другой формы правления. Крайняя демократия, по словам Сократа, ратуя за неограниченную свободу, подготавливает «нужду в тирании»...

Оставаясь в стороне от непосредственного участия в политической жизни Афин, Сократ считал вместе с тем своим долгом честно выполнять обязанности гражданина и строго соблюдать законы» [23].

Платон творил в течение пятидесяти лет. В отличие от Сократа, его произведения дошли до наших дней.

В работах Платона исследователи выделяют группы диалогов. Среди них самыми ранними считаются «сократические диалоги». К этому циклу работ относятся «Евтифрон», «Менон», «Лахет», «Хармид». После них были со-

зданы «Федон», «Кратил», «Пир», первая часть «Государства». За ними следуют последующие части «Государства», а также «Парменид», «Теэтет», «Федр». К последним годам творчества относят произведения «Критий», «Политик», «Тимей», «Филеб», «Софист», а также «Законы».

Учеными некоторые произведения Платона хронологически не определены, к таким относятся «Гиппий Большой» и «Ион». «По форме, по характеру и достоинствам изложения диалоги Платона неоднородны. Часть из них написана с почти драматической живописью изображения. Это блестящие сцены из духовной жизни Афин. В этих диалогах действующие лица – ярко очерченные характеры, в центре которых стоит личность Сократа, софисты, поэты, рапсоды, политические деятели. Таковы, например, диалоги «Протагор», «Федон», «Пир». Диалоги эти принадлежат истории древнегреческой литературы в не меньшей степени, чем истории древнегреческой философии.

Другую часть философских сочинений Платона составляют произведения, в которых диалогическая форма только видимость, слабо обрамляющая основное теоретическое содержание. Это диалоги-трактаты. В них исследуются труднейшие и отвлеченнейшие проблемы диалектики. Значение их не в художественном воплощении философских воззрений, а в их диалектическом развитии и обосновании. Образцы таких диалогов – «Софист», «Парменид», «Филеб». Несмотря на свойственную Платону замечательную ясность изложения, они по сложности содержания принадлежат к числу труднейших произведения мировой философской литературы» [23].

Через философию Платон не только познавал, а связал ее с Любовью, таким образом стремился к сверхчувственному миру идей. Он считал, что лишь Богам позволительно не заниматься философией, а невеждам и самонадеянным людям она недоступна. Философией занимаются люди мудрые, желающие познать и те, которые испытывают потребность в знании. «Это напряжение, порожденное недостатком знания и огромным желанием его, Платон

определяет как Эрос, Любовь, стремление к Красоте, понимавшейся им как порядок и гармония» [8].

В центре учения Платона – идеи. Идеи для него божественная сущность. Они свободные (вне пространства и времени) не меняются, вечные. Они отражают космическую жизнь и способны управлять Вселенной. «Это архетипы, вечные образцы, по которым из бесформенной и текучей материи организуется все множество реальных вещей. Идеи обладают своим собственным существованием в особом мире, и вещи существуют только постольку, поскольку они отражают ту или иную идею, поскольку та или иная идея в них присутствует. По отношению к чувственным вещам, идеи являются одновременно и их причинами, и целью, к которой стремятся существа чувственного мира. При этом между идеями существуют отношения координации и подчинения. Высшая идея – это идея абсолютно-го Блага, источник истины, красоты и гармонии» [8].

Свою теорию познания Платон строит в форме воспоминаний, которой руководит разум. По его учению, душа бессмертна. Еще до рождения ребенка его душа находится в запредельном мире и следит за миром вечных идей. Поэтому душа человека в земной жизни может вспомнить познанное ранее. По этому поводу Менон писал, что «и раз все в природе друг другу родственно, а душа все познала, ничто не мешает тому, кто вспомнил что-нибудь одно – люди называют это познанием – самому найти и все остальное, если только он будет мужествен и неутомим в поисках: ведь искать и познавать – это как раз и значит припоминать» [8].

Таким образом, истинные знания это то, что душа вспомнила ранее усвоенное. По Платону, знания, которые, практически, приобретены до рождения ребенка, являются доказательством, что душа бессмертна. «Принимая идею бессмертия души и понимая, что в таком случае смерть отнимает у человека все, кроме души, Платон приводит нас к мысли о том, что основной заботой человека в

жизни должна быть забота о душе. Эта забота означает очищение души, освобождение от чувственного в стремлении к соединению с духовным – умопостигаемым миром.

Объясняя природу души, то, какова душа сейчас и какой была до своего нисхождения в мир чувственный, Платон символически отождествляет ее с морским божеством Главком, к телу которого за долгое время пребывания в морских глубинах прикрепились много грязи. Он весь покрыт ракушками, водорослями и песком, а тело его изломано и изуродовано волнами... Душа пребывает в подобном состоянии, и она должна стряхнуть с себя все лишнее – все, что, делая ее тяжелой и бесформенной, не позволяет ей узнать себя. Она нуждается в очищении от всего, с чем срослась в течение многих перевоплощений» [8].

По учениям Платона, душа лишь внешне кажется одним существом. На самом деле в ней воссоединены три элемента: человека, лев и химера, которые неразделимы. Эти части души олицетворяют три добродетели: мудрость – разумное начало, храбрость – ярость, умеренность – воздержание.

По Платону, телесная и умственная дисциплина очищают душу, трансформируют человека, приближают к божеству. Как писал Федон, «Благоразумие, справедливость, мужество и мудрость являются средствами такого очищения» [8]. Все это является предметом философских размышлений.

Платон развивал утопические идеи идеального государства Сократа. Эти идеи наиболее полно отражены в его произведениях «Государство» и «Законы». Очищение и воспитание души дело рук политического искусства, поэтому у Платона философия и политика работают в одном направлении. Основу истинного государства может построить лишь тот политик, который занимается философией (познанием), и в таком государстве высшей ценностью являются Право и Благо. Определение места человека в обществе и познание его полностью означает построить Город-Государство.

Государство, по Платону, как и душа, имеет трехчастную структуру. В соответствии с основными функциями

(управление, защита и производство материальных благ) население делится на три сословия: земледельцы-ремесленники, стражи и правители (мудрецы-философы). Справедливое государственное устройство должно обеспечить их гармоничное сосуществование. Первое сословие образовано из людей, в коих преобладает вождедеющее начало. Если в них преобладает добродетель умеренности, своего рода любовь к порядку и дисциплине, то это достойнейшие люди. Второе сословие образовано из людей, в коих преобладает волевое начало, долг стражника – бдительность по отношению как к внутренней, так и к внешней опасности. Согласно Платону, государством призваны управлять только аристократы как лучшие и наиболее мудрые граждане. Правителями должны быть те, кто умеет любить свой Город более других, кто способен исполнить свой долг с наибольшим усердием. А всего важнее, если они умеют познавать и созерцать Благо, т.е. в них преобладает рациональное начало и их можно по праву назвать мудрецами. Итак, совершенное государство – это такое государство, в первом сословии преобладает умеренность, во втором – мужество и сила, в третьем – мудрость» [8].

По учению Платона, суть концепции справедливости составляет то, что каждый гражданин государства занимается тем, чем должен заниматься. Существующая в душе справедливость впоследствии отражается в действительности. Поэтому в идеальном государстве имеет место надлежащее образование и воспитание, с преломлением согласно своему сословию. Для государства важно воспитание стражей, некоторые из которых потом могут стать правителями. Правителей, по Платону, также следует воспитать с детства, что включает сочетание практической части и изучение философии. Конечной целью образования правителя является познание им Блага, что он олицетворял его в управляемом им государстве.

Таким образом, основными законами государства, по Платону, являются закон Блага, Добра и Справедливости. И не важно, как это может быть в идеальном государстве,

а важно, чтобы хотя бы один человек жил по этим законам. Все понимают, что утопия – это не реализуемое, но идеальное государство сначала должно родиться в душе человека, прежде чем будет реально построено. Платон об этом писал: «...ты говоришь о государстве, устройство которого мы только что разобрали, т.е. о том, которое находится лишь в области рассуждений, потому что на земле, я думаю, его нигде нет.

– Но быть может, есть на небе его образец, доступный каждому желающему; глядя на него человек задумается над тем, как бы это устроить самого себя. А есть ли такое государство на земле и будет ли оно – это совсем неважно. Человек этот занялся бы делами такого – и только такого – государства» [17].

«Законы» – после «Государства» второе большое произведение Платона об идеальном государстве. Различие в них в том, что, в отличие от идеального в «Государстве», государство в «Законах» может быть реальное стремление к идеальному. «Платон отказывается здесь от передачи всей власти правителям-философам, от отмены собственности и введения общности жен для обоих высших категорий граждан – философов и воинов-стражей. Вместо благожелательного отеческого произвола философов в «Государстве» Платон подробно разрабатывает здесь стабильные законы (многие из них обнаруживают близость с подлинными законами реальных полисов), которыми должны руководствоваться выбранные на определенный срок должностные лица» [25].

Аристотель охватил все отрасли знаний своего времени. Основными произведениями являются логический свод «Органон» («Категории», «Об истолковании», «Аналитики» 1-я и 2-я, «Топика»), «Метафизика», «Физика», «О возникновении животных», «О душе», «Этика», «Политика», «Риторика», «Политика».

В произведении «О душе» Аристотель наделяет душой не только человека, но и растений и животных, которые способны росту, питанию, размножению. Животная душа

способна чувствам. Человеческая душа – разумная. Душа – бестелесная. Из-за того, что она является смыслом и формой, душа не может быть телесной. Что касается формы, то она не внешняя, а составляет внутреннюю форму тела, что Аристотель называл энтелехией. Он противник мнения о том, что душа может переселиться, и, наоборот, считает, что душа и тело неотделимы друг от друга. Это положение больше относится к растениям и животным. Относительно души человека Аристотель высказывал разные мнения.

Бога Аристотель считает высшей инстанцией природы, а не социума. Бог у него не является высшим благом, а создатель мироздания. Бог как «форма форм» находится в пределах нашего мира. Совместно с первоматерией Он определяет пределы мира, что и составляет дуалистическую философию Аристотеля. Первая философия (метафизика) занимается тем, что постоянно во времени и пространстве и не меняется. Это и есть категории: сущность, количество, качество, место, положение, время, обладание, отношение, страдание, действие.

Политику Аристотеля составляет понимание человека как «общественного животного», суть которого состоит в привязанности к семье, обществу, государству. Государство и экономику он рассматривает с реалистических позиций. Глава государства не должен ждать благих политических условий, а находит возможность лучшего управления гражданами. Его должны беспокоить физическое и моральное состояние молодых граждан. Аристотель сторонник монархической, аристократической, демократической (умеренной) форм правления, а тирания, олигархия, охлократия (господство черни) плохие формы государства.

От тюркских империй VI–IX вв., так называемых западно-тюркских и восточно-тюркских каганатов, после распада в результате внутренних распрей и нападений внешних врагов остались письменные памятники. О первых – согдийская надпись из Бугута, от вторых – рунические надмогильные письменные памятники. В культурном

плане это и было унаследовано новой тюркской империей Караханидов в первой половине IX в., которое просуществовало до начала XIII в. (840–1212 гг.). В середине X в. караханиды приняли ислам, который распространялся и среди кочевых тюрков.

Основным просветителем этого периода стал Юсуф Баласагуни, который сочинил крупнейшую поэму, дошедшую до наших дней, «Кут адгу билик» («Кут адгу билик»), которая имеет различные переводы на русский и другие языки, среди которых наиболее удачным следует считать перевод С.Н. Иванова «Благодатное знание». Суть переводов сводится к тому, что поэма о знаниях, приносящих людям счастье.

Представляя свое произведение читателю, сам Ю. Баласагуни пишет:

«Я книгу назвал «Благодатное знанье» –
Благие читающим в ней назиданья» [5: 55].

Ю. Баласагуни сам же и определил, кто будет читать его книгу, на кого она рассчитана:

«И ведает цену ей лишь просвещенный,
Что может невежда понять неученый!
От неуча книгу подальше храни,
Будь он тебе ближе ближайшей родни!
Невежда не вникнет в нее, не заглянет,
А мудрый прочтет и хранить ее станет» [5: 8].

Никаких сведений о жизни и деятельности Ю. Баласагуни не сохранились. Исследователи о нем судят лишь по стихотворным строчкам, в которых он сообщает о себе очень мало сведений.

Юсуф родился в Баласагуне (Куз-орду), географическое расположение которого до сих пор с точностью не определено. По описаниям, этот населенный пункт находился в Семиречье, в долине Чуй, близ города Токмак Киргизии. По исследованиям А.Н. Кононова, «город Баласагун упоминается в исторических сочинениях в качестве резиденции первого завоевателя Мавераннахра Богра-хана Харун б. Мусы (ум. 382х./992–993 г. н. э.)... Позже Баласагун, по-

видимому, принадлежал обычно тому же правителю, что и Кашгар. Последнее указание имеет весьма важное значение: Кашгар – один из культурных центров Восточного Туркестана – вместе с Баласагуном, который уже в середине X в. рассматривался как мусульманский город, являлись в XI в. форпостом мусульманской учености» [5: 500].

Город Кашгар в то время был центром культуры, где жил и творил современник Ю. Баласагуни – Махмуд Кашгари (XI в.). Кашгар – восточный центр государства Каракханидов, современный город того же названия в Западном Китае, в Синьцзян-Уйгурской автономной области [5: 541]. По описаниям самого Ю. Баласагуни, он также творил свое произведение в Кашгаре:

«Сочинитель сей книги – уроженец Баласагуна, муж воздержанный и благочестивый. Завершил же книгу сию он в Кашгаре и представил ее ко двору властителя Востока Табгач-хана; повелитель почтил и возвеличил сочинителя, дав ему титул хасс-хаджиба; посему и известна слава имени его – Юсуфа, Великого хасс-хаджиба» [5: 6].

Судя по строкам поэмы, просветитель хорошо знал цену своего труда, обращаясь к читателю, он пишет:

«И это – тебе мой завет с наставленьем,
Почтить не забудь меня добрым моленьем.
И помни, что книгу составлявший муж
Искусен в речах был и знатен к тому ж,
Был мудр он, дарами отмечен на диво,
И век, ему данный, провел он счастливо.
Он был почитаем людьми, благочестен,
Умен, рассуждением здравым известен,
Родные пределы его – Кузорду,
Прекрасен язык в его славном роду!
Свой край он покинул, влекомый призваньем,
И эту книгу закончил созданием.
Он все написал, твердо двигаясь к цели,
И труд завершен был в Кашгарском пределе» [5: 10].

Автор здесь во второй раз упоминает, что свой труд он завершил в Кашгаре.

О времени создания своего произведения поэт пишет:
«Четыреста да шестьдесят да второй
Шел год, как я этому слову дал строй» [5: 481].

462 г. хиджры равен 1069–1070 гг. Об этой дате поэт повторяет и в других строчках поэмы. В разделе «Сочинитель сей книги Юсуф, Великий хаджиб, дает себе наставления» просветитель сообщает, что:

«Четыреста да шестьдесят да второй
Шел год, как я слову и жизнь дал строй.
Слагал восемнадцать я месяцев сказ:
Слова отбери, да приладь, да пристрой!» [5: 491].

Таким образом, поэт сочинил свое произведение за восемнадцать месяцев. Поэма создана уже в зрелом возрасте, о чем поэт сообщил:

«О, где моя юность! Я каюсь сурово,
Да что в этом пользы – кончаю я слово!
Чьи годы за сорок прошли чередою,
Уж тот распростился с порой молодою.
А мне пятьдесят, и немолод я телом,
Был вороном черным, стал лебедем белым.
И кличет шестой мой десяток: «Иди!» –
Пройду, если нет западни впереди!
Когда шестьдесят уже минуло мужу,
Сменил летний зной он на зимнюю стужу.
Чьи в тридцать собрал – в пятьдесят все уйдет,
А что в шестьдесят твоих лет тебя ждет!
Что сделал я вам, пятьдесят моих лет?
За что ваша месть насылает мне бед?» [5: 56-57].

Как отметил А.Н. Кононов, «по подсчетам турецкого филолога Р.Р. Арата (1900–1964), года поэма была закончена, автору ее было приблизительно пятьдесят четыре года. Если это верно, выходит, что Юсуф родился в 1015–1016 г. н. э. По мнению другого турецкого филолога А. Дильачара (1897–1979), Юсуф родился около 1018 г. н. э., в 1068 г. н. э. отправился в Кашгар, где в течение восемнадцати месяцев работал над сочинением поэмы и в следующем – 1069 г. н. э. преподнес ее «Царю Во-

стока и Китая» Тавгач-Богра-хану (предисловие в прозе, бейты 25–26) или «Хану ханов Тавгач-Кара-Богра-хану (предисловие в стихах, бейт 60), полное имя и титул которого звучали так: Тав(ф)гач-Богра-Кара-хакан Абу Али Хасан, сын Сулеймана, Арслан-Кара-хакана (правил в 1056–1103 гг. н. э.)» [5: 500-501].

За данную поэму, посвященную себе, Тавгач-Кара-Богра-хан в знак благодарности и признательности возвысил просветителя до чина хасс-хаджиба, т.е. до управляющего всеми придворными слугами, о чем поэт писал:

«Прочел он свой труд, как настала пора,
Пред ханом Табгач-Караханом Богра.
Даров поднесли ему много – без счета,
За мудрость и ум, в изъявление почета.
Был дан ему сан хасс-хаджиба в награду,
И был он приближен к высокому взгляду.
По праву его в этот сан возвели,
Юсуф хасс-хаджиб его звали, – внемли!» [5: 10-11].

Следует отметить, что о своей должности Ю. Баласагуни пишет «Улуг»-«Великий», что соответствует должности современного министра. Хасс-хаджиб должен обладать отличительными от других качествами, чему посвящена отдельная глава поэмы «Огдюльмиш рассказывает элику, каким должен быть муж, достойный должности великого хаджиба, в частности:

«Великий хаджиб совершенным быть должен,
Правдивым и в вере смиренным быть должен.
Он должен быть знатен и нравом не крут –
Заботливо пестовать подданный люд...
Нежаден и совестлив, щедр и умен,
Он должен быть знаньем наук умудрен.
Нежадные люди на подкуп не падки,
Срам беку – хаджиб, вымогающий взятки...» [5: 199-200].

Рассказывая о своей должности, Ю. Баласагуни перечисляет, практически, все положительные качества хасс-хаджиба, которые ведут к всеобщему сча-

стью и благоденствию граждан общества, в общем-то, чему и посвящена поэма «Благодатное знание»:

«Владея собой, терпеливым быть надо –
Умеренной речью, смиренностью взгляда.
Слух должен быть остр, ум и знания сильны,
А сердце и речь правде дела верны.
Все надо уметь и в письме быть умелым
И все свои знания оправдывать делом.
Все знать и радеть обо всем до конца
Великий хаджиб должен в поте лица.
И если подумать, суть дел разумея,
Служенье хаджиба – всех служб тяжелее.
Зовешься хаджибом – всем этим владей –
И сможешь вести за собою людей» [5: 202].

В своих суждениях поэт-просветитель всегда опирается на мудрые мысли поэтов, писателей, на народную мудрость (притчи, присказки, пословицы и поговорки), которые о должности хасс-хаджиба гласят:

«Хаджиб должен десять достоинств иметь:
И оком, и слухом, и сердцем владеть,
Быть умным и статным, красивым и ладным,
Разумным и мудрым, и – делу радеть!» [5: 202].

Должность хасс-хаджиба такая служба, которая заменяет, практически, управление государством правителя:

«И сколько элику ни выпадет срока,
Великий хасс-хаджиб – его бдящее око.
И если хаджиб все законы блюдет,
Для них нет закрытых путей и ворот» [5: 202].

Это работа с людьми, поэтому от должностного лица требуется максимальная коммуникабельность:

«Заботы хаджиба – великое дело,
Лишь опытный муж с ними следит умело.
Хаджибом ли, беком быть – дел без предела.
Крупны ли, малы – всем отдайся всецело!»
Писец ли придеть, казначей ли – прими,
Портной ли, сапожник – знай дело с людьми.
С чужим ли, с послом – надо дело вести,

Подарки, награды раздай, угости!
Ему – всем ночлег дать, подумать про снедь,
Довольным помочь и бездольных жалеть.
Ему – и гостей поджидать на пути,
Ему – и закон неотступно блюсти.
Ему – бедных, вдов и сирот защитить,
Всех выслушать, всех в свой черед защитить.
И если просителей горе гнетет,
Помочь, пособить им и делу дать ход.
И где неполадки – вовне ли, внутри,
Поставь им заслоны и зло присмири.
Все эти заботы трудов его ждут,
Великий хаджиб в них влагает свой труд» [5: 203].

От человека на должности хасс-хаджиба требуется надежность:

«Долг первый его – волю бека блюсти,
Второй долг – все страсти умом оплести.
И третье – следить за собой каждый миг,
От лишних речей удержать свой язык.
Пусть взятки не терпит он в службе своей
И к беку приблизит достойных людей» [5: 203].

Таким образом, «Улуг хасс-хаджиб – всевидящее око правителя; он наблюдает за исполнением законов и обычаев, входит в сношения с казначеем, писцами, ремесленниками, принимает и провожает послов, наблюдает за правильной организацией официальных церемоний, выслушивает просьбы и жалобы бедняков, вдов и сирот, докладывает о них элик-беку, правителю, описываемому в «Кут адгу билик», т.е. Тавгач-Кара-Богра-хакану» [5: 502].

Относительно языка произведения среди ученых существуют разные мнения. Сам поэт об этом сообщает следующее: «Книга сия величественна в славе своей. Читающий книгу сию, созданную по изречениям мудрецов Чина и украшенную стихами мудрецов Мачина, и возвещающий стихи ее сам возвеличен ею. Ученые и мудрые мужи Мачина согласны в том, что в восточных владениях, в государствах Туркестана никто не составил свода лучше

этой книги, сочиненной на языке бограхановском и тюркской речью» [5: 5].

По рассуждениям А.Н. Кононова, «*бограхановский язык* – письменно-литературный язык, распространенный в Караханидской державе (840 – 1212) эпохи правления хана ханов Тавгач (Тафгач)-Кара-Богра-хакана...

Бограхановскому языку Юсуфа Баласагунского у Махмуда Кашгарского, автора «Словаря тюркских языков (составлялся в течение 1071 – 1083 гг. н. э.), по-видимому, соответствует язык, названный им *хаканским*, который, среди других тюркских языков, Махмуд считал самым чистым и самым приятным на слух» [5: 502].

В.В. Радлом назвал язык поэмы уйгурским, датский лингвист и тюрколог В. Томсен его полностью отрицал. С.Е. Малов и Н.А. Баскаков считают язык дневнеуйгурским или уйгурским; А.М. Щербак называет карлукским; Э.Р. Тенишев останавливается на караханидско-уйгурском (*хаканском*, *буграхановском*, *бограхановском*); Г.Ф. Благова считает карлукско-кыпчакским; А.А. Валитова – караханидским; А. Дильчар относит к группе караханидско-тюркского языка [5: 503-504].

Анализируя все имеющиеся сведения, А.Н. Кононов обобщает, что «язык поэмы Юсуфа Баласагунского можно было бы называть по признаку его высоких достоинств *хаканско-тюркским*, по династийному признаку *караханидско-тюркским*, *караханидско-уйгурским*, судя по племенной принадлежности – *карлукским*, а по культурно-историческому признаку – *карлукско-уйгурским* [5: 504].

Поэма Ю. Баласагуни «Кутадгу билик» по литературным признакам относится к этико-дидактическим сочинениям, а что касается педагогического содержания, то ее следует отнести к утопическому произведению обучающе-воспитательной направленности. Главным в произведении является то, что путем справедливого правления добиться в государстве всеобщего благоденствия и счастья. Весь сюжет, действия героев, нравоучения, воспитание сводятся к достижению данной цели. По исследованиям

А.Н. Кононова, «этико-моралистические сочинения были давно и широко известны на Востоке и на Западе, а потому совершенно естественно предположить, что у Юсуфа Баласагунского были предшественники как из тюрков, так и представителей других народов Востока. Однако пока что, до новых счастливых находок, поэма «Благодатное знание! Юсуфа Баласагунского является первым, старейшим и пока единственным сочинением на одном из тюркских языков, основанным на мусульманской идеологии и пропагандирующим эту идеологию» [5: 506].

Поэму составляют 6520 бейтов (двустихий), которые разделены на 85 глав. Начало поэмы состоит из вводной прозаической части. «Основная часть поэмы написана в форме двустихий месневи, арузом, размером «сокращенный мутакариб»; первое приложение (бейты 6521–6504) написано полным мутакарибом» [5: 507].

Несмотря на свою этико-моралистическую направленность, поэма не состоит лишь из сухих наставлений и нравоучений. Она считается философским произведением (что выявляется и сопоставительным анализом с античными произведениями), в котором просветитель размышляет об устройстве государства, привитии положительных качеств людям, предназначении человека в земной жизни, подготовке к вечной жизни, в связи с этим определяются нормы поведения и деятельности человека и т.д. Оставаясь светским, все описанное отвечает канонам религии, что соответствует средневековому тюркскому обществу, где в конце VIII в. был принят ислам как официальная религия. В то же время Ю. Баласагуни остается двигателем общества в качестве критика, что он смело предпринимает в своем произведении.

Что касается утопизма Ю. Баласагуни, то, по исследованиям А.Н. Кононова, «автор поэмы «Благодатное знание», изображая идеальное условия жизни человека, что является его основной целью, касается в известной мере и того круга людей, среди которых он жил, и, таким образом, приближается к реальной жизни. При этом следует

обязательно иметь в виду, что Юсуф Баласагунский был прежде всего поэтом, а потому не следует искать в его поэме точного отображения повседневной жизни современного ему общества, и тем не менее сквозь поэтическую оболочку, через вуаль иносказаний проглядывает повседневная жизнь людей того времени. В своих поучительных иносказаний Юсуф мысленно проецирует идеальные образы людей на фон, состоящий из людей невыдуманных, живых» [5: 507-508].

В своем произведении Ю. Баласагуни выступает знатоком народной педагогики. Выявляя долю народной педагогики в поэме «Кут адгу билик», мы уже отмечали, что «от предков молодому поколению достался по наследству «надежный закон». Этот закон звучит так: «наследием предков народ вознесен». Это наследие, которое вознесено народом, – знания, накопленные народом веками. Это «наследство живому от мертвого – слово, и польза верна от наследия такого». Поэт призывает прислушиваться к советам мудрых. «Прозри, о слепец, и внимли мудрецам», – обращается он к тем, кто недооценивает пронзительную и неоспоримую правдивость народной мудрости. Ю. Баласагуни широко использует для своих дидактических целей народную мудрость, устное поэтическое творчество, изречения, пословицы, поговорки тюркских народов.

Мудрость народа поэт вкладывает в уста безымянных опытных старцев, мудрых людей и употребляет для их названия слова «тюрк», «благие мужи», «проницательный муж», «мудрые», «доблестный муж» или часто представляет прямо эту мудрость как «turkler sozu» – «слова тюрков». Это такие выражения, как «У мудрых давно поговорка была, а мудрые знают людские дела!», «У тюрков об этом присловье есть, и здесь его к месту хочу я привести», «Хранит речи мудрые тюркский язык, послушай, что молвит премудрый старик», «Послушай, что речь наших предков гласит, пословицы предков хранить надлежит», «пожилой и бывалый», «сказано прекрасно» и т.п. [13].

Все пословицы и поговорки заключены в поэме в четверостишия и оговорены у Ю. Баласагуни как «turkse mesel». Они использованы без изменения или в поэтической обработке. Поэт использует народную мудрость, чтобы сделать более вескими свои педагогические, политические, этические и философские положения. В очень разнообразных по своему содержанию пословицах и поговорках чувствуется сочность и острота педагогических взглядов тюркского народа.

Такое обилие средств народной педагогики в поэме доказывает, что Ю. Баласагуни был очень близок по своему духу к простому народу, хорошо знал устное народное творчество, традиции, обычаи народа и использовал по мере возможности в своем произведении. Эти же мысли подтверждает переводчик поэмы на русский язык С.Н. Иванов: «Все морализующие сентензии в беседах постоянно сопровождаются ссылками на изречения мудрецов, поэтов, доблестных мужей и т.д. В прозаическом предисловии сказано, что книга создана автором по изречениям мудрецов Чина и украшена стихами мудрецов Мачина. Во многих случаях эти стихотворные «цитаты» имеют форму рубаи, т.е. четверостиший схемой рифм а а б а. Таких четверостиший более двухсот. Что это – действительно включение «чужих» стихов в текст сочинения или же литературный прием? Ни в одном случае автор не упоминает конкретного источника этих «цитат», и если отличие их форм (рубаи) от стиховой структуры основного текста (месневи) как будто бы позволяет предполагать в них заимствования (или перевод с персидско-таджикского?), то в случаях рифмования «цитат» с авторскими строчками и, соответственно, отсутствия стиховойцельнооформленности у «цитат» можно, по-видимому, усматривать подтверждение авторства самого Юсуфа...» [5: 524].

В настоящее время имеются три рукописи поэмы «Кут адгу билик» Ю. Баласагуни. Первая называется *венской* по месту хранения, или *гератской* по месту переписки; вторая – *каирская* рукопись, копия которого хранится в ру-

кописном отделе Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения АН России; третья – *наманганская (ферганская)* рукопись хранится в Институте востоковедения АН Узбекистана. Об истории этих рукописей – переписчиках, обнаружении, хранении, сравнительном изучении – подробно написал А.Н. Конов в приложении к изданию поэмы 1983 г. на русском языке.

Во время написания поэмы «Кут адгу билик» в Кашгаре пользовались уйгурским и наступающим арабским алфавитом. Как выдающийся ученый своего времени Ю. Баласагуни владел двумя алфавитами. По словам В.В. Радлова, «как уроженец города Баласагуна (в Семеречье), автор первоначально написал свою поэму арабскими буквами, вне влияния уйгурского письменного языка, но поэма подверглась этому влиянию в Кашгаре, где была закончена и понесена хану, который велел переписать ее, для распространения в народе, уйгурским алфавитом» [5: 513].

Самым первым исследователем поэмы «Кут адгу билик» Ю. Баласагуни считается французский тюрколог А.П. Жобер (1779–1847). Затем в разные годы исследованием поэмы занимались С.Е. Малов, Д.М. Насилов, К. Каримов, Р.Р. Арат, А. Дильчар и др. Каждый из них вложил свой вклад в популяризацию произведения тюркского поэта.

Ранее мы подвергли исследованию и поэму Ю. Баласагуни «Кут адгу билик». Нами осуществлено историко-педагогическое обобщение гуманистических педагогических мыслей тюрко-татарских утопистов исследуемого периода; определены основные направления гуманистических педагогических мыслей тюрко-татарского средневековья, главными из которых выделены развитие разума и сознания, приобретение разностороннего комплекса знаний, совершенствование нравственности, опора на эстетику прекрасного, гуманность взаимоотношений в семье, использование в воспитании средств народной педагогики; раскрыты теоретико-методологические основы становления и развития тюрко-татарской гуманистической педагогической мысли, важнейшими среди которых яв-

ляются гуманистические тенденции древнегреческой философии и педагогики, исламский гуманизм, опирающийся на Коран и хадисы пророка Мухаммеда, арабо-иранская эстетика художественного, а также собственно тюрко-татарский этикет, мораль, нравственность, составляющие основу народной педагогики; выявлен утопический характер содержания тюрко-татарской средневековой гуманистической педагогической мысли, направленной, во-первых, на воспитание гуманных членов общества, а также отдельно взятой личности, во-вторых, на воспитание гуманистических качеств и свойств в правителе государством, в-третьих, на утверждение идеи справедливого правления государством для того, чтобы прийти к справедливому, гуманному и экономически развитому обществу, которую можно было бы представить условно в виде следующей схемы: воспитание в личности гуманных качеств — гуманная личность = гуманный правитель — гуманное общество [13].

Г. Флюгель, И.Н. Березин, Н.И. Ильминский использовали тексты поэмы в своих трудах в различных целях.

Венгерский тюрколог Герман Вамбери (1831-1832–1913) опубликовал венскую (гератскую) рукопись поэмы впервые. Затем в 1910 г. В.В. Радлов издал транскрипцию и перевод поэмы «Кут адгу билик» на немецкий язык. Продолжая его дело, С.Е. Малов издал отрывки из поэмы. В 1947 г. Рашид Рахмети Арат издал критический текст поэмы на турецком языке. С опорой на его транскрипцию Каюм Каримов издал транскрипцию поэмы на современном узбекском языке и в переводе на узбекский язык в 1971 г.

Русскому читателю поэма стала доступной, благодаря переводу С.Н. Иванова, осуществленного из турецкого варианта Р.Р. Арата. Поэма «Кут адгу билик» Ю. Баласагуни издана под названием «Благодатное знание» в издательстве наука в 1983 г. тиражом 40000 экземпляров. Что касается имени просветителя, то на русский лад он назван Баласагунским, а тюркский вариант принят как Баласагуни, что не представляет принципиального различия.

Что касается сюжетной линии «Кут адгу билик» Юсуфа Баласагуни, то она преследует дидактические, по-другому просветительские цели. Главными героями являются четыре героя, олицетворяющие собой четыре символа. Элик Кюнтогды (Солнце взошло, День занялся) олицетворяет Справедливость или Правду; везир Айтолды (Понолуние, Луна стала полной) – Счастье; сын его Огдюльмиш (Достохвальный) – Разум (Ум); брат везира Одгурмыш (Пробуждающий) – Непритязательность.

Наслышанный о могуществах и справедливости элика-правителя Айтолды, будучи из простого народа, поступает на службу к Кюнтогды на должность везира, таким образом становится его близким советником и собеседником, а также доверенным лицом. После смерти его пост занимает сын Огдюльмиш, который также становится близким правителю человеком. Огдюльмиш пытается привлечь к делу управления государством родственника мудреца-отшельника Одгурмыша, который никак не соглашается и, в конце концов, умирает. Элик Кюнтогды и визир Огдюльмиш, горюя над усопшими, восхваляют добродетели, которые были свойственны им.

Композицию «Кутадшу билиг» составляют два предисловия, написанные прозой и стихами, восемьдесят пять глав и заключение, содержащее три стихотворения. После предисловия дается подробное оглавление с названиями глав. Первые одиннадцать глав посвящены традиционным, принятым в восточной литературе, восхвалениям Аллаха, Пророка и его сподвижников, описанию Зодиака, времен года, восхвалению знания и учения, доброты, правильной и уместной речи.

События произведения состоят из бесед героев и их писем. «Беседы героев и их письма затрагивают три основные темы: о неотвратимости смерти и необходимости помышлений о грядущей вечной жизни (не будь беспечным, твори добро, оставь по себе доброе имя), о тщете мирских соблазнов и необходимости служения богу, о непостоянстве суетных благ и необходимости ценить непреходящее (добро,

справедливость, ум и знания, сдержанность, щедрость и т. п.). Идеалы, лежащие в основе этих бесед, декларированы автором во вводных главах (главы 7–10).

В беседах находит отражение «вечные истины» и вневременные нравственные ценности: понятия об идеальном государстве, о преданных слугах, о пользе добра и т. п.» [5: 523-524].

Высоко оценивая труд поэта-просветителя, исследователь А.Н. Кононов писал: «Юсуф Баласагунский, как это с полной очевидностью устанавливается из его поэмы, был выдающимся поэтом, высокообразованным человеком, многомудрым знатоком человеческой души, философом, ученым-энциклопедистом, стихотворцем, владевшим всеми тонкостями арабской и персидской поэзии и тюркского фольклора; он был сведущ в астрономии и математике, в медицине и элоквиции, в игре в шахматы и народных спортивных играх, в охоте и птицеводстве и во многом, многом другом.

«Кут адгу билик» – дидактическая поэма, жанр которой уходит в глубочайшую древность. Этот жанр был известен древним египтянам, индийцам, арабам, персам («Сиасетнаме», «Пенд-наме»), а позднее и европейцам, которые в эпоху Ренессанса, т.е. почти пять веков спустя после «Кут адгу билик», для выражения тех же идей пользовались формой «зерцал», отображающих их этические идеалы. У французов было «Miroir des Princes», у англичан «Mirror of Princes», у немцев «Fürstenspiegel»; у славян близкими к этому жанру были свои нравоучительные книги: старославянский «Златоструй», русский «Златоуст», «Домострой»» [5: 517].

Таким образом, первоисточники, которыми мы пользовались в ходе исследования обозначенной проблемы, в определенных направлениях научного познания являются исследованными. Изучение имеющейся научной литературы свидетельствует, что проблема влияния античной педагогической мысли на тюркский средневековый утопизм является новым направлением, до сих пор не подвергнутым специальному исследованию.

1.3. Историко-философские и педагогические предпосылки преемственности античного и тюркского средневекового утопического гуманизма

Античный философ Сократ, проживая в Афинах, собирал кружок слушателей, где обсуждались философские вопросы. Тему им определяли заезжие софисты. Его кружок стал первой школой философии в Афинах из-за его постоянного проживания в городе.

После кончины Сократа такие постоянные школы философии размножались его учениками, которые писали разные диалоги и речи, но многие из них не сохранились.

Все последователи Сократа любили спорить. «Это означает, что в их школах постоянно функционировал институт диспутов. Диалоги в письменной форме фиксировали эти диспуты, закрепляя технику ведения спора, т.е. философского аргументированного рассуждения. Сочинение речей позволяло быть на уровне других школ, которые также возникают в это время, – риторических. Проблематика речей и споров завещана софистами и Сократом. Занятия в школе, никак не включенной в систему государственных и религиозных учреждений, но всегда бывшей результатом частной инициативы, ведут к совершенствованию ученика и достижению добродетели» [1]. Диалоги Сократа с учениками приводили их к истинному суждению. Он задавал вопрос за вопросом, пока не уточнял окончательный ответ.

Затем в форме бесед свои произведения сочинял ученик Сократа Платон. Его произведения «Государство» и «Законы» как бы продолжают беседы Сократа с молодежью только не в устном, а письменном виде. «Платон стал выдающимся мастером и реформатором жанра сократического диалога, получившего распространение в школах, основанных учениками Сократа. Главное действующее лицо платоновских диалогов – Сократ, который беседует со своими собеседниками, реальными историческими лицами V в., на темы о знании и добродетели, бытии и не-

бытии, справедливости и т.д. Наиболее ранние сочинения (*Апология*, *Критон*, *Ион*, *Евтифрон*, *Хармид*) в какой-то мере отражают содержание бесед исторического Сократа, но учение, излагаемое персонажами диалогов, принадлежит исключительно гению Платона, который избрал не-догматическую форму диалога для изложения собственного философского учения» [16].

Такой подход к освещению истины наблюдается в поэме «Кут адгу билик» («Благодатное знание») средневекового тюркского просветителя Ю. Баласагуни. Вся поэма его состоит из диалогов поэтических героев, которые наставляют, задают вопросы, уточняют ответы друг друга. Имеется полное основание, что Ю. Баласагуни заимствовал использование в учении метода беседы у античных философов как художественно-литературный прием, т.к. об этом свидетельствует и содержание поэмы, что будет рассмотрено во второй главе настоящего исследования.

Своим учением Сократ повернул философское мышление, которое раньше рассматривало природу и мир, в сторону человека. «Его деятельность – поворотный момент античной философии. Своим методом анализа понятий (майевтика, диалектика) и отождествлением положительных качеств человека с его знаниями он направил внимание философов на важность значения человеческой личности. Сократа называют первым философом в собственном смысле этого слова. В лице Сократа философствующее мышление впервые обращается к себе самому, исследуя собственные принципы и приёмы. Представители греческой ветви патристики проводили прямые аналогии между Сократом и Христом [6].

По мнению Сократа, государством должны управлять благородные люди, в чем необязательно участие философов. Как сторонник истины он активно участвовал в общественной жизни Афин. Сократ подверг критике тиранов и не участвовал в мероприятиях, где имело место насилие. Как написал впоследствии Ксенофонт, «собеседники Сократа искали его общества не с тем, чтобы сде-

латься ораторами..., но чтобы стать благородными людьми и хорошо исполнять обязанности по отношению к семье, слугам (слугами были рабы), родным, друзьям, Отечеству, согражданам» [11]. Как следует относиться правителю государства «с мужами, несущими службу во дворце», «людьми простого звания», «людьми благородного происхождения», «людьми учеными и знающими», лекарями, толкователями снов, звездочетами, стихотворцами, земледельцами, торговцами, скотоводами, ремесленниками, бедняками и т.д., спустя века, расписал Ю. Баласагуни.

Основой рассуждений античных философов времени Сократа стала этико-политическая тематика, в основе которой добродетельный правитель и истинный гражданин государства. Предметом обсуждения Сократа со своими учениками стали вопросы о том, «что есть добро и что – зло, что прекрасно, а что безобразно, что добродетель и что порок, можно ли научиться быть хорошим и как приобретается знание» [20].

В философии Сократа выделяют ее диалектический (разговорный) характер; определение понятий путем индукции и этический рационализм («добродетель есть знание») [20]. Диалогизм Сократа объясняется тем, что он считается мудрейшим среди всех, «но его собственное убеждение – что сам он «ничего не знает» и, чтобы стать мудрым, расспрашивает других людей, считающимися мудрыми. Сократ пришел к выводу, что это убеждение в собственном незнании и делает его мудрейшим, поскольку другие люди не знают даже этого. Свой метод собеседования Сократ называл *майевтикой* («повивальным искусством»), имея в виду, что только помогает «рождению» знания, но сам не является его источником: т.к. не вопрос, а ответ является положительным утверждением, то «знающим» считался отвечавший на вопросы Сократа собеседник. Обычные приемы ведения диалога у Сократа: опровержение через приведение к противоречию и ирония – притворное неведение, уход от прямых ответов. Согласно платоновской *Апологии*, на самом деле Сократ, говоря «чи-

стую правду» о своем незнании, хотел указать на ничтожность человеческого знания по сравнению с божественной мудростью; сам не скрывая своего незнания, он хотел привести к такому же состоянию своих собеседников» [20].

«Философский метод Платона связан с пониманием истинного знания как припоминания и созерцания идей. Так как истинное знание не может быть передано в слове или чувственном восприятии, то нужно через воспитание, упражнение и майевтическую практику диалога привести ученика к самостоятельному усмотрению истинной сущности. Для правильного движения к истине, прежде всего, следует очистить душу от неверных мнений, накопившихся в ней за время нефилофской жизни, и все ранние платоновские диалоги демонстрируют эту практику очищения (в формальном отношении представляющую собой логическое опровержение ложного мнения): в них опровергаются неправильные определения, правильного же определения не дается, потому что предполагается, что собеседник должен дать его сам, к тому же истинная идея не может быть выражена в словах, т.е. в логическом определении» [16].

Вопросно-ответная форма познания свойственна и для поэмы средневекового тюркского просветителя Ю. Баласагуни. Он также не дает прямого ответа на поставленный вопрос, а герои поэмы рассуждают над проблемой, чтобы решить ее обращаются к мыслям мудрейших людей, старейшин, известных поэтов и писателей и, наконец, к народной мудрости – пословицам и поговоркам, притчам и т.д. Опираясь на них, и находится нужный ответ на поставленный вопрос.

Сократ выдвигал мысль «об абсолютной ценности добра и знания, которые не могут быть отделены друг от друга: невозможно поступать мужественно или благочестиво, не зная, что такое мужество или благочестие. Поступок только тогда имеет моральный смысл, когда человек совершает его осознанно и по внутреннему убеждению. Если же он ведет себя хорошо только потому, что,

например, «все так делают» – то, если «все» станут вести себя плохо – не будет причин быть добродетельным. Норма нравственности должна быть автономной, и нельзя в вопросах истины и добра полагаться на мнение большинства. Прежде всего, с недоверием к мнению большинства связаны критические замечания Сократа об афинской демократии и принятой практике решения государственных вопросов большинством голосов; эти критические настроения были в полной мере учтены при судебном разбирательстве, закончившемся для Сократа казнью» [20].

Основой учения Платона стало «учение об идеях как бестелесных сущностях, показывает границу, где начинается оригинально платоновское творчество. *Кратил* описывает и обосновывает сосуществование двух областей: области видимых вещей, находящихся в непрерывном движении и изменении (для нее у Платона позднее был принят термин «становление»), и области вечного самотождественного бытия. *Менон* посвящен вопросу, откуда берется знание и как возможно обучение, и в нем доказывается, что знание есть припоминание истины, созерцавшейся душой до рождения» [16].

Рассуждения тюркского средневекового мыслителя Ю. Баласагуни также крутятся вокруг проблемы поиска добра, для чего людям необходимо знание, которое, в конечном счете, должно привести к счастью. Примером добра и знания является правитель (элик) государства, который обладает всеми качествами, необходимыми для обеспечения счастья всех граждан.

По мнению Сократа, «человеческая душа (сознание) подчинена своим собственным законам, которые отнюдь не произвольны, как хотели доказать софисты; самопознание имеет внутренний критерий истинности: если знание и добро тождественны, то, познавая себя, мы должны делаться лучше. Знаменитую дельфийскую максиму «Познай самого себя» Сократ понимал как призыв к моральному самосовершенствованию и в этом видел истинное религиозное благочестие» [20].

Герои поэмы «Благодатное знание» Ю. Баласагуни также стремятся к самосовершенствованию, критически относятся к своим когда-то недостойно совершенным поступкам, каются, пытаются исправить их, предостерегают подрастающее поколение от совершения таких ошибок.

По соображениям Сократа, «не только истинно моральное (благо) всегда сознательно, но и сознательное – всегда хорошо, а бессознательное – плохо. Если кто-то поступает плохо, значит, он еще не знает того, как надо поступать на самом деле, и после того, как его душа будет очищена от ложных предрассудков, в ней проявится природная любовь к добру. Точно так же, как нельзя хорошо поступать, не зная добродетели, так нельзя и по-настоящему любить, не зная, что такое любовь и что должно быть истинным предметом влечения» [20].

Подобно этому, Ю. Баласагуни призывает к знанию, чтобы совершать лишь благородные действия, поэтому выдвигает ключевые добродетели как ориентиры для руководства поступками.

Сократ хорошо разбирался в теме любви и дружбы: «я всегда говорю, что я ничего не знаю, кроме разве одной совсем небольшой науки – эротики. А в ней я ужасно силен» (*Peag*, 128b). Кроме очевидно присутствовавшей игры словами, производными от «спрашивать» и «любить» (*erôtaô* – спрашивать, *erôtikos* – влюбленный), любовная тема была важна как психологическое обоснование тождества истины и добра: желать лучше узнать и быть при этом, безусловно, благорасположенным к узнаваемому предмету можно только любя его; и наибольший смысл имеет любовь к конкретному человеку, точнее, по Сократу, к его душе, – в той мере, в какой она добродетельна или стремится к этому. В каждой душе есть доброе начало, как у каждой души есть демон-покровитель. Сократ слышал голос своего «демония», предостерегавший его или его друзей совершать те или иные поступки. Именно за это подозрительное с точки зрения государственной религии учение он был обвинен в неблагочестии» [20].

«Доброе начало» и «демон-покровитель» постоянно присутствуют во всем сюжете поэмы «Благодатное знание» Ю. Баласагуни. Поэт-просветитель постоянно их сравнивает, приводит в пример для того, чтобы читатель мог сделать выбор между ними, что имеет колоссальное воспитательное значение.

Основой учения Платона являются идеи. «Как тени относятся к реальным существам, их отбрасывающим, так вся область чувственно воспринимаемого в целом относится к вещам умопостигаемым: идея настолько же реальнее и живее зримой вещи, насколько вещь подлиннее своей тени. Идеи находятся в «мыслимом месте», – сфере умопостигаемого, которая в самой себе имеет градацию: там пребывают вечные идеи, постижимые только интуитивным умом, но также числа и геометрические объекты как предмет, постигаемый дискурсивным знанием. В целом умопостигаемый космос обладает бытием благодаря наивысшему трансцендентному принципу – единому благу, которое «по ту сторону сущности», неизреченно и непознаваемо, но без него никакое бытие невозможно, ибо чтобы быть, всякая вещь должна быть самой собою, быть чем-то единым и одним» [16]. В целях умопостижения тюркский средневековый просветитель Ю. Баласагуни в самом начале своего объемного произведения описывает тематику «О семи планетах и двенадцати знаках Зодиака», тем самым подчеркивая бесконечность и безграничность постигаемого.

По рассуждениям Платона, «данный нам в чувствах мир – это область «становления», где все возникает и погибает, вечно меняясь и никогда подлинно не существуя. Вещи существуют лишь благодаря своей причастности идеям, вечным и неизменным образцам. Метод эмпирической науки, основанный на наблюдении, по Платону, никогда не может привести к строгой истине, потому что наука может иметь дело только с вечным и неизменным. Поэтому адекватным способом описания и рассуждения об этом физическом мире в *Тимее*, где наиболее

полно представлена физика Платона, является миф, т.е. не истинное, а только «правдоподобное» рассуждение» [16]. Вслед за Платоном тюркский средневековый просветитель Ю. Баласагуни большое внимание обращает на науку и научное познание мира, постоянно твердит об учении и получении истинного знания.

В «Государстве» Платон пишет о пещере и переносит жизнь на земле в пещеру, а все люди в ней являются узниками, которые там сковали цепями. «Узники смотрят на глухую стену, на которую падают отблески света, падающего в пещеру сверху, где находится выход из нее. Глядя на тени люди устанавливают причины и следствия явлений и таким образом полагают, что познают мир. Но если увидеть истинные причины этих явлений, то окажется, что все познанное на основании отображений не имеет почти никакого отношения к действительности, ведь тени представляют свои первообразы в сильно искаженном виде. Кроме того, сам выход из пещеры (т.е. начало истинного познания) физически труден, глаза не привыкли к настоящему освещению, а на само солнце как источник света и вовсе смотреть невозможно. Наконец, трудно не только восхождение, но и возвращение обратно (трансляция истинного знания) – люди не верят речам об истинном бытии, они высмеивают того, кто говорит не о том, что видят глаза, а о том, что познал разум. Поэтому в одиночку философией заниматься крайне сложно, требуется поддержка со стороны человеческого сообщества, в рамках которого и формируется представление о ценностях и методах воспитания. Эти темы являются фоном всего социально-политического учения Платона, принципиальной особенностью которого является интерпретация человека как разумной души – не смертные люди, а бессмертные души действуют в платоновском идеальном *Государстве*, и критика Аристотелем Платона за несходство с реальной жизнью некоторых положений его учения связана прежде всего с пониманием человеческой природы, единократно или многократно

проживающей свой земной век» [16]. Подобно Платону, тюркский средневековый просветитель Ю. Баласагуни призывает к научному постижению миру всеми гражданами, которые проживают в этом государстве. Не желающих постичь науку он отрицает и не считает за людей, т.к. о них нет никакой пользы обществу.

Наряду с вещами и идеями, души являются третьей важной составляющей учения Платона. Душа выступает посредником между чувственным и умопостигаемым. «Душа представляется у Платона состоящей из трех частей: вождевающей, пылкой и разумной. Существовая в чувственных телах, души образуют с телом «совокупное целое» – живое существо (под этим словом подразумеваются и животные и люди). Но только души людей обладают разумом и поэтому могут познавать мир идей, если пройдут необходимый путь очищения и воспитания. Души животных (и растений) смертны, а разумные души людей бессмертны, поскольку, согласно изложенному в *Тимее* учению, они сотворены богом из того же состава, что и бессмертная мировая душа. После смерти души попадают на суд и получают возможность выбрать себе новую жизнь, статус в которой будет зависеть от добродетельности или порочности уже прожитой жизни» [16]. Идеал тюркского средневекового просветителя Ю. Баласагуни – оставить после себя доброе имя, которое делает человека бессмертным, что обеспечивается проделанным добрыми творениями в земной жизни. За земные деяния придется отвечать в посмертной жизни. В этих вопросах Ю. Баласагуни полностью следует за мыслями античных философов. Эту же мысль подтверждает и исламское религиозное учение.

Как отмечают исследователи, «наиболее похвальное занятие для людей как разумных существ – готовить себя к жизни вечной, упражнять разумную способность, заниматься философией. Но одиночка-философ хотя исторически и возможен (например – Сократ), но все же философия возможна как часть государственной политики,

направленной на совершенствование человеческой природы. Платон в диалоге *Государство* излагает учение, согласно которому построение справедливого и успешного государства возможно только в том случае, если общество людей (т.е. разумных душ, живущих на земле) будет в своей структуре соответствовать истинной иерархии универсума и природе души. Так, поскольку в душе есть три начала, то и в государстве должны быть три слоя граждан: вожделем части и интересам соответствуют производители ремесленники и земледельцы, пылкой – воины-стражники, а разумной – правители-философы. Справедливость существует в масштабе всего целого: когда каждый занимается своим делом, к которому способен и которому обучен, тогда общее устройство справедливо. Разные типы несправедливости выражаются в таких формах правления, как тирания, олигархия, демократия, аристократия, а лучшим все же является монархия как власть единого с целью общего блага» [16]. Ю. Баласагуни также в своем произведении заботится о том, чтобы готовить своего читателя к вечной жизни, раскрывает всевозможные пути, чтобы человека помнили вечно из-за его добродетельных поступков. Для этого описывает демократическое правление государством, где имеется возможность проявить все свои добродетельные качества.

Платону не чужда тема любви (эроса). «Платон выступает с разоблачением телесной любви, которая существенно суживает кругозор и стремится, во-первых, лишь к удовольствию, во-вторых, приводит к собственнической установке в отношениях, по существу желая поработить, а не сделать свободным. Между тем свобода – безусловное благо, которое может дать в человеческих отношениях именно любовь, а в человеческом познании мира – философия, причем одно от другого едва ли может быть отделено. Любовь помогает быстрее пройти первые шаги на философском пути: здесь мы испытываем то самое удивление (оно ведь начало философии), которое заставляет остановиться и узнать в каком-то человеке, одном из мно-

гих, неповторимого и единственного; она помогает узнать, почему глубокое чувство и личное переживание не могут быть выражены словами, или, во всяком случае, обыденными словами; она учит тому, что значит стремиться к любимому предмету, думая только о нем и считая это самым важным, забывая о всем прочем. Эти уроки чувственной любви во всяком случае помогают лучше понять философские метафоры Платона, связанные с истинным познанием, устремлением, сосредоточением на главном и отрешении от неважного. Одна из трудных задач платоновского философского взгляда – увидеть в мире единый принцип, который есть именно *благо*, решается по аналогии с темой личной любви человека к человеку. Но, по Платону, трагедия личной любви всегда будет в том, что она часто заслоняет главное: тело заслоняет душу, отдельный человек и его красота – красоту истины и бытия. Правда же любви всегда будет в том, чтобы пройти путем любви как путем философии и видеть за телом душу, за преходящей красотой – непреходящую красоту добродетели и идеи, что в свою очередь не может не привести к благу и богу» [16]. У Ю. Баласагуни тема любви и уважительного отношения человека к человеку нашла широкое отражение. Она проявляется в уважительном отношении героев поэмы «Благодатное знание» друг другу. Здесь речь не идет о любви мужчины к женщине или наоборот, а любовь между членами общества необходима для постижения гармонии в обществе, согласия и мира, во имя демократии и достижения всеобщего счастья.

Из школы Платона вышел другой выдающийся философ античности – Аристотель, который оперирует понятиями «добро – зло», что повлияло на учение Ю. Баласагуни. По учению Аристотеля, этика и политика состоят из практической части философии, что необходимо для блага, реализующегося в поступках. «Этика рассматривает благо и благополучие отдельного человека, политика – благо гражданского сообщества (государства)... Высшее человеческое благо определяется как счастье, однако сам Аристо-

тель указывает, что разные люди по-разному его понимают: то ли счастье заключено в материальных благах, то ли в уважении и почете, то ли в добродетельной жизни. Строя свою этику на понимании счастья как внутренней жизни (деятельности) души, стремящейся достичь наилучшего состояния как в отношении своего характера и нрава («этические добродетели»), так и в отношении своих умственных способностей («дианоэтические добродетели»), дает определение счастья как деятельности души в полноте добродетелей. Это в первую очередь добродетели души, но учитываются также и телесные блага. Они признаются желательными в той мере, в какой телесное не должно мешать и препятствовать духовному – так, если человек болен, он едва ли сможет упражняться в добродетели, если он беден, он не сможет проявить щедрость и т.д. Применительно к этическим добродетелям развивает учение о середине (например, мужество есть середина между трусостью и безумной отвагой), но для дианоэтических добродетелей нет ничего противоположного, кроме глупости. Дианоэтические добродетели направлены к познанию истины (нус) или к установлению «правильного логоса», или суждения, устанавливающего добродетельную середину в практических нравственных поступках для каждого отдельного случая. Вообще, Аристотель говорит, что для каждого добродетельная середина своя (как для каждого свое количество съедаемой пищи, необходимое для здоровья), и, например, мужественный поступок для бывалого воина и для неопытного юнца представляет собой не одно и то же поведение» [2]. Определение счастья как высшего человеческого блага свойственно и тюркскому средневековому просветителю Ю. Баласагуни, практически, чему он и посвятил свое утопическое произведение «Благодатное знание».

Аристотель в своих учениях излагает теорию государства, «исходя из понимания человека как «по природе существа политического», т.е. склонного к общению на разных уровнях от языкового и семейного до высшей формы

общения – государственной, определяющей особенностью которого является подчиненность нормам закона. Аристотель спорит с платоновской идеей упразднения семьи как части упразднения традиционного государства, настаивая на необходимости следовать природе, традиции и мнению большинства в том, что касается общественных институтов. Связь этики и политики подчеркивается в идее о том, что основной задачей государства является воспитание добродетельного человека и гражданина. Аристотель представляет свое учение об оптимальном государственном строе, которое он связывает с правлением лучших, и особенностью которого являются различные обязанности граждан в разное время жизни: в молодости – военная служба, в зрелом возрасте – дела государственного управления; земледелие, ремесла и вообще всякий физический труд остается уделом рабов, этнических варваров, не-греков, – рабство существует «от природы» и в смысле рождения, и в смысле особого устройства души, неразвитой умственно и не готовой руководствоваться в своей жизни разумом» [2]. Согласно этому учению, у тюркского средневекового просветителя Ю. Баласагуни все герои являются государственными служителями, начиная от правителя (элика) и заканчивая звездочетом. Они все подчиняются законам общества, добросовестно выполняют свои должностные обязанности. Просветитель приводит пример идеальной семьи, где соблюдается строгая иерархия, имеет место взаимоуважения членов семьи, торжествует любовь и т.д. Воспитанием добродетельного человека и законопослушного гражданина в произведении Ю. Баласагуни занимаются государственные деятели, что напоминает процесс воспитания в античном мире.

Известно, что некоторые античные тексты сохранились только в переводе на другие языки, например, латынь, сирийский, арабский и еврейский [1]. Такое положение дела дает возможность предполагать, что древнетюркские энциклопедические мыслители имели прямой доступ к античной философской мысли, т.к. отлично владели араб-

ским языком, который в то время являлся официальным языком науки, литературы, культуры, искусства.

Что касается собственно тюркских предпосылок, то известно, что тюркские народы в разные времена пользовались различными алфавитами: согдийским, уйгурским, манихейским, деванагари, эстрангело, китайскими иероглифами. Такое заимствование явилось результатом многосторонних взаимных контактов и культурных влияний. Кроме того, имеется собственно тюркское совершенное письмо, где обособленное положение занимает рунический алфавит.

Тюркская руническая письменность считается самой древней и в основном сохранилась на надгробных камнях в бассейне рек Енисея и Орхона (отсюда и название Орхоно-Енисейская). Первые сведения об этих памятниках имеются со времен Петра I. Впервые о них сообщил служивый человек Ремезов, в своих сочинениях упоминали пленный шведский офицер Иоганн Страленберг, ученый Мессершмидт.

Постепенно материал об этих памятниках накапливался и в первой четверти XIX в. Григорий Спасский опубликовал сведения о них в журнале «Сибирский вестник», который издавал сам. Его статью перевели на латинский язык, после чего она стала доступной ученым всех стран.

В 1889 г. атлас енисейских надписей издали финские ученые, которые были склонны приписывать памятники енисейской культуры финскому народу, что было ошибочным мнением. В этом же году исследователь Н.М. Ядринцев нашел громадные памятники в Монголии, в долине Кошо-Цайдам, на берегу реки Орхон, которая впадает в реку Селенгу (Селенга впадает в Байкал). Они были двуязычными: на тюркском и китайском. Китайскую часть письма смогли прочитать. Там сообщалось, что памятник поставлен в честь тюркского хана и его брата в 732 г.

Обнаружение письма на подобных камнях за пределами Монголии и бассейна реки Енисея привело

к тому, что их стали называть руноподобной, по сходству ее с европейскими рунами или тюркско-рунической письменностью.

В последующем было организовано много различных археологических экспедиций с целью всестороннего изучения камней на реке Орхон в Монголии, и ученые стали расшифровывать эти надписи. Впервые прочитать надписи посчастливилось датскому ученому профессору Вильгельму Томсену в 1893 г. Он детально изучил соотношения одних букв с другими, после чего обнаружил, что некоторые буквы могут быть в близком соседстве с рядом других букв, другие – нет. Он пришел к мысли о делении букв на два класса по числу звуков переднего и заднего ряда, и дальнейшее углубление в неизвестных буквах позволило найти полный ключ ко всему древнетюркскому алфавиту. В.Томсену удалось прочитать из больших орхонских надписей слова «тюрк», «тенгри» и др. Затем, пользуясь этим открытием, академик В.В. Радлов перевел эти надписи.

Дешифровка В. Томсеном Орхоно-Енисейского рунического алфавита имела огромное научное значение, т.к. открыла возможность вхождения в круг важнейших источников истории Центральной Азии большого количества оригинальных текстов самого разнообразного содержания. Она позволила по-новому оценить глубину и продуктивность контактов древних цивилизаций, степень их взаимодействия и взаимопроникновения. Перевод текста открыл факт многогранности повседневной жизни в тюркских каганатах VI–IX вв. и чрезвычайно высокого уровня их политического, государственного, хозяйственного и культурного развития.

Восточный каганат явился центром тюркской государственности и колыбелью древнетюркской культуры. Именно на его территории были воздвигнуты стелы с крупнейшими текстами, уровень выполнения которых и степень кодификации графики отличаются полнотой и очевидным совершенством.

География обнаружения древнетюркских каменных памятников с рунической письменностью довольно широка. Так, в 1891 г. на берегу реки Онгин был открыт большой памятник, который и называется «Онгинским». В 1897 г. на берегу реки Селенга у почтовой станции Налайха нашли большой памятник в честь Тоньюкука – советника трех тюркских ханов: Эльтериша (умер в 692 г.), Капагана (умер в 716 г.) и Могиляна (умер в 734 г.). В 1896–1897 гг. в бассейне реки Талас (Казахстан) около г. Аулие-ата (ныне г. Джамбул) было найдено пять камней с рунами, относящиеся к V–VI вв.

В Государственном Эрмитаже имеются отдельные камни с руноподобными буквами-знаками и глиняный сосуд. Находки с рунами в виде блюд, сосудов, пряжек и прочего встречаются на Алтае, в Хакасии и Туве. В Бурятии найдено пряслице (два камня) с небольшой надписью. В Венгрии в 1799 г. в селении Святого Николая был найден большой клад золотых сосудов с руническими надписями, которые отнесены к началу X в. и приписаны печенегам.

В Государственном Эрмитаже сохранилась единственная деревянная палочка из села Ачик-таш (Александровский, ныне Киргизский горный хребет) с руническими знаками. Других подобных памятников история до наших времен не сохранила, несмотря на то, что дерево является самым подходящим материалом для тюрко-рунического «реза».

В Китае перед империалистической войной 1914–1918 гг. нашли редчайшие бумажные фрагменты с тюркскими рунами. Эта небольшая книжечка (до 100 страниц) с шаманским содержанием (приметами и поверьями) найдена в Дун-хуане. Там же найдено несколько фрагментов юридического содержания в плохой сохранности. Один из юридических документов, написанных тюркскими рунами, вывезен из Турфанского оазиса. Несколько бумажных фрагментов манихейского содержания и описанием магических свойств камней (магическая минерология) добыты оттуда же (из сел Туюк и Идикут-шегри).

Большой вклад в поиск, расшифровку, чтение и опубликование древнетюркской рунической письменности в разные времена внесли такие ученые-тюркологи, как И.Н. Березин, В.В. Бартольд, С.Е. Малов, Г.Спасский, Н.М. Ядринцев, В.А. Каллаур, П.М. Мелиоранский, Ю.Немет, М.Резанин, С.Г. Кляшторный, А.М. Щербак, И.В. Стеблева, А.Стейн, С.Ф. Ольденбург, А.Лекок, Ф.Мюллер, датчанин В.Томсен, финны А.Гейкел, Мунк, Доннер и многие другие.

Среди всего разнообразия рунических надписей, исходя по месту обнаружения и учитывая размеры, формальную и содержательную значимость ученые выделяют несколько групп: 1) надписи Монголии; 2) надписи бассейна Енисея и Хакасии; 3) надписи Восточного туркестана; 4) Таласские памятники древнетюркской письменности; 5) надписи Алтая; 6) рунические надписи, найденные в различных районах европейской части России; 7) рунообразные надписи Венгрии; 8) рунообразные надписи Румынии и Болгарии; 9) прочие надписи. Данные группы образуют многоярусную сферу, центральное место в которой занимают надписи Монголии, представляющие, как правило, графически упорядоченные, цельные по содержанию и принципиально значимые тексты. В них много эпизодов из истории Центральной Азии и Восточного Туркестана и, шире, среднеазиатской истории, из жизни крупнейших деятелей Восточного каганата, из области взаимоотношений каганата с соседними государствами.

Памятник на берегу Орхона был поставлен в честь тюркского кагана Могиляна, который умер в 734 г., и его брата принца Кюльтегина, который скончался в 732 г.

Надписи памятника в честь Кюльтегина посвящены младшим, молодежи, племени и другим слоям населения. «Речь мою полностью выслушайте, идущие за мною мои младшие родичи и молодежь, союзные мои племена и народы, ... эту речь мою хорошенько

слушайте и крепко вникайте», – обращается от имени тюркского кагана летописец¹.

В Орхоно-Енисейских текстах повествование ведется от первого лица и в Большой надписи в честь Кюльтегина, и в надписях в честь Тоньюкука, и в честь Бильге кагана. Они приобретают явно панегирический характер, при чем описывают конкретные героические деяния того лица, кому посвящены эти надписи, с кратким (Надпись в честь Тоньюкука) или пространным (Большая надпись в честь Кюльтегина) описанием событий, которые этим деяниям предшествовали.

И в Малой, и в Большой надписи описываются героические похождения принца Кюльтегина. Летописец от первого лица пишет, что после смерти отца-кагана младший брат Кюльтегин остался семи лет от роду. В десять лет в радость ее величества матери-катун, он получил геройское имя Кюльтегин (стал зваться мужем, т.е. богатырем). Так, участвуя в войнах, он прошел своего рода посвящение в мужчины.

Велики его заслуги в деле расширения государства и власти кагана. Когда ему исполнилось шестнадцать лет, они «пошли войною на шесть чубов и согдийцев и разбили их. (Затем) пришло пятитуменное (т.е. пятидесятитысячное) войско табгачского Онг-Тутука». Героизм его заключался в том, что «Кюльтегин в пешем строю бросился в атаку, схватил Онг-Тутука с вождями вооруженной рукою и с оружием представил (его) кагану. То войско мы там уничтожили. Когда ему было двадцать один год, мы сразились с Чача-Сенгуном. В самом начале (сражения) он бросился в атаку, сев на белого коня, (принадлежащего) Тадыкын-Чуре; этот конь там пал. Во второй раз (т.е. при второй схватке) он сел верхом на белого коня, (принадлежащего) Ышбара-Ямтару; этот конь там пал;

---

¹ Здесь и далее примеры приводятся по книге: Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.-Л.: АН СССР, 1951.– 451 с.

в третий раз он сел на оседланного гнедого коня Йегин-Силиг бега и произвел атаку; этот конь там пал. В его вооружение и в его плащ более чем ста стрелами попали; но в начальника его авангарда даже и одна (стрела) не попала. Его атаки, о тюркские начальники, вы вполне знаете! То войско мы там уничтожили». О таких воинах и славных победах Кюльтегина повествуется по всему тексту.

Летописец не только описывает сражения принца, но и анализирует итоги этих побед. Он объясняет своей матери, другим женам Бильге кагана, тетям, сестрам, невесткам, княжнам, что все «были в опасности, оставшись в живых, попасть в рабство; будучи убитыми, остаться лежать на земле и на дороге!» «Если бы не было Кюльтегина, все бы вы погибли», – заключает он.

Автор художественно искусно, психологически точно передал свои переживания по поводу смерти принца Кюльтегина. Эти места надписи читаются как художественное произведение: «Мой младший брат Кюльтегин скончался, я же заскорбел; зрячие очи мои словно ослепли, вещий разум мой словно отупел, (а) сам я заскорбел. Время (т.е. судьбы, сроки) распределяет небо (т.е. бог), (но так или иначе) сыны человеческие все рождены с тем, чтобы умереть. Так сильно с грустью думал я, в то время как из глаз моих лились слезы, и сильные ... вопли исходили из (глубины) сердца, я снова и снова скорбел. Я предавался печали, думая: «вот (скоро) испортятся очи и брови обоих шадов и идущих за ними моих младших родичей, моих огланов, моих правителей, моего народа!».

После этого летописец пишет, что «в качестве плачущих и стонущих» пришло много народа с большими подарками, в том числе и из соседних государств, что указывает на добрососедские отношения тюрков с другими народами.

Интересная форма дани и уважения наблюдалась у тюркских народов своим каганам, военачальникам, в том

числе и принцу Кюльтегину. Таких всеобщепризнанных людей не торопились хоронить и после его смерти. Так, «Кюльтегин улетел (т.е. умер) в год овцы, в семнадцатый день; в девятый месяц, в тридцать седьмой день мы устроили похороны», – пишет летописец, т.е. его похоронили через двадцать дней после смерти. Обычно процесс прощания длился так долго, пока не выбрали другого достойного человека на его место. Такое уважительное отношение тюркских народов не только к руководителям, но и любому старшему себя человеку, особенно родителям передавалось из поколений в поколения и дошло до наших дней.

В Орхоно-Енисейских надписях неоднократно повторяется героическое выражение «имевших колени он заставил их преклонить, имевших головы он заставил их склонить» как канонизированный прием изображения побежденного врага, которое в последующих тюркских памятниках повторяется аналогично. Здесь также встречаются описания искусства ведения боя, например, «на киргизов мы напали во время сна...», «мы напали на киргизский народ, когда он спал», «мы напали на тюргешский народ, когда он спал», «я напал на народ киргизов, когда он спал», «я напал на тюргешский народ, когда он спал». Многочисленность войска сравнивается огнем и бурей: «При Болчу войско тюргешского кагана пришло, как огонь, буря» или «Войско тюргешского кагана пришло, как огонь, буря».

Летописец в Орхоно-Енисейских надписях воспеваает славу мудрому правителю государственными делами, подчеркивает его предусмотрительность, хвалит мудрость: «Мой каган мой, мудрого Тоньюкука, рассуждения выслушал, сказал...», «Я подчинялся сородичу по мудрости и сородичу по славе».

В Большой надписи в честь Кюльтегина встречаются философские размышления об ограниченности земной жизни во времени: «Время распределяет небо, сыны человеческие родились, чтобы все умереть».

Орхоно-Енисейские надгробные сочинения заложили основу последующему тюрко-татарскому стихосложению назидательного характера. Поучительный мотив звучит в Малой надписи в честь Кюльтегина. Автор обращается к современникам и потомкам с просьбой повиноваться и слушаться правителей, ибо они самые мудрые, а кто ослушается мудрых слов, того предостерегает верная гибель: «не послушавшись возвысившего (тебя) кагана, ни речей его, стал бродить (ты) по разным землям. Там сильно ослабел (и) обессилел». В большой надписи эта мысль усиливается. Летописец несколько раз пишет высказывание «...каган умер, а народ его стал рабынями и рабами», которое могло служить поговоркой на все времена.

Автор предупреждает о возможности допущения ошибок, будь и это вернослужитель или бек. «Беки, послушные престолу, ведь вы склонны заблуждаться!» - обращается он к ним.

В памятнике встречаются древнетюркские народные пословицы дидактического содержания. «Кто живет далеко, тому дают плохие дары; кто живет близко, тому дают хорошие дары». Древнетюркская пословица «Насытившись, ты не понимаешь состояние голода» дошла до наших дней в виде «Ачның хэлен тук белмэс» («Сытый не справится с голодным»).

Тюркский народ издревле стремился к самостоятельности, вольнодумству и свободе. Основной целью автора сочинений на камне является сплочение и объединение тюркского народа в родовое самостоятельное государство, о которой написано: «Тюркский народ объединив, как вы должны созидать племенной союз, я здесь высек! (И) как, заблуждаясь, вы распадётесь, я также здесь высек!» Автор с сожалением вынужден констатировать слова «всей массы тюркского народа» о том, что «Я была народом, составлявшим племенной союз, где теперь мой племенной союз? Для кого я добываю (т.е.

завоевываю) (другие) племенные союзы?.. Я была народом, имевшим (своего собственного) кагана, где мой каган? Какому кагану отдаю я (мои) труды и силы?»

Буквы памятника в честь Тоньюкука написаны, как и на других, сверху вниз, но особенностью здесь является то, что строчки пишутся слева направо, что не совсем обычное явление. В письме употребляется разделительное двоеточие, что говорит о наличии определенных грамматических правил.

Идея свободы отражается и в памятнике в честь Тоньюкука (Тонукук). Повествование ведется от его имени. Себя он называет мудрым, получил воспитание под влиянием культуры народа Табгач, т.к. тюркский народ был в подчинении у этого государства. Гордый тюркский народ не захотел подчиняться им, а пожелал иметь своего хана, т.к. их хана не считал своим. Цели тюркский народ добился «сделавшись народом, имеющим своего хана», но оставив своего хана, снова подчинился государству Табгач, за что был жестоко наказан Тэнгри (Всевышнему): «из-за этого подчинения Тэнгри, – можно думать, – тебя умертвило. Тюркский народ умер, обессилел, сошел на нет. В стране народа тюрков-сиров не осталось (государственного) организма».

Тем не менее, оставшийся народ сумел собраться и назначить себе другого хана Илтэрис. Они избрали местожительством Куз Чугая и Кара-кумы (Черные пески). «Мы жили, – пишет летописец, – питаясь оленями и питаясь зайцами. Горло народа было сыто». Идея сытой, сладкой жизни во главе со справедливым и мудрым ханом была затем заимствована многими просветителями, поэтами и писателями и отражена в их произведениях. Особенно ярко она отражается у средневековых гуманистов-утопистов Ю.Баласагуни, Кул Гали, Саифа Сарай, Мухаммедьяра и др.

Летописец и в этом памятнике пишет о героическом сражении и победы тюркского

двутысячного войска над шеститысячной армией огузов. По описаниям летописца, боев против в количественном отношении большей армии врага было много. Об одном из них говорится, что сражались против сто тысячного войска. Услышав от лазутчика количество войска, многие беги предлагали отступить. Они сказали: «Вернемся! Стыд чистых хорош!»² А предводитель Тоньюкук ответил: «Я – мудрый Тоньюкук! Мы пришли, пройдя через Алтунскую чернь. Через реку Иртыш мы пришли, переправясь. Было сказано: (враг, который) приходит – герой, но они (о нас) не проведали. Тенгри, (богиня) Умай, священная Родина (земля – вода) – вот они, надо думать, даровали нам победу. Зачем нам бежать, говоря: (их) много. К чему нам бояться, говоря: (нас) мало. Зачем нам быть побежденными?! Нападем!»

Они напали и прогнали врага. На второй день пришел враг. Их войско наполовину было многочисленнее. Произошло крупное сражение. Тоньюкук и его друзья не испугались численности противника, благодаря милости Тенгри. В результате боя атака было отражена, каган противника был схвачен, многих умертвили, а живых вязли в плен.

В описании боев автор текстов хорошо описывает стратегию и тактику боя. Одна из них мирный путь решения военных задач. Так, после победы над врагом отправляли послов к другим народам, чтобы сообщить о победе, и после этого другие народы сложили оружие и здавались добровольно, присоединялись к народу-победителю.

Высоко оценивает летописец заслугу Тоньюкука перед своей Родиной и народом. Будучи советником кагана и предводителем войск, он «не спав по ночам, не имя покоя днем, проливая красную свою кровь и заставляя течь свой черный пот, ... отдавал народу (свои) работу и силу и ... сам направлял длинные

---

² Сравни с казахской пословицей «Стыд сильнее смерти».

(дальние) военные набеги». От имени Тоньюкука летописец пишет: «Я возвысил стражу Аркуй, повинующихся врагов я приводил, мы предпринимали походы с моим каганом. Пусть будет милостиво Тенгри: на этот (свой) тюркский народ я не направлял (хорошо) вооруженных врагов и не приводил снаряженную конницу. Если бы Эльтери-каган не старался приобретать и, следуя (за ним), я сам если бы не старался приобретать, то ни государство, ни народ не были бы существующими. Ради его (т.е. кагана) приобретений и, следуя за ними, ради моих собственных приобретений государство стало (настоящим) государством, а народ же стал (настоящим) народом». Так один за другим были покорены народы-враги, накоплено материальное и людское богатство (об этом в тексте подчеркивается отдельной строкой, например, «... он принес желтое золото, белое серебро, женщин и девиц, драгоценные попоны и сокровища без границ»).

Для достижения своей цели бои с одним и тем же врагом повторялись по-несколько раз о чем, написано: «Эльтериш каган, ради своего сообщества со знанием и геройством, на табгачей ходил сражаться семнадцать раз, против киданей сражался он семь раз, против огузов сражался пять раз».

Народ и каган на подвиги Тоньюкука откликнулся должным образом – его возвысили. Благодаря ему, тюрки-сиры приобрели многого. Описывая достоинства героя, летописец впервые в тюркской литературе пользуется элементом сравнения и задается риторическим вопросом: «Если бы в какой-либо земле у народа, имеющего кагана, оказался бы (какой-либо), бездельник, то что за горе имел бы (этот народ)!»

Таким образом, древнетюркский летописец впервые раскрывает роль правителя в жизнеобеспечении народа и благосостояния государства, что было унаследовано литературами

многих тюркских народов, в том числе татарской литературой. Именно таким оптимистическим пафосом, поющим оду кагану, и заканчивается надпись в честь Тоньюкука: «Тюркский Бильгя каган возвышает народ тюрков-сиров и народ огузов».

Цели Орхоно-Енисейских надписей хорошо прослеживаются по их содержанию. В первую очередь, это передача своего опыта в деле организации крепкого, богатого, преуспевающего государства последующему поколению; во-вторых, это передача мастерства в управлении многотысячным войском для защиты от внешних врагов своего народа и государства, стратегии и тактики боя; в-третьих, это военно-патриотическое и политическое воспитание подрастающего поколения. Кроме всего этого, в надписях мы встречаемся с описанием быта тюркского народа, родственных отношений, имеют место и описание элементов народной педагогики.

Таким образом, основными предпосылками написания Ю. Баласагуни столь громадной «энциклопедии» по политике, юриспруденции, философии, психологии, педагогике стали предыстория тюркской письменности, наличие устойчивой воспитательной системы и традиций, стремление к воле и свободе, утопическая мысль о воспитании идеальной личности, строительстве благоденствующего государства.

Идеи объединения, создания могущественного и процветающего тюркского государства, звучащие в Орхоно-Енисейских сочинениях, не устарели и в дальнейшем. Основательно эти идеи вновь были подняты в XI в. Юсуфом Баласагуни в крупнейшей поэме «Кут адгу билик», эти мысли не покидают тюркские народы и в настоящее время.

Выводы по первой главе

В первой главе рассмотрены понятия, которые способствуют раскрытию содержания темы исследования. Рассмотренные понятия в составе темы нашего исследования имеют философские, исторические, психологические, социальные и педагогические определения.

Исследование дефиниций понятия «влияние» позволило нам сформулировать свое определение как составной части темы: *влияние – это признание авторитета мыслей, мнений, знаний, личности античных философов, которые имели воздействие на сознание, учение, действия тюркских просветителей в создании бессмертных произведений утопического характера.* Такое определение позволяет наиболее ярко представить понятие «влияние» в составе последующих терминов и словосочетаний.

Для выяснения сути понятий мы обратились и к синонимичным словам, которые также позволили более глубоко и шире раскрыть содержание конкретного термина, например, более близким синонимом понятия «влияние» является «авторитет», которого мы использовали как вспомогательное слово, дополняющее значение «влияния». Оно оправдано тем, что античные философы и их мысли являлись именно авторитетом для тюркских средневековых просветителей.

Определения понятий «античность» и «утопизм» заимствованы из имеющейся философской литературы в силу того, что их значения и предназначение в исследовании совпадают и весьма конкретные.

Понятия «античная философская мысль», «средневековый», «тюркский» терминологически довольно сложные, в связи с чем, в исследовании им даны разъяснения и комментарии. В научной литературе они раскрываются довольно широко и глубоко, что мы и взяли в вооружение при раскрытии содержания темы исследования. Содержание понятий «утопизм» и «утопический социализм» про-

ходит через все века и пространства как мечта и идеал множества просветителей.

Что касается историко-философских предпосылок влияния античной педагогической мысли на тюркский средневековый утопический гуманизм, то метод беседы Сократа лег в основу сюжета поэмы тюркского средневекового просветителя Ю. Баласагуни «Кут адгу билик» («Благодатное знание»). Его поэма составлена в форме бесед и диалогов основных героев, в ходе которых задаются вопросы и находятся мудрые ответы, уточняются и дополняются ответы, высказываются наказы. Данный факт позволяет утвердить, что Ю. Баласагуни в построении сюжета своей поэмы «Кут адгу билик» заимствовал метод беседы Сократа как художественно-литературный прием. Путем вопроса и поиска на него ответа герои поэмы задумываются, рассуждают, во многих случаях для нахождения правды цитируют мысли мудрых предков, старейшин, поэтов и писателей, а также обращаются к устному народному творчеству – пословицам, поговоркам, притчам, – в которых сосредоточена истина, и которые являются неоспоримыми доказательствами выдвинутой проблемы.

Предпосылками рекомендаций Ю. Баласагуни как следует относиться правителю государства «с мужами, несущими службу во дворце», «людьми простого звания», «людьми благородного происхождения», «людьми учеными и знающими», врачами, толкователями снов, звездочетами, стихотворцами, земледельцами, торговцами, скотоводами, ремесленниками, бедняками стали рассуждения Сократа относительно подготовки правителя государства с детства.

Рассуждения античных философов о проблеме поиска добра, необходимости знания, конечной целью которого является счастье легли в основу поэмы Ю. Баласагуни. Размышления античных философов о добродетелях знание, добро, справедливость, счастье, которые должны быть присущи правителю государства, тюркский средне-

вековый просветитель реализовал в своем утопическом произведении «Кут адгу билик».

Учение Платона об «идеях» Ю. Баласагуни раскрыл в начале своей поэмы в главе «О семи планетах и двенадцати знаках Зодиака», что свидетельствует о бесконечности и безграничности знаний. Подражая Платону, тюркский средневековый просветитель стал сторонником научных знаний и научного познания мира, призывал сограждан к получению истинного научного знания.

Мысли античных философов о вечной душе отразились у Ю. Баласагуни в утверждении необходимости делать добро в земной жизни, чтобы оставить после себя доброе имя, которое обеспечит вечность души и спасет в Судный день. Душа со смертью человека не исчезает, а переходит в вечную жизнь, где придется отвечать за земные деяния, и к чему следует готовиться всю свою земную жизнь. Эти мысли просветителя подтверждены не только античной педагогической мыслью, но и религиозным учением ислама. Демократическое правление государством как одна из форм правления, описанная Платоном, один из возможных путей приближения к добру и таким образом обеспечения себе вечную славу, каким является главный герой поэмы «Кут адгу билик» – правитель Кюнтогды.

Тему любви (эроса), как и античные философы, тюркский средневековый просветитель Ю. Баласагуни понимает очень широко. Он эту тему раскрывает как любовь и уважительное отношение членов общества друг к другу ради гармонии в государстве, мира и согласия, демократии, всеобщего блага и счастья.

Подобно античным философам, Ю. Баласагуни счастье определяет как высшее человеческое благо, что и явилось главной идеей поэмы «Кут адгу билик».

Как и в античном мире, воспитанием добродетелей в людях и законопослушных граждан в утопическом произведении тюркского средневекового просветителя Ю. Баласагуни занимаются государственные деятели.

Глава 2. Преломление античной философской мысли в тюркском средневековом утопическом гуманизме

2.1. Влияние античной философской мысли на представления тюрков об идеальной средневековой личности

Идеал средневековой личности у тюркских просветителей ознаменован справедливостью. Кажется, что тюркский поэт Юсуф Баласагуни претворяет в жизнь мысли Платона о необходимости вознести справедливость и критиковать несправедливость. В «Государстве» Платон говорит так: «Сколько бы всех вас ни было, признающих себя почитателями справедливости, никто, начиная от первых героев... никогда не порицал несправедливость и не восхвалял справедливость иначе как за вытекающие из них славу, почести и дары. А самое справедливость или несправедливость, их действие в душе того, кто ими обладает, хотя бы это тайлось и от богов, и от людей, еще никто никогда не подвергал достаточному разбору ни в стихах, ни просто в разговорах, и никто не говорил, что несправедливость – это величайшее зло, какое только может в себе содержать душа, а справедливость – величайшее благо» [17]. Поэма Ю. Баласагуни «Благодатное знание» полностью посвящено восхвалению справедливости в человеке, особенно в правителе, что является всеобщим благом, которое приносит гражданам государства счастье. О справедливости как благе поэт пишет:

«На свете жил бек, и премудр и умен,
И долгие годы страной правил он.
То был Кюнтогды, был он славой покрыт,
И, счастлив, всесветно он был знаменит.
В делах справедливый, был прям он и строг,
Правдив был в речах он и духом высок.
Он, мудрый и умный, и скорый в делах,
Для злых – что огонь был, для недругов – страх.
Бесстрашный, по правде вершил он дела,

И день ото дня его слава росла.

Властитель премудрым уменьем владел –

Сверять свою волю с велением дел.

И власть он с усердием страсти вершил –

Со страстью, пригодной для власти, вершил» [5: 59-60].

Эти строки поэмы лишней раз доказывают, что справедливость личности является большим благом не только для нее самой, но и для других граждан. Таким образом средневековый просветитель Ю. Баласагуни как бы превращает в жизнь завещание философов античности о необходимости писать стихи о справедливости.

Во второй книге «Государство» Платон приводит диалог Главкона с Сократом:

«– К какому же виду благ ты относишь справедливость?»

– Я-то полагаю, что к самому прекрасному, который и сам по себе, и по своим последствиям должен быть ценен человеку, если тот стремится к счастью» [17]. Диалог свидетельствует, что справедливость возносится «к самому прекрасному», которая обеспечивает счастье.

Тюркский средневековый поэт-просветитель Ю. Баласагуни к справедливости как средству в достижении счастья посвятил всю свою поэму «Кут адгу билик» («Благодатное знание»). Считая справедливость самым положительным, важным и необходимым качеством личности, он наделил ею главного героя – верховного правителя Кюнтогды:

«Сама справедливость и правды вершитель –

Элик Кюнтогды, справедливый властитель» [5: 11].

Справедливость как качество личности Ю. Баласагуни дополняет другими личностными качествами, что хорошо прослеживается в восхвалении правителя Кюнтогды:

«На свете жил бек, и премудр и умен,

И долгие годы страной правил он.

То был Кюнтогды, был он славой покрыт,

И, счастлив, всесветно он был знаменит.

В делах справедливый, был прям он и строг,

Правдив был в речах он и духом высок.

Он, мудрый и умный, и скорый в делах,
Для злых – что огонь был, для недругов – страх.
Бесстрашный, по правде вершил он дела,
И день ото дня его слава росла» [5: 59].

Таким образом, справедливость сопровождается и дополняется такими качествами, как мудрость и ум, прямота и строгость, правдивость, духовность, быстрота, бесстрашие, которые в конечном результате обеспечивают личности славу и знаменитость.

В самом начале своего трактата «Государство» Платон ведет речь о грядущей старости: «Ведь в старости возникает полнейший покой и освобождение от всех этих вещей; ослабевают и прекращаются власть влечений, и во всех отношениях возникает такое самочувствие, как у Софокла, т.е. чувство избавления от многих неистовствующих владык. А огорчения по поводу этого, как и домашние неприятности, имеют одну причину, Сократ, – не старость, а самый склад человека. Кто вел жизнь упорядоченную и был добродушен, тому и старость лишь в меру трудна. А кто не таков, тому, Сократ, и старость, и молодость в тягость» [17]. Тюркский просветитель Юсуф Баласагуни о «полнейшем покое и освобождении от всех вещей» в старости в поэме «Благодатное знание» пишет следующее:

«Чьи годы за сорок прошли чередою,
Уж тот распростился с порой молодую.
А мне пятьдесят, и немолод я телом,
Был вороном черным, стал лебедем белым.
И кличет шестой мой десяток: «Иди!» -
Пройду, если нет западни впереди!
Когда шестьдесят уже минуло мужу,
Сменил летний зной он на зимнюю стужу.
Что в тридцать собрал – в пятьдесят все уйдет,
А что в шестьдесят твоих лет тебя ждет!
Что сделал я вам, пятьдесят моих лет?
За что ваша месть насылает мне бед?
Пока еще молод, все – радость-улада,
А ныне и пища мне – вся горше яда!» [5: 56-57].

Тюркский просветитель Ю. Баласагуни вслед за Платоном бесповоротно подтверждает, что в старости излишним становится даже такая необходимость, как потребность в пище.

По поводу «не старости, а самого склада» тюркский поэт пишет, что человек к пятидесяти годам превращается из «ворона черного» в «лебедя белого», т.е. чем старше человек, тем он становится совершеннее, спокойнее, умнее и т.д. Используя метод гротеска как литературный прием, Ю. Баласагуни дополняет, что к шестидесяти годам человек меняет «летний зной на зимнюю стужу». Здесь также раскрываются принятые всеми народами мира образы лета и зимы. Лето представляется в образе молодого юноши, а зима – в образе умудренного опытом белоснежного доброго дедушки. Следует отметить, что тюркский поэт в своем произведении очень часто обращается к народной мудрости, ищет опору и подтверждения своим мыслям.

Платон в своем произведении ведет речь об упорядоченной жизни и добродушии, а произведение Ю. Баласагуни полностью посвящено этим проблемам. Говоря о быстротечной молодости и неминуемой старости, он призывает своего читателя идти по правдивому пути:

«Путь правды храни от неверного шага,
Зря юность не трать и цени его блага.
Мелькнет твоя молодость – знай наперед,
И – как ни удерживай – жизнь отойдет.
Не трать свои юные силы напрасно,
Смиренной молитве будь верен всечасно» [5: 56].

«Упорядоченную жизнь», по Платону, и составляет «путь правды хранить от неверного шага» по Ю. Баласагуни. Будучи средневековым просветителем, тюркский поэт «путем правдивым» еще считает ежечасную молитву во имя неизбежного грядущего.

Что касается несправедливой жизни, которая делает не только старость, но и молодость «в тягость», то Ю. Баласагуни все свое произведение строит на диалоге между

юношами и представителями старшего поколения. О «тягостной» жизни в свои молодые годы отец Айтолды своему сыну Огдюльмишу раскрывает следующее:

«Я каюсь, беспечный я был и дурной, -
Не следуй, о мой ясноликий, за мной!» [5: 117].

Айтолды не хочет, чтобы его сын Огдюльмиш повторял его ошибки и сделал свою молодость «тягостным». Предотвращение ошибок в молодости и воспитание в читателе благородства – основные цели Ю. Баласагуни и его произведения.

Сократ в диалоге с Кефалем в «Государстве» Платона утверждает, что «как поэты любят свои творения, а отцы – своих детей...» [17]. Во вступительной части своей поэмы «Благодатное знание» Ю. Баласагуни, возвеличивая свое произведение, с гордостью пишет следующее: «Книга сия величественна в славе своей. Читающий книгу сию, созданную по наречениям мудрецов Чина и украшенную стихами мудрецов Мачина, и возвышающий стихи ее сам возвеличен ею. Ученые и мудрые мужи Мачина согласны в том, что в восточных владениях, в государствах Туркестана никто не составил свода лучше этой книги, сочиненной на языке бограхановском и тюркской речью» [5: 5].

Поэт лишь этим не останавливается, а продолжает хвалить свое произведение: «К какому бы властителю и в какой бы предел ни доходила эта книга, - за великие совершенства и беспредельные красоты ее премудрые и ученые мужи тех держав одобряли ее и давали ей различные названия. Мужи Чина называли ее «Сводом благочиний», сподвижники государей Мачина звали ее «Радетелем держав», повелители стран Востока именовали ее «Украшением властителей», иранцы – тюркской «Книгой шахов», а некоторые – «Книгой наставлений властителям», туранцы же зовут ее «Благодатное знание»» [5: 5-6]. Эти строки вступительной части поэмы, написанной в прозаической форме, пронизаны любовью поэта, гордостью за свое творение, заметна уверенность его в том, что книга будет прочитана во многих частях света и одобрена прижизненно.

Стихотворный раздел вводной части поэмы, практически, посвящен восхищению Ю. Баласагуни своим детищем:

«И эта вот книга – дар добрых времен:
Она – море знаний для тех, кто смышлен.

Красна она мудрою сутью своею –
Хвалу вознеси ей и пользуйся ею» [5: 7].

Ю. Баласагуни свое произведение считает самым совершенным, поэтому задается риторическим вопросом:

«Была ли где книга мудрей и умней,
И будет ли создана равная ей?» [5: 8].

Все это лишний раз подтверждает высказывание Сократа о том, «как поэты любят свои творения».

Что касается любви отцов к своим детям, то тюркский поэт Ю. Баласагуни это утверждает во взаимоотношениях Айтолды с сыном Огдюльмешем. Даже перед самой смертью Айтолды заботится о будущем своего сына:

«Лишь ты – моя дума пред смертным концом:

Ты мал, а уже расстаешься с отцом.

Как жить будешь ты без меня, одинок? –

Иных я, поверь, и не знаю тревог.

Сын, ведавший благо отцовских забот,

В согласии с узнанным жизнь поведет» [5: 118].

Эти строки поэмы рассказывают о заботливой отцовской любви к сыну, о чем говорил Платон словами Сократа в «Государстве».

Как известно, классическая античная древнегреческая философская мысль начинается с Сократа. По утверждению Л.И. Королевы-Мунц, «Сократ провозгласил: добродетель есть знание. Но не всякое вообще знание, а лишь знание добра и зла, знание, которое ведет к правильным, добродетельным поступкам. На этом основании он пришел к выводу о том, что никто не зол по своей воле, а лишь по неведению» [10].

Следуя учению Сократа, тюркский поэт-просветитель Ю. Баласагуни в своей поэме «Благодатное знание» большое внимание обращает на знание и на то, что связано с ним. Специальный раздел называется «Повествуется о

том, что достоинство сынов человеческих – в знаниях и разумении». Просветитель отмечает, что разум и знание особое отличие человека от других тварей. Кроме того, поэт считает, что они ведут человека ко благу:

«Творец человека меж тварей отметил,
Чтоб разумом был он и знанием светел.
Умом отличил его, разумом, словом,
Дал облик и сделал в деяньях толковым.
И стал человек разуменьем велик,
И знаньем он многие тайны постиг.
Кому даровал бог и знанье и разум,
Того он ко благу наставил наказом» [5: 41].

Вслед за Сократом Ю. Баласагуни превозносит научные знания, которые ведут к великим свершениям:

«В науке – все благо, в познаньях – величье,
Даны божьим слугам два высших отличья.
И вправду сих слов подтвердит моя речь,
Сумей из нее все, что нужно, извлечь.
Величье дается благим разуменьем,
А знанья – основа великим свершеньям.
Кто знающ – тот знает, разумен – разумный,
Свершает желанное лишь многодумный» [5: 41-42].

По мнению Ю. Баласагуни, знание, разум и мудрость спасают от многих несчастий и болезней, последняя из которых способна лишить человека жизни. Поэтому просветитель невежд призывает лечиться от незнания и непросвещенности, чтобы стать счастливыми. Поэт неустанно повторяет, что учение ведет к свершению желаний. Обо всем этом подробно говорится для того, что все мысли ведут к тому, что лишь посредством знаний возможно стать властителем:

«Пойми суть познанья – премудрый завет:
Кто мудр, тот избегнет болезней и бед.
Невежда подвластен болезням и бедам,
А хворь не излечишь – и смерть идет следом.
Лечись же невежда, внимли же призывам:
Очнись от неведения – станешь счастливым!

Учение – повод, ведущий вперед:
К свершенью желаний он твердо ведет.
Кто предан ученью – тому и успехи:
Разумный не знает в желаньях помехи!
Ученьем вершатся труды и дела:
Наука властителей к цели вела!» [5: 42].

Как отметила Л.И. Королева-Мунц, «всякий человек, даровитый или бездарный, должен, по Сократу, учиться упражняться в том, в чем он хочет достигнуть успехов. Особенно значимо воспитание и обучение политическому искусству для людей даровитых. Эти люди, будучи по природе своей нередко неукротимыми и необузданными, без надлежащих знаний способны причинить государству и согражданам огромный вред. И наоборот, они приносят большую пользу отечеству, если предварительно изучили предмет будущей деятельности, научились искусству управления, приобщились к политической добродетели» [10]. Именно поэтому Ю. Баласагуни утверждает, что «наука властителей к цели вела».

О необходимости знаний правителю Ю. Баласагуни напоминает время от времени, например:

«Поистине мудр рассудительный муж,
Лишь умный – могучий, властительный муж.
Ученым дано благородными слыть,
Лишь знающий может правителем быть» [5: 52].

Как отмечает Сократ, в произведении Платона «Государство», рассудительность и спокойствие являются редкими человеческими качествами, и этими качествами можно многих удивить: «Негодующее начало души зачастую может быть воспроизведено различным образом, а вот рассудительный и спокойный нрав человека, который никогда не выходит из себя, нелегко воспроизвести, и, если уж он воспроизведен, людям бывает трудно его заметить и понять, особенно на всенародных празднествах или в театрах, где собираются самые разные люди, ведь для них это было бы воспроизведением чуждого им состояния» [17]. По описаниям, Ю. Баласагуни рассудитель-

ность, как редкое качество людей, должно быть обязательной чертой правителя государством.

Среди качеств, присущих правителю государством, основное место у Ю. Баласагуни занимает знание:

«Долг чести для мужа – владенье собой:

Бек должен быть ясен, как солнце с луной.

Степенность ему, благосклонность нужны,

И знание ему и ученость нужны.

Ученость нужна, чтобы знаньем владел,

А знания нужны для свершения дел.

Чтоб доброе чтит, а дурного избег

И нужное с лишним не путал вовек.

Чтоб все отличать и сличать он умел, –

Владея собой, был бы зорек и смел» [5: 53-54].

Таким образом, мысли Ю. Баласагуни и Сократа о мудром, знающем свое дело правителе полностью совпадают.

За справедливостью у Ю. Баласагуни разум и знание как добродетели находятся на втором месте. В поэме разум олицетворяет Огдюльмиш – сын везира Айтолы. Благодаря своим знаниям и разуму, Огдюльмиш после смерти своего отца был назначен «ведать казною». Об этом Ю. Баласагуни пишет следующее:

«Узнал, испытав Огдюльмиша, элик:

По правде свершать все дела он привык.

Испытывал он его и поощреньем,

И злом – нарочитым к нему небреженьем.

А тот и при почестях службе радел,

Свершал и в немилости множество дел.

Элик оценил его, мучаясь виною,

И впредь повелел ему ведать казною.

Великим доверьем облек он слугу,

И жизнь за него, мол, отдать я могу!» [5: 551].

Здесь следует обратить внимание на то, что разум и знание человека сопровождаются рядом других положительных качеств личности, которые и гарантированы ими. Естественно, Огдюльмиш оправдал великое доверие правителя Кюнтогды, служил ему с честью и достоинством, как и его отец Айтолды.

Сократ бытие отождествляет с познанием, а незнание считает небытием: «Поэтому к небытию мы с необходимостью отнесли незнание, а к бытию – познание...» [17]. Тюркский просветитель Ю. Баласагуни незнание уподобляет со смертью, т.е. подтверждает мысль Сократа о небытии:

«О тех, кто безумен, и думать не след:

Для них, кроме смерти, лечения нет.

Ты спросишь, что неучи значат собой,

Отвечу: из них бесполезен любой» [5: 52].

Характеризуя «небытие» из-за незнания, Ю. Баласагуни использует следующие эпитеты: «незнающий слеп», «учение забыто, недвижно перо», «а неуч и мелок и легок во всем», «бездумным невеждам неведома честь» и т.д.

И, наоборот, «бытие» характеризуют эпитеты «Учение – светоч во мраке ночном, От светоча знаньем ты светел челом», «Ученьем и знаньем достигнешь высот, И два этих блага приносят почет», «лишь оком учения мир просветлен», «учась,... спасется из ада и грешник в аду!», «познавший ученье – в деяньях весом», «в ученом и знающем истинна суть», «поистине мудр рассудительный муж», «лишь умный – могучий, властительный муж», «ученым давно благородными слыть, лишь знающий может правителем быть», «знаньем вершится господство владык», «и к тысячам тысяч свершений вела премудрость ученья – за то ей хвала!», «немалый и в малом учении прок, и малое знание – добрый залог» и т.д.

Знание и бытие Ю. Баласагуни отождествляет с пламенем, врагами, и смертельной болезнью, которые по силе равны:

«Четыре есть вещи – малы, а сильны,

В их малость не верь, речи мудрых верны:

Одна из них – пламя, другая – враги,

А третья – смертельной болезни шаги.

Они в этих свойствах с наукой сошлись,

Ты верь в их могущество, не обманись» [5: 52].

Как известно, первые три «вещи» приводят к «небытию». Просветитель, следуя мыслям Сократа, к ним добавляет еще знание и науку. Если следовать по логике

Ю. Баласагуни, то выявляется, что незнание, наряду с огнем, врагами, может уничтожить человека, т.е. также привести к «небытию».

В отличие от первых трех «вещей», наука таит в себе двоякий исход:

«В их силах таится двоякий исход:

Неведомо, благо иль горе придет.

Наука – влекущий богатства магнит,

А ум – тот чертог, что богатства хранит.

У знания – с мускусом схожая суть:

Держать его в туне негоже ничуть.

Как мускус не прячь – запах всюду проник,

И знаний не скроешь: их выдает язык.

Познания – богатство, откуда и часть

Искуснейший вор не сумеет украсть» [5: 52-53].

Как отметил просветитель, знание может привести к богатству или в случае неправильного применения свести все на нет.

Ю. Баласагуни приводит много параллелей на знание и невежество. Так, опираясь на слова мудрецов, он пишет:

«Учение ученому – верный собрат,

А неуч о знанье и слышать не рад.

Ученому знанье – и снесь, и наряд,

А козни невежды – лихой супостат» [5: 53].

Это лишний раз доказывает, что Ю. Баласагуни подтверждает мысли античных философов и следует их мыслям.

Способность к познанию Сократ считает «идеей блага», а не самим благом: «Так вот то, что придает познаваемым вещам истинность, а человека наделяет способностью познавать, это ты и считай идеей блага – причиной знания и познаваемости истины. Как не прекрасно и то и другое – познание и истина, но, если идею блага ты будешь считать чем-то еще более прекрасным, ты будешь прав. Как правильно было бы считать зрение и свет солнцееобразными, но признать их Солнцем было бы неправильно, так и здесь: правильно считать познание и истину имеющими образ блага, но признать что-либо

из них самым благом было бы неправильно: благо по его свойствам надо ценить еще больше» [17].

Не зря Ю. Баласагуни главному герою поэмы дал имя Кюнтогды – Солнце взошло (День родился). Это правитель (элик – в переводе из тюркского означает самый первый), который наделен способностью к познанию, следовательно, многознающий, умный и ученый, т.е. в нем, по учениям Сократа, заложена идея блага, которую он реализовал в своем государстве и сделал свой народ счастливым. Как Солнце сияет и дарит счастье людям с неба, так и Кюнтогды призван то же самое делать на Земле. Это и есть главная идея античных философов и тюркского средневекового просветителя Ю. Баласагуни.

Конечной целью знания является пригодность обладающего им управлению государством, а тот, кто не обладает этим, не способен управлять, о чем Платон устами Сократа говорит: «...для управления государством не годятся как люди непросвещенные и несведущие в истине, так и те, кому всю жизнь предоставлено заниматься самоусовершенствованием, - первые потому, что в их жизни нет единой цели... а вторые потому, что по доброй воле они не станут действовать, полагая, что уже при жизни переселились на Острова блаженных» [17]. Конечная цель тюркского просветителя Ю. Баласагуни относительно знания полностью совпадает с целью античных философов.

Свою мысль относительно знания и разума Платон усиливает и в «Законах»: «Когда душа противится знаниям, [правильным] мнениям или разуму, от природы предназначенным править, это я признаю неразумием, так же как и в государстве, когда большинство не повинуетя правителям и законам. Так пусть же это будет у нас так постановлено и выражено: невежественным гражданам нельзя поручать ничего относящегося к власти; их должно поносить как невежд, даже если они и горазды рассуждать и наловчились во всевозможных душевных тонкостях и извивах. Людей же противоположного склада должно называть мудрыми, даже если они, как говорят, ни читать,

ни плавать не умеют; как людям разумным им надо поручать управление. В самом деле, друзья мои, без лада может ли родиться хоть какой-то вид разумности? Это невозможно» [18]. Таким образом, знание и разум являются неотъемлемыми качествами правителя государством.

Личностные качества, по представлениям и античных философов и Ю. Баласагуни, непосредственно связаны с Всевышним. Так, Сократ говорит: «Значит, и бог, раз он благ, не может быть причиной всего, вопреки утверждению большинства. Он причина лишь немногих вещей, созданных им для людей, а ко многому он не имеет отношения: ведь у нас гораздо меньше хорошего, чем плохого. Причиной блага нельзя считать никого другого, но для зла надо искать какие-то другие причины, только не бога» [17]. Данное высказывание свидетельствует о том, что бог наставляет лишь на положительные поступки, а причина плохого сами люди. Средневековый просветитель Ю. Баласагуни в своей поэме у Всевышнего также просит уберечь от недозволенных дел:

«Я – скорбный твой раб, о бесскорбный господь,
Прости, помоги мне грехи побороть!» [5: 32].

Ю. Баласагуни находит ответ на Сократовское выражение «для зла надо искать какие-то другие причины, только не бога». По доказательствам просветителя, причиной плохого являются сами люди, например, о гордеце:

«Гордец, что себя вровень с богом вознес,
Мечтал о вселенной, а сдох, словно пес!» [5: 273].

Как утверждает поэт, гордость как отрицательная черта человека не от бога, а, наоборот, такой человек ставит себя наравне с богом, что никак не может быть предписано Всевышним. Поэтому мечты гордыни сводятся на нет, а сам он достоин смерти собаки.

В своих рассуждениях Сократ утверждает, что «...когда говорят, что бог, будучи благим, становится для кого-нибудь источником зла, с этим всячески надо бороться: никто – ни юноша, ни взрослый, если он стремится к законности в нашем государстве, – не должен ни говорить об

этом, ни слушать ни в стихотворном, ни в прозаическом изложении, потому что такое утверждение нечестиво, не полезно нам и противоречит самому себе» [17].

Тюркский просветитель Ю. Баласагуни указывает на три источника блага и зла, причем они одни и те же:

«Три блага на свете – сей жизни услада,
Равноим всем трем естество наше радо.
И первое благо – еда и питье,
Жену взять – другое блаженство твое.
И третье – когда твое тело здорово,
И это вот благо – всем прочим основа!» [5: 276].

В поисках Сократовского источника зла, тюркский просветитель находит их в тех же трех благах:

«И эти три блага – отрада отрад,
Но есть и три зла, – избегай их, собрат!
Еда и питье – это дело благое,
Но может, о брат, быть от них и дурное» [5: 276].

Еду Ю. Баласагуни рекомендует брать с трех пальцев, т.е. нужно быть умеренным в еде. Еда больше трех пальцев перегружает желудок и способствует к появлению неусвоенной пищи, что в свою очередь приводит к неотвратимым изменениям в организме и, в конечном счете, к болезням:

«Всего лишь с трех пальцев еду бери в рот,
А больше глотнешь – перегрузишь живот!
Еду не усвоишь, – разладится тело,
А в теле разлад – и болезнь подоспела!
Недуг – это первый от смерти гонец,
А смерть безотрадна, о славный мудрец!» [5: 276-277].
Что касается второго блага и зла поэт сообщает следующее:
«Еще одна сладость – общение с женою,
Ты словно умылся водой ледяною!
Да кроме того, еще дети пойдут,
Но вырастить их – тяжкий груз да и труд.
Внемли, есть и правильный стих на примете
О том, сколь накладны жена и дети:
«Большая услада – общение с женой,
А вред – словно мылся водой ледяной.

Бывает ли сладость вреда лишена?

Заплатишь за сладкое горькой ценой!» [5: 277].

Как комментирует просветитель, такая услада нашим природным желаниям мужчины, но в этом страдания неизбежны. Какой бы радостной и сладкой жизнь не казалась, но у всех исход одинаковый – смерть.

Третье благо и зло – это тело человека. Соблазны и тело – враги человека. Они манят его в свои сети. Сюда же поэт относит и дьявола – врага веры. Среди всех остальных, по мнению поэта, главным является тело человека:

«Но тело – глава всем лихим супостатам,

Оно нас и к бедам ведет и к утратам.

Помянешь ты бога – и дьявол ушел,

Отвергнешь соблазны – избавлен от зол.

А тело свое от себя не отринешь,

Его лишь велением смерти покинешь!» [5: 277].

Таким образом, тюркский средневековый просветитель ищет и находит ответ на поставленные Сократом и Платоном вопрос об источнике зла.

В своих рассуждениях о боге Сократ приходит к мысли, что он некая константа, постоянство, неизменность: «А словесная ложь – это уже воспроизведение душевного состояния, последующее его отображение...

Значит, любому божественному началу ложь чужда. ...

Значит, бог – это нечто вполне простое и правдивое и на деле, и в слове; он и сам не изменяется и других не вводит в заблуждение ни на словах, ни посылая знамения – ни наяву, ни во сне. ...

...Боги не колдуны, чтобы изменять свой вид и вводить нас в обман словом или делом» [17].

Этого же мнения придерживается тюркский просветитель Ю. Баласагуни:

«Ты в явном и тайном – суть истины сущей,

Далекий от взора, но в сердце живущий» [5: 31].

В этих двух кратких, но объемных строках просветитель сумел раскрыть правдивость Всевышнего в известных его рабам и неизвестных делах.

Сократ в своей беседе такое качество человека, как невежество ставит рядом с ложью. По его рассуждениям, незнание ведет к ложным действиям, обману, что не должно быть приемлемо ни для кого, ни при каких условиях: «...Водить свою душу в обман относительно действительности, оставлять ее в заблуждении и самому быть невежественным и проникнутым ложью – это ни для кого не приемлемо: здесь всем крайне ненавистна ложь» [17].

В своей поэме тюркский просветитель Ю. Баласагуни как бы борется против невежества, обмана, лжи и утверждает:

«И правильно все, если зорко взглянуть:

В ученом и знающем истинна суть» [5: 52].

Античные философы и Ю. Баласагуни невежество и ложь отождествляют для того, чтобы предостеречь правителя государством от этих отрицательных человеческих качеств и пороков, ибо такой правитель в своей государственной деятельности не приведет ни к чему верному, т.е. у него все действия будут ложными. Поэтому, следуя логике, правитель должен быть умным, знающим и просвещенным. Об этом Ю. Баласагуни отмечает:

«Поистине мудр рассудительный муж,

Лишь умный – могучий, властительный муж.

Ученым дано благородными слыть,

Лишь знающий может правителем быть» [5: 52].

Античные философы и тюркский просветитель Ю. Баласагуни личностные качества человека подробно анализируют для того, чтобы в деталях выявить, что у него творится в душе, а душа человека, как известно, это целая страна, она подобно государству. Что имеется внутри человека, то и реализуется в государстве. Об этом Сократ говорит: «Значит, мой друг, мы точно также будем расценивать и отдельного человека: в его душе имеются те же виды, что и в государстве, и вследствие такого же их состояния будет правильным применить к ним те же обозначения» [17].

Такие же взгляды у Ю. Баласагуни: лишь человек, обладающий самыми идеальными личностными качествами способен и может эти качества реализовать на государ-

ственном уровне, построить такое идеальное государство, которое имеется у него в душе:

«Долг чести для мужа – владенье собой:
Бек должен быть ясен, как солнце с луной.
Степенность ему, благосклонность нужны,
И знанья ему и ученость нужны.
Ученость нужна, чтобы знаньем владел,
А знанья нужны для свершения дел.
Чтоб доброе чтил, а дурного избег
И нужное с лишним не путал вовек,
Чтоб все отличать и сличать он умел, –
Владея собой, был бы зорек и смел» [5: 53-54].

Античные философы и Ю. Баласагуни особое внимание обращают на гнев как присущего душе «вида» наряду с «разумным» и «вождедеющим началом». В беседах Сократа о гневе говорится так: «... разве мы не замечаем, как человек, одолеваемый вождедениями вопреки способности рассуждать, бранит сам себя и гневается на этих поселившихся в нем насильников? Гнев такого человека становится союзником его разуму в этой распре, которая идет словно лишь между двумя сторонами.

Ну а когда он считает, что с ним поступают несправедливо, он вскипает, раздражается и становится союзником того, что ему представляется справедливым, и ради этого он готов переносить голод, стужу и все подобные этим муки, лишь бы победить; он не откажется от своих благородных стремлений – либо добиться своего, либо умереть, разве что его смирят доводы собственного рассудка, который отзовет его наподобие того, как пастух отзывает свою собаку» [17]. Тюркский просветитель Ю. Баласагуни призывает бороться против собственного гнева:

«О знающий! Гнев из души изгони!
Разумный! Не гневайся, честь сохрани!
Ни с гневом, ни с яростью дел не верши:
Свершенное наспех – погибель души!
Гневливый раскаяньем поздним томим,
Кто вспыльчив – всегда наказание с ним!» [5: 53].

По утверждению античных философов и тюркского просветителя, гнев мешает развитию рассудительности. В беседах Сократа об этом говорится что, «на примере малых детей можно видеть, что они, чуть родятся, беспрестанно бывают исполнены гнева, между тем некоторые из них, на мой взгляд, так и не становятся способными к рассуждению, а большинство становятся способными к нему очень поздно» [17]. Именно поэтому Ю. Баласагуни призывает к тому, что «долг чести для мужа – владенье собой».

Античные философы и Ю. Баласагуни едины во мнении, что гнев управляется рассуждением и мудростью, которые воспитываются с самого детства. «Итак, – заключается в сократовской беседе, – и способности рассуждать подобает господствовать, потому что мудрость и попечение обо всей душе в целом – это как раз ее дело, начало же яростное должно ей подчиняться и быть ее союзником...

Оба эти начала, воспитанные таким образом, обученные и понявшие свое назначение, будут управлять началом вождедеющим, а оно заставляет большую часть души каждого человека и по своей природе жаждет богатства» [17].

Таким образом, античные философы и тюркский просветитель едины во взглядах на такой человеческий порок, как гнев, который является показателем отсутствия разумности и знаний человека. Гнев человека неизбежно ведет к ярости, необдуманному решению в действиях, что в конечном итоге может привести к гибели самого человека или к наказанию. О гневе философы и просветитель рассуждают, чтобы исключить это качество в правителе государством.

Античные философы с гневом связывают мужественность, которая проявляется, когда человек находит в себе силы подавить гнев: «И мужественным, думаю я, мы назовем каждого отдельного человека именно в той мере, в какой его яростный дух и в горе, и в удовольствиях соблюдает указания рассудка насчет того, что опасно, а что неопасно» [17]. Это свидетельствует о том, что философы мужественность также объясняют наличием у человека знаний, мудрости и рассудительности.

В объяснении признаков мужественности Ю. Баласагуни следует античным философам. Мужественным он считает человека со знаниями, который правит страной по справедливым законам и ведет государство к всеобщему благоденствию и счастью. Примером мужественности он представляет правителя Кюнтогды, который отличается справедливостью, умом, мудростью, быстротой в решениях и делах и т.д. В определении мужественности просветитель опирается на слова мудрецов:

«И стих у поэта есть будто о нем,
Любой прочитавший уверится в том:
«Для мужа и рвенье и доблесть нужны,
А зло и порок с ним дружить не должны.
А если и доблесть и рвенье нужны,
Да будут они в сердце мужа равны!» [5: 60].

Так, Ю. Баласагуни мужественность характеризует наличием «рвенья» и «доблести».

К управлению государством правитель Кюнтогды привлекает себе подобных, т.е. мужественных людей:

«Всех мудрых к себе он призвал на порог,
Всех умных возвысил и к делу привлек.
Стекались к нему все владыки земли –
Мужи, что умом всех других превзошли.
Он дал устроенье всем странам вокруг
И лучших мужей приближал для послуг.
В подмогу себе в начинаньях своих,
Чтоб мог он всегда положиться на них» [5: 60].

К будущим визирам правитель Кюнтогды ставит следующие требования, которые отвечают признакам мужественности:

«Печалась душой, он сказал как-то раз:
«Велики у власти и дело и глас.
От многих забот голова тяжела,
Муж нужен мне умный – вершить все дела.
Мне править теперь одному уж невмочь,
Муж нужен мне мудрый, чтоб делу помочь.
Муж избранный нужен, чей разум глубок,

Такой, чтобы править подвластными мог,
Чтоб праведен был он, и добр, и правдив,
И словом и сердцем во всем справедлив,
Чтоб он исполнял мой приказ и наказ –
И тайное ведал и явное враз» [5: 60].

Таким образом, у Ю. Баласагуни мужественность проявляется в справедливом правлении государством.

Мудрость у Сократа выводится из гнева и мужественности. Как было отмечено, чтобы подавить гнев, человек должен обладать мужественностью, а мужественность проявляется, когда она управляется мудростью: «А мудрым – в той малой мере, которая в каждом главенствует и дает эти указания, ибо она-то и обладает знанием того, что пригодно и каждому отдельному началу, и всей совокупности этих трех начал» [17].

Тюркский просветитель Ю. Баласагуни мудрость связывает также с вопросами справедливого правления государством, благоденствием и всеобщим счастьем. Так, благодаря мудрому правлению Кюнтотды, страна процветала:

«При мудром владыке страна расцвела,
Все жили в довольстве, не ведая зла.
И стал весь народ столь богатым при нем,
Что волк и овца пили воду вдвоем» [5: 62].

Поэт не забывает отмечать, что от мудрости самому правителю Кюнтотды также много пользы:

«И жил он, любовной молвою хвалим,
А недруги шеи склонили пред ним.
Иные искали в нем щит от тревог,
Иные с надеждой лобзали порог» [5: 62].

Таким образом, античные философы и тюркский просветитель Ю. Баласагуни едины во мнении, что в делах правления государством гнев вредит каждому, а чтобы его подавить человек должен обладать такими качествами, как образованность, мужественность и мудрость.

Рассуждая о справедливости и несправедливости, Сократ в своих беседах приходит к мысли, что они «ни чем не отличаются от здоровых и болезнетворных

начал, только те находятся в теле, а эти – в душе. Стало быть, добродетель – это, по-видимому, некое здоровье, красота, благоденствие души, а порочность – болезнь, безобразия и слабость» [17].

В рассуждениях тюркского просветителя Ю. Баласагуни олицетворением добродетели здоровья, красоты, благоденствия души являются такие герои, как правитель Кюнтогды, визир Огдюльмиш; а порочность с признаками болезни, безобразия и слабости олицетворяет визир Айтолды.

Визир Огдюльмиш перед вступлением в должность о себе рассказывает следующее:

«Ты вспомнил меня, и дождался я зова,
И поясом счастья повязан я снова.
Велений элика и вновь удостоен –
Светлы мои дни, ясный взор мой спокоен!» [5: 142].
К тому же он обладал внешней красотой, о чем поэт пишет:
«Был сын – Огдюльмиш его звали – пригож:
И ликом прекрасен, и нравом хорош» [5: 142].

Это намек поэта на то, что государством должны управлять люди здоровые, со светлой душой, красивые какими являются сам правитель Кюнтогды и его визиры.

Что касается определения Сократа порочности в виде болезни, безобразия и слабости, то об этом Ю. Баласагуни пишет следующее:

«Болезнь все сильнее Айтолды донимала,
И гас он, на жизнь не надеясь нимало.
«Сколь жизнь вероломна! – вскрикнул несчастный, –
Свой облик сгубил я тщетою напрасной!
Всю жизнь я провел в суете препустой,
Сгубил свою молодость глупой тщетой!
Бегом я спешил одолеть все препоны,
А рок меня сцапал, и что мои стоны!
Богатства сбирал я с корыстию пущей,
И все это цело, а я неимуций!
Десницей и речью я был величав,
Но смерть подпустила, мне горло зажав!» [5: 111].
Болезнь, слабость, неправильный жизненный путь,

стремление к накопительству, корысть, суета – всевозможные порочности у поэта взаимосвязаны и следуют друг за другом. Наряду с положительными качествами эти пороки поэт приводит для того, чтобы доказать, что кроме справедливости еще на свете бывает несправедливость, о чем размышляли античные философы.

Так на примере литературных героев тюркский просветитель Ю. Баласагуни демонстрирует мысли античных философов о справедливости и несправедливости, в частности, добродетели – здоровье, красота, благоденствие души и человеческую порочность – болезнь, безобразие и слабость.

Таким образом, тюркский просветитель Ю. Баласагуни в освещении качеств средневековой идеальной личности следовал мыслям античных философов, литературно их обработал, усилил приемами художественного слова, показал на примере поэтических героев.

2.2. Заимствование тюркскими средневековыми просветителями античной философской мысли о социальном воспитании

Платон в «Государстве» продолжает свои рассуждения о справедливости. Адимант в диалоге с Сократом говорит, что «и отцы, когда говорят и внушают своим сыновьям, что надо быть справедливыми, и все, кто о ком-либо имеет попечение, одобряют не самое справедливость, а зависящую от нее добрую славу, что бы тому, кто считается справедливым, достались и государственные должности, и выгоды в браке, т.е. все то, о чем сейчас упоминал Главкон, говоря о человеке, пользующемся доброй славой, хотя и несправедливым. Более того, эти люди ссылаются и на другие преимущества доброй славы. Они говорят, что те, кто добился благосклонности богов, получают от них блага, которые, как они считают, боги даруют людям благочестивым» [17].

В этом диалоге речь идет о том, какую выгоду можно иметь от такого качества, как справедливость. По мнению

античных философов, от справедливости зависят добрая слава человека, возможность получить государственную должность, выгода в браке, т.е. те земные блага, которые улучшают социальную жизнь человека. Кроме того, своей справедливостью человек добивается благосклонности богов.

В поэме «Кут адгу билик» («Благодатное знание») тюркский просветитель Ю. Баласагуни неустанно утверждает те же мысли. Правитель Кюнтогды, добившийся многих благ в своей жизни, символизирует справедливость:

«Я – знак Справедливости, правды закон,
Пойми, чем и славен и праведен он» [5: 88].

Именно, благодаря своей справедливости, правитель Кюнтогды держится во власти и, по утверждению поэта, он бессмертен.

Благосклонности Аллаха сам Ю. Баласагуни добивается на протяжении всей поэмы. Во-первых, он начинает свою поэму именем Всевышнего: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного!» самую первую главу поэт посвящает восхвалению Аллаха и его творений и дает название этой главе «Возвещается хвала Аллаху, да будет велик он и славен»:

«Хвалою творцу начинаю я слово –
Во славу творца моего всеблагого.
Несчетны хвалы ему и величанья –
Творец всемогущий не знает скончанья.
Он землю и небо, и солнце с луною,
И тварей всех создал, и время земное.
Создать пожелав всего сущего суть,
Он все сотворил, повелев ему: «Будь!» [5: 30].

Преклонение перед Всевышним у Ю. Баласагуни отвечает всем требованиям Ислама. Признание Аллаха и Его сути он описывает согласно Корану:

«Ни равенства нет, ни подобья ему,
И сущность его не постигнуть уму.
И он – ни в пути, ни в покое, но – бдящий,
Вне сходства он с сущностью, облик носящий.
Ни справа, ни слева, ни прежде, ни днесь он,
Ни в выси, ни долу, н там и не здесь он.

Всю суть сотворил он, а сам он – нигде,
Узнай: он всеместно безместный – везде!» [5: 31].

Если такое вступление, с одной стороны, было предписано средневековыми традициями, то, с другой – необходимость воспитания положительных качеств в личности Ю. Баласагуни связывал с требованиями, ставящими перед истинным мусульманином. Лишь истинному мусульманину, соблюдающему каждое предписание Корана, Всевышний воздаст все земные и вневенные блага. Вот так соблюдает средневековый просветитель мысли Платона о том, «кто добился благосклонности богов, получают от них блага, которые, как они считают, боги даруют людям благочестивым».

В пример своему читателю Ю. Баласагуни у Всевышнего просит:

«И милость даруй мне вознестися высоко –
Дозволь в судный день быть под сенью пророка» [5: 32].

Подготовка к Судному дню, по Ю. Баласагуни, является одним из ведущих мыслей в воздержании от неправильных действий, накопления богатства и т.д.

Образцом для подражания является Пророк, который благодаря своим личностным качествам стал избранныком Всевышнего, за что и был щедро награжден:

«Он праведен, скромен, в деяньях велик он:
Участлив и добр он, и щедр каждый миг он.
Он был для земли и для неба отрадой,
И бог одарил его щедрой наградой» [5: 33].

Наградой Всевышнего является то, что он стал Пророком, т.е. «главнейшей в главенстве, начало начал».

О справедливости Всевышнего и щедрости по отношению ко всем своим рабам Ю. Баласагуни напоминает постоянно. В беседе с отцом Айтолды Огдюльмиш говорит:

«И слабому сила – от божьих щедрот,
Великим и малым он блага дает.
Об этом гласит мудрость умных речей,
Она – словно взор для незрячих очей:
«Да славен всечтимый – он дарит почет,

И воля его честь и славу дает.

Для слабых он – сила, для малых – величье,

Дурным шлет он помощь, достойным – отличья!» [5: 33].

Эти строки поэмы полностью доказывают, что мысли древнегреческих философов Сократа, Платона и средневекового тюркского просветителя Ю. Баласагуни о награде богов по достоинству самого человека полностью совпадают.

Адимант в беседе с Сократом утверждает, что «...согласно другим учениям, награды, даруемые богами, распространяются еще дальше: после человека благочестивого и верного клятвам останутся дети его детей и все его потомство. Вот за что – и за другие вещи в этом же роде – восхваляют они справедливость. А людей нечестивых и неправедных они погружают в какую-то трясину в Аиде и заставляют носить решетом воду» [17].

В поэме Ю. Баласагуни «Кутадгу билик» символу счастья визирю Айтолды Всевышний подарил сына Огдюльмиша. Поэт это делает для того, чтобы показать, что без детей счастье полным не бывает. В аяте 46 суры 18 «Пещера» Корана также говорится, что:

Богатства (ваши), сыновья –

Лишь украшения вам в этой жизни,

А то, что пребывает (вне суеты земного бытия), -

Дела благие –

Есть лучшее пред Господом твоим

И по награде, (что за праведность воздаст Он),

И по надеждам, (что исполнятся Его веленьем)» [9: 328].

Здесь речь идет о том, что богатство и дети наслаждение земной жизни и временное явление. Что касается благодеяний, то они идут вслед за человеком повсюду, несут ему пользу и делают его счастливым. «Это относится ко всем обязательным и желательным праведным поступкам, совершая которые человек выполняет свои обязанности перед Аллахом и Его рабами. К таким благодеяниям относятся совершение намаза, выплата закята, раздача пожертвований, совершение хаджа и малого паломничества, возвеличивание и прославление Аллаха, чтение Ко-

рана, приобретение полезного знания, призыв к совершеннию богоугодных дел, предостережение от грехов и непристойностей, поддержание родственных уз, заботливое отношение к родителям, женам, рабам и животным, а также любое добро, которое человек делает окружающим. Эти благодеяния сохраняются навечно, приносят человеку самое щедрое вознаграждение и заслуживают того, чтобы на них возлагались надежды. Это вознаграждение не только сохраняется, но и приумножается, и человек может при необходимости рассчитывать на него. Вот ради чего должны состязаться друг с другом люди, которые желают вступить в состязание! Вот ради чего должны соперничать труженики и усердствовать праведники!

...Все мирское бывает двух видов. К первому виду относятся богатство, дети и мирские улады, которые доставляют человеку непродолжительное удовольствие, а затем исчезают, не принося ему никакой пользы, а порой даже нанося непоправимый урон. А ко второму виду относятся нетленные благодеяния, которые становятся вечным достоянием человека» [21].

Таким образом, Ю. Баласагуни, будучи религиозным, остается верным учениям ислама, а также следует мыслям античных философов о детях как божественном подарке.

Платон блага делит на две части: человеческие и божественные, первые из которых зависят от вторых. Общество одновременно с большим благом приобретает и меньшее, а если лишается одного, то лишается и другого. К меньшим благам он относит здоровье, «затем идет красота, на третьем месте – сила... на четвертом – богатство...» [18].

К божественным благам он, как было отмечено, относит, во-первых, разумение, во-вторых, «сопутствующее разуму здоровое состояние души; из их смешения с мужеством возникает третье благо – справедливость; четвертое благо – мужество. Все эти блага по своей природе стоят впереди тех, и законодателю следует ставить их в таком же порядке» [18]. Несложно заметить, воспетое Ю. Баласагуни разум, Платон ставит на первое место, а все осталь-

ное – здоровое состояние души, справедливость, мужество – следуют за ним.

Размышляя о справедливости и несправедливости, Сократ говорит:

«Но заниматься своим делом и не вмешиваться в чужие – это и есть справедливость, об этом мы слышали от многих других, да и сами часто так говорили. ...

Так вот, мой друг, заниматься каждому своим делом – это, пожалуй, и будет справедливостью. Знаешь, почему я так заключаю? ...

По-моему, кроме тех свойств нашего государства, которые мы рассмотрели, – его рассудительности, мужества и разумности – в нем остается еще то, что дает возможность присутствия их там и сохранения. И мы утверждали, что остаток, после того, как мы нашли эти три свойства, и будет справедливостью.

Видно, в вопросе совершенства государства способность каждого гражданина делать свое дело соперничает с мудростью, рассудительностью и мужеством.

...Справедливость состоит в том, чтобы каждый имел свое и исполнял тоже свое. Значит, вмешательство этих трех сословий в чужие дела и переход из одного сословия в другое – величайший вред для государства и с полным правом может считаться высшим преступлением.

Значит, это и есть несправедливость. И давай скажем еще раз: в противоположность ей справедливостью будет – и сделает справедливым государство – преданность своему делу у всех сословий – дельцов, ремесленников и стражей, причем каждое из них будет выполнять то, что ему свойственно» [17].

Тюркский просветитель Ю. Баласагуни в своей поэме рассказывает, чем должен заниматься каждый труженик государства. Все начинается с правителя. Кюнтогды, идеализируя, должность своего правителя интересуется, какие у него обязанности:

«Каким нужно быть, чтобы всех их возглавить,
Со славой и честью делами их править,

И чтобы цвели и народ, и страна,
И с доброй молвою бы шли времена,
И чтобы казна богателя бы златом,
И шеи пришлось бы склонить супостатам,
Чтоб силою крепла могучая рать,
Чтоб правду закона с наукой сверять,
Чтоб слава о беке пошла по вселенной,
И счастье росло бы чередою бессменной,
Чтоб он был весел, а власть – все сильнее,
Чтоб правил он миром до смерти своей?» [5: 166].

На такую постановку вопроса об обязанностях правителя, олицетворяющий разум и мудрость, Огдюльмиш отвечает:

«Быть беком достоин муж чести достойной –
Могучий, решительный, смелый, спокойный.
Был беком отец – будет беком и сын,
Сын бекского рода и сам – властелин.
Ему ум и знания иметь подобает,
Ему благородство, заметь, подобает.
Бек правящий людом, умен и учен,
Правление вершит с разуменьем он» [5: 167].

О должности везира в поэме говорится следующее:

«Властителю должность везира нужна:
Хороший везир – беку доброго сна!
Везиру – нести его тяжкую кладь,
Везиру – основы основ укреплять,
Ему самым избранным быть надлежит,
Пока ум понятлив, а сердце стучит» [5: 182].

Так описываются в поэме обязанности «мужа, возглавляющего войско», «мужа, достойного должности великого хаджиба», «управителя дворца», «мужа, отправляемого послом», писца-письмовода, казначея, главного повара-стольничего, «мужа, ведающего напитками». Следует отметить, что каждой государственной должности Ю. Баласагуни дает развернутое описание, посвящает отдельные главы. Иначе и невозможно построить справедливое государство, обеспечивающее всеобщее счастье и благоденствие.

Социальную справедливость античные философы связывают не только с выполнением каждого гражданина государства своих обязанностей, но и с тем, что всем этим управляет имеющиеся в душе человека начала: «Но ведь мы не забыли, что государство у нас было признано справедливым в том случае, если каждое из трех его сословий выполняет в нем свое дело...

Значит, нам надо помнить, что и каждый из нас только тогда может быть справедливым и выполнять свое дело, когда каждое из имеющихся в нас начал выполняет свое» [17].

Средневековый поэт-просветитель Ю. Баласагуни не забывает и о «простых смертных», поэтому также подробно описывает, какими должны быть взаимоотношения между «власть имущими» и подчиненными, например, обязанности бека по отношению к слугам, как должно обходиться «с мужами, несущими службу во дворце», «с людьми простого звания», «с людьми благородного происхождения», учеными и знающими, лекарями, знахарями, толкователями снов, звездочетами, стихотворцами, земледельцами, торговцами, скотоводами, ремесленниками, бедняками и т.д.

Свою мысль о необходимости каждому заняться своим делом Сократ и Платон усиливают следующими строками: «...Не заставляй нас соединять с должностью стражей такое счастье, что оно сделает их кем угодно, только не стражами. Мы сумели бы и земледельцев нарядить в пышные одежды, облечь в золото и предоставить им лишь для собственного удовольствия возделывать землю, а гончары пускай с удобством разлягутся у очага, пьют себе вволю и пируют, пододвинув поближе гончарный круг и занимаясь своим ремеслом лишь столько, сколько им хочется. И всех остальных мы подобным же образом можем сделать счастливыми, чтобы так процветало все государство» [17]. Из описания ясно, что вольное или недостаточное занятие своим делом ведет к краху государства.

Просветитель заботиться и об «обратной стороне медали», т.е. напоминает не только о правах, но и обязанностях подчиненных, поэтому законам и правилам служения

бекам посвящает отдельную главу. По мнению средневекового просветителя Ю. Баласагуни, такая постановка вопроса является справедливым и обеспечивает слаженность, мир и покой в государстве, что и ведет к счастью. Такие правила, обеспечивающие правильные взаимоотношения между гражданами государства, и являются законами, которые придуманы, чтобы обеспечить справедливость. Об этом напоминает рассуждение Главкона из второй книги «Государства» Платона, где говорится, «что творить несправедливость обычно бывает хорошо, а терпеть ее – плохо. Однако, когда терпишь несправедливость, в этом гораздо больше плохого, чем бывает хорошего, когда ее творишь. Поэтому, когда люди отведали и того и другого, т.е. и поступали несправедливо, и страдали от несправедливости, тогда они... нашли целесообразным договориться друг с другом, чтобы и не творить несправедливость, и не страдать от нее. Отсюда взяло свое начало законодательство и взаимный договор. Установления закона и получили имя законных и справедливых – вот каково происхождение и сущность справедливости. Таким образом, она занимает среднее место – ведь творить несправедливость, оставаясь притом безнаказанным, это всего лучше, а терпеть несправедливость, когда ты не в силах отплатить, – всего хуже. Справедливость же лежит посередине между этими крайностями, и этим приходится довольствоваться, но не потому, что она благо, а потому, что люди ценят ее из-за своей собственной неспособности творить несправедливость. Никому из тех, кто в силах творить несправедливость, т.е. кто доподлинно муж, не придет в голову заключать договоры о недопустимости творить или испытывать несправедливость – разве что он сойдет с ума. Такова, Сократ, – или примерно такова – природа справедливости, и вот из-за чего она появилась, согласно этому рассуждению» [17].

Средневековый тюркский просветитель Ю. Баласагуни остается верным античным философам и в описании должностей философа, геометра, астронома и т.д. Что ка-

сается философов, то Сократ и Платон считают, что они должны быть привлечены к управлению государством: «Пока в государствах не будут царствовать философы либо так называемые нынешние цари и владыки не станут благородно и основательно философствовать и это не сольется воедино – государственная власть и философия, и пока не будут в обязательном порядке отстранены те люди – их много, – которые ныне порознь стремятся либо к власти, либо к философии, до тех пор, дорогой Главкон, государствам не избавиться от зол, да и не станет возможным для рода человеческого и не увидит солнечного света то государственное устройство, которое мы только что описали словесно» [17].

Что касается мыслей Ю. Баласагуни о философях, то к этом ряду он относит умных, мудрых, рассудительных людей. Описанию сущности ума он обращает особое внимание, причем, у него способность к размышлению не зависит от возраста:

«Ум издали видит дорогу ко благам,
И к нужным свершеньям идет твердым шагом.
Неясное он разъясняет тотчас,
Любые узлы он распутает враз.
И вправо, и влево, вперед и назад –
Все зрит он, всему даст и срок и уклад.
Бегучее – схватит, летучее – словит,
Поруху – исправит, полом – восстановит» [5: 160].

Средневековый просветитель правителя и философа олицетворяет в одном лице – элика Кюнтогды. Он наделен разумом и мудростью:

«Разумным и мудрым быть надобно в деле,
Лишь мудрые люди в делах преуспели.
От разума польза крепка и мудра,
И разум – основа всех благ и добра» [5: 200].

Эти качества правителя и ведут государство к справедливости и всеобщему благу. Как и античные философы, Ю. Баласагуни неустанно твердит о разумном управлении государством. Сократ и Платон об этом го-

ворят четко и ясно: «И пока государство управляется разумно, как недавно и было нами постановлено, его мощь будет чрезвычайно велика; я говорю не о показной, а о подлинной мощи, если даже государство защищает всего лишь тысяча воинов...» [17].

Занятие геометрией античные философы считают необходимым для познания вечного: «Но кто хоть немного знает толк в геометрии, не будет оспаривать, что наука эта полностью противоположна тем словесным выражениям, которые в ходу у занимающихся ею. ...

Они выражаются как-то очень забавно и принужденно. Словно они заняты практическим делом и имеют в виду интересы этого дела, они употребляют выражения "построим" четырехугольник, "проведем" линию, "произведем наложение" и так далее, все это так и сыплется из их уст. А между тем это ведь наука, которой занимаются ради познания. ...

Это наука, которой занимаются ради познания вечного бытия, а не того, что возникает и гибнет» [17].

Что касается геометрии и науки расчета, то Ю. Баласагуни считает это необходимым качеством для звездочетов:

«Все нужно им знать – годы, месяцы, дни,
Сколь нужен, о доблестный, счет сей, цени.
Учись, чтобы знать его, сложным расчетам –
Дано вести к знаниям лишь этим воротам.
Познай умноженье, деленье и дроби –
Цель эта трудна и премудрой особе!
Познай в совершенстве закон степеней
И корни из чисел исчислить умей!
Мерь площади точно, их четко дели,
Семь высей небесных знай лучше земли!
Знай алгебры действий разного вида,
Пытливо стучись и в ворота Евклида» [5: 334].

Будучи средневековым просветителем, Ю. Баласагуни счет считает нужным и в загробном мире, чтобы не было разлада:

«И знай: в этом мире и в мире грядущем
Все смирено счетом, нам мудрость дающим.

О доблестный, если разладится счет,
В обоих мирах все неладно пойдет!» [5: 334].

Третьим предметом, которого необходимо знать, Сократ и Платон считают астрономию, «...потому что внимательные наблюдения за сменой времен года, месяцев и лет пригодны не только для земледелия и мореплавания, но не меньше и для руководства военными действиями» [17].

У Ю. Баласагуни астроном называется звездочетом, познания которого необходимы для предопределения положительного исхода дела:

«Дела затеваешь – спросить надлежит,
Хороший, дурной ли им час предстоит.
Дни месяцев разны – добры, недобры,
Ты выпроси день благодатной поры» [5: 334].

Все добытые знания звездочетом тюркский просветитель считает наукой, с которой необходимо размерить всю свою жизнь, чтобы она была налаженной:

«Когда в дело вложена мудрость науки,
К задуманной цели дотянутся руки.
Глава всем делам – разуменье наук,
Без знаний все дело упустишь из рук.
У всех расспроси, а поверь не всему,
Лишь господу ведомо все одному.
По-доброму ладя с такими людьми,
Расспросами лишними их не дойми! » [5: 334].

Таковыми словами просветитель заботится и о самих «деятелях науки».

Как было заметно, Ю. Баласагуни геометрические расчеты и астрономию ставит в один ряд, считает, что они неразрывны, одно способствует другому. Эта же мысль прослеживается и у Сократа и Платона: «Значит, мы будем изучать астрономию так же, как геометрию, с применением общих положений, а то, что на небе, оставим в стороне...

Пожалуй, как глаза наши устремлены к астрономии, так уши – к движению стройных созвучий; эти две науки – словно родные сестры... Так же, как астрономы, люди

трудятся там бесплодно: они измеряют и сравнивают воспринимаемые на слух созвучия и звуки» [17].

На то, что Сократ и Платон являются сторонниками занятия по способностям, есть весьма весомые причины: «Мы же в начале, когда основывали государство, установили, что делать это надо непременно во имя целого. Так вот это целое и есть справедливость или какая-то ее разновидность. Мы установили и после все время повторяли, если ты помнишь, что каждый отдельный человек должен заниматься чем-нибудь одним из того, что нужно в государстве, и притом как раз тем, к чему он по своим природным задаткам больше всего способен» [17]. Таким образом, они озабочены строением целостного, крепкого, нерушимого государства, а для этого необходимо, чтобы каждый занимался своим делом. Именно поэтому и средневековый просветитель Ю. Баласагуни расписывает требования к множеству государственных должностей, в исполнении которых обеспечится целостность самого государства.

Античные философы богатством считают не материальное состояние, а нечто высокодуховное: «Так уж обстоит дело, дорогой мой. Если ты найдешь для тех, кому предстоит править, лучший образ жизни, чем обладание властью, тогда у тебя может осуществиться государство с хорошим государственным строем. Ведь только в таком государстве будут править те, кто на самом деле богат – не золотом, а тем, чем должен быть богат счастливый: добродетельной и разумной жизнью. Если же бедные и неимущие добиваются доступа к общественным благам, рассчитывая урвать себе оттуда кусок, тогда не быть добру: власть становится чем-то таким, что можно оспаривать, и подобного рода домашняя, внутренняя война губит и участвующих в ней, и остальных граждан» [17].

Что касается тюркского средневекового просветителя Ю. Баласагуни, то он всю свою поэму посвятил доб-

родителям и организации разумной жизни, которые приводят к конечной цели – счастью.

Сократ в своих беседах с Кефалом резко критикует людей, которые сильно привязаны к своему материальному богатству:

«Сократ. Как поэты любят свои творения, а отцы – своих детей, так и разбогатевшие люди заботливо относятся к деньгам – не только в меру потребности, как другие люди, а так, словно это их произведение. Общаться с такими людьми трудно: ничто не вызывает их одобрения, кроме богатства.

Кефал. ...Обладать состоянием – это, конечно, очень хорошо, но не для всякого, а лишь для порядочного человека» [17].

Тюркский просветитель Ю. Баласагуни считает, что богатство в этом мире явление временное, что смерть отбирает у человека все, в том числе его богатство, и оставляет ни с чем. Поэтому советует к умеренности в накоплении богатства:

«Не строй ни дворцов, ни чертогов, властитель, –
Тебе под землею готова обитель.
Глядишь, все чертоги тебя пережили,
А ты безутешен в зловещей могиле.
Зачем ты копишь богатства все эти,
Тебе двух полотнищ³ довольно на свете!» [5: 131].

По учениям Ю. Баласагуни, человеку в вечной жизни достаточно два белых полотна, и поэтому в земной жизни нет смысла накопить богатства. Как обычно, просветитель подтверждает свои мысли словами мудреца:

«Вот суть человека: к богатству влеком,
Он с думой о смысле богатств незнаком.
Копил, богатея, и желанное – с ним,
А смерть уже здесь – подокралась тайком!» [5: 131].

Будучи просветителем, Ю. Баласагуни ответ на вопрос, как быть с материальным богатством, высказывает свои наставления весьма открыто:

---

³ По мусульманскому погребальному обряду после смерти человека хоронят в саване, состоящей из двух кусков белой материи.

«Не радуйся, бек, мимолетным уладам:
Все ладное кончится полным разладом.
Не трать свою жизнь на мирские улады,
Они быстротечны и мстят без пощады.
На шелке и бархате нежишь ты тело,
А ляжешь ты в черной земле омертвело.
С любезными сердцу ты нынче в веселье,
А путь твой – под землю, во мрак подземелья!
Ты спешишься скоро с коня-быстрохода,
Конем без седла тебе станет колода⁴» [5: 131].

Мысли поэта ведут к тому, что нельзя относиться к земным богатствам так, как это описывают античные философы, а следует считать, что это временное земное явление, которое в очень скором времени не станет.

В беседах Сократ приводит слушателя к мысли, что и богатство и бедность одинаково опасны для государства: «Так, по-видимому, мы нашли для наших стражей еще что-то такое, чего надо всячески остерегаться, как бы оно не проникло в государство незаметным для стражей образом.

– Что же это такое?

– Богатство и бедность. Одно ведет к роскоши, лени, новшествам, другая, кроме новшеств, – к низостям и злодеяниям» [17].

Тюркский просветитель Ю. Баласагуни оберегает своего читателя от этих двух зол. Как было отмечено, богатство он считает временным состоянием земного мира, к которому приходит конец со смертью человека, а к бедным он призывает относиться с жалостью и помочь им.

На пути поиска справедливости Сократ и Платон доходят до бедняков, и призывают подобающим образом относиться к ним: «Все в один голос твердят, что рассудительность и справедливость – нечто прекрасное, однако в то же время тягостное и трудное, а быть разнузданным и несправедливым приятно и легко и только из-за общего мнения и закона это считается постыд-

---

⁴ По мусульманскому погребальному обряду к могиле усопшего несут на носилке, держа за три колода.

ным. Говорят, что несправедливые поступки по большей части целесообразнее справедливых: люди легко склоняются к тому, чтобы и в общественной жизни, и в частном быту считать счастливыми и уважать негодяев, если те богаты и вообще влиятельны, и не во что не ставить и презирать каких-нибудь немощных бедняков, пусть даже и признавая, что они лучше богачей» [17].

Тюркский просветитель Ю. Баласагуни также уделяет внимание беднякам и призывает помочь им:

«Еще бедняков встретишь ты меж людьми,
Одаривай их, напои, накорми.
Молитвой тебя они вознаградят,
А это – прекрасное дело, о брат!
Не жди от них платы за щедрость твою,
Сам бог даст за то тебе место в раю!» [5: 341].

В отношении к беднякам Ю. Баласагуни исходит из учений ислама, который призывает истинного мусульманина оказывать материальную помощь неимущим собратьям по вере.

Античные философы Сократ и Платон рассуждают о стражей, как о необходимом звене в государственном строе: «Нужно решить, ставим ли мы стражей, имея в виду наивысшее благополучие их самих или же нам надо заботиться о государстве в целом и его процветании» [17]. Что касается тюркского просветителя Ю. Баласагуни, то он призывает правителя заботиться о своем войско:

«Да, должен быть щедрым начальник-воитель,
Тогда лишь он – лучшим мужам предводитель.
Готов он все всем раздавать без изъятия –
Соратники будут при нем и собратья.
Раздаст он одежды, оружие, коней –
И к славе всесветной пути нет верней.
Пусть он для потомков не копит добра,
Не жаждет угодий, садов, серебра.
Пусть он утверждает мечом свое право:
Что взял – то раздай, и – возвысится слава!
Да будет он щедр, всех кормя, одевая,
Коней и невольников всем раздавая.

Несчетных мужей соберет его меч,
Горой за него они рады полечь!» [5: 341].

Таким образом, Ю. Баласагуни, как и античные философы, считает, что забота о воинах и стражей дело государственной важности и непосредственно касается великого предводителя – правителя государства. Если он не умеет управлять военной машиной, то его самого и его народ ждет печальный конец, о чем Платон написал: «...Причина гибели царей и всех их замыслов не трусость и отсутствие военных знаний у правителей и тех, кому надлежит подчиняться, но всевозможная порочность другого рода, в особенности же неведение величайших человеческих дел» [18]. Поэтому Ю. Баласагуни особое внимание обращает правильному правлению над войсками.

Античные философы к качествам стражей ставят высокие требования, что необходимо для укрепления государства: «...Потомство стражей, если оно неудачно, надо переводить в другие сословия, а одаренных людей из остальных сословий – в число стражей. Этим мы хотели сказать, что и каждого из остальных граждан надо ставить на то одно дело, к которому у него есть способности, чтобы, занимаясь лишь тем делом, которое ему подобает, каждый представлял бы собою единство, а не множество: так и все государство в целом станет единым, а не множественным» [17].

Ю. Баласагуни также следует мыслям античных философов и ставит не менее высокие требования к качествам воина:

«А воин трусливый в сражение не нужен:
Кто слаб да труслив – только с женами дружен!
Трусливые страхом всю рать разлагают
И смелых, трусливым под стать, разлагают!
В бою надо смелым и сдержанным быть:
Враг двинет коней – не поверженным быть.
Любому прийти может смертный черед,
А час не настал – и храбрец не умрет!» [5: 341].

Таким образом, кроме одаренности, воин, по Ю. Баласагуни, должен обладать такими качествами, как храб-

рость, смелость, сдержанность, что непосредственно связано со знанием и умением рассуждать и т.д. Об этом же писал и Платон: «Значит, они принадлежат к тем познаниям, которые мы искали. Воину необходимо их усвоить для войскового строя, а философу – для постижения сущности всякий раз, как он вынырнет из области становящегося, иначе ему никогда не стать мыслителем» [17].

Сократ и Платон рассуждают об отношениях детей и родителей следующим образом: «...Относительно того, что справедливо и хорошо, у нас с детских лет имеются взгляды, в которых мы воспитаны под воздействием наших родителей, - мы подчиняемся им и их почитаем» [17]. Эти же мысли прослеживаются и у средневекового просветителя Ю. Баласагуни. В поэме «Кут адгу билик» идеальные отношения ребенка и отца хорошо описываются на примере визира Айтолды и его сына Огдюльмиша. Ради спасения отца от смерти Огдюльмиш готов отказаться от всего своего отцовского наследства:

«Ведь есть и для смерти преград, – ответь, –
Используй ее, чтобы смерть одолеть.
И, если иного не сыщется средства,
Возьми всю казну, что даешь мне в наследство.
И пусть из нее даже все будет взято,
Лишь ты был бы жив, – скопим новое золото!» [5: 116].

Невозможно однозначно утвердить, что Сократовское высказывание «мы подчиняемся им и их почитаем» стало примером для описания взаимоотношений Айтолды и Огдюльмиша, тогда как уважение и почитание родителей присуще не только тюркам, а многим другим народам. Кроме того, почитание родителей одно из заповедей ислама. Учитывая условия средневековья во время творения Ю. Баласагуни, он хорошо был знаком с законами мусульманства.

Платон в «Государстве» приводит мысли о жизни людей разных социальных слоев в целях сравнения:

«– О тех, что пробуждаются во время сна, когда дремлет главное, разумное и кроткое, начало души, зато начало дикое, звероподобное под влиянием сытости и хмеля

вздывается на дыбы, отгоняет от себя сон и ищет, как бы удовлетворить свой норов. Если ему вздумается, оно не остановится даже перед попыткой сойтись с собственной матерью, да и с кем попало из людей, богов или зверей; оно осквернит себя каким угодно кровопролитием и не воздержится ни от какой пищи. Одним словом, ему все нипочем в его бесстыдстве и безрассудстве.

– Когда человек соблюдает себя в здоровой воздержанности, он, отходя ко сну, пробуждает свое разумное начало, потчует его прекрасными доводами и рассуждениями и таким образом воздействует на свою совесть. Вожделирующее же начало он хоть и не морит голодом, но и не удовлетворяет его до пресыщения: пусть оно успокоится и не тревожит своими радостями и скорбями благороднейшее в человеке; пусть это последнее без помехи, само по себе, в совершенной своей чистоте стремится к исследованию и ощущению того, что ему еще не известно, будь то прошлое, настоящее или будущее» [17].

Так, бесстыдство и безрассудство сравнивается с воздержанностью и совестью, т.е. здесь сталкиваются разумное и неразумное начала в человеке. На примере античных философов тюркский просветитель Ю. Баласагуни сюжет своего произведения строит на основе сравнения положительного и отрицательного, плохого и хорошего в качествах человека. Раскрывая всевозможные варианты, как и античные философы, оставляет человеку возможность выбора своего пути в лабиринте жизни:

«Два имени есть в нашей речи покуда,
Для славы посмертной: добро или худо.
Дурных порицают, хорошим хвала,
Какая из двух тебе участь мила?
Был добрым – тебя провожают хвалою,
А был ты плохим – породнишься с хулою.
Взгляни, почему посрамлен был Заххак,
За что Фаридун удостоился благ?
Один был достойным, ему – одобренья,
Другой был плохим и познал посрамленье.

Добро или зло тебе нравится, – глянь,
И что тебе любо – хвала или брань?
И ты избери, что ты ценишь дороже,
А выбрал – потом уж терзаться негоже!» [5: 116].

Таких сравнений плохого и хорошего у Ю. Баласагуни много, и в этом он остается верным учениям античных философов.

Хорошее и плохое начало в личности, как у античных философов, так и у Ю. Баласагуни, имеет социальное значение. Как говорит Сократ: «...Они совершают кражи, подкапываются под стены, отрезают кошельки, раздевают прохожих, святотатствуют, продают людей в рабство. Бывает, что они занимаются и доносами, если владеют словом, а то и выступают с ложными показаниями или берут взятки» [17]. Такие люди, естественно, не годятся для управления государством. А вот какие качества сравнивает Ю. Баласагуни, положительные которых должны быть свойственны человеку, готовящемуся управлять государством:

«Скажу я тебе и о свойствах дурных –
Храни непорочность, будь дальше от них.
Вот первое, что мне не любо: обман,
И склонность к насилию – тоже изъян.
Негожи корысть и бессовестный нрав,
И норов крутой, что во гневе неправ.
Порочна горячность, гневливость дурна,
Вредны лиходей и любитель вина.
Вот я перечислил тебе все грехи,
Которые в людях для службы плохи» [5: 91-92].

Сравнительное изучение произведений античных философов и тюркского просветителя Ю. Баласагуни показывает, что отрицательные и положительные качества людей из разных слоев, практически, аналогичны.

Среди многих отрицательных качеств Платон критикует пьянство как социально вредное качество: «Вот все, что нас делает такими: гнев, страсть, наглость, невежество, корыстолюбие, трусость. Кроме того, еще: богатство, красота, сила и все пьянящее наслаждением и делающее нас

безрассудными. Можем ли мы назвать какое-нибудь другое удовольствие, кроме испытания вином и развлечений, более приспособленное к тому, чтобы сперва только взять пробу, дешевую и безвредную, всех этих состояний, а уж затем в них упражняться?» [18]. Ю. Баласагуни также резкой критике подвергает пьянство, социальное зло:

«Внемли, что сказал муж ученый – дурному,
Бранивший глупца за привычку к хмельному:
«Ты, пьяница, – раб своей глотки, – не пей:
Путь нищенства станет бедою твоей!»
Бедняк пропивает свои лишь пожитки,
А пьянствует бек – вся держава в убытке.
Сжирает богатства вино – лютый враг,
А пьющих доводит до ссор и до драк.
Напившийся глупым, безумным бывает,
А разве безумец разумным бывает?» [5: 176-177].

Все это говорится для того, чтобы предостеречь граждан и даже самого правителя от такого социального зла. Ю. Баласагуни так неустанно перечисляет много отрицательных социальных явлений, которые могли бы повредить человеческому обществу и государственному устройству в целом.

Античные философы много говорят о правильном воспитании детей. Все воспитание связано с подготовкой достойного гражданина своего государства, например, Сократ говорит: «...наша власть над детьми: мы не даем им воли до тех пор, пока не приучим их к некоему порядку, словно они – некое государство, и, развивая в себе лучшее начало, не поставим его стражем и правителем над таким же началом у них, после этого мы отпускаем их на свободу» [17].

Тюркский просветитель Ю. Баласагуни также сторонник строго воспитания детей:

«Сын, ведавший благо отцовских забот,
В согласии с узнанным жизнь поведет.
Он добрым возрастет, если строгость была,
И радость родителей будет светла.
А ежели сын твой не в строгости рос,

Оставь все надежды – какой с него спрос?

И чтобы твой сын был умен и смышлен,

Будь строгим, – таков уж предписан закон» [5: 118].

Таким образом, относительно воспитания детей мысли античных философов и тюркского просветителя Ю. Баласагуни идентичны.

Как отметил Платон, правильное воспитание ребенка необходимо, чтобы он во взрослой жизни правильно применял законы: «Не стоит давать предписания тем, кто получил безупречное воспитание: в большинстве случаев они сами без труда поймут, какие здесь требуются законы...

А если нет, вся их жизнь пройдет в том, что они вечно будут устанавливать множество разных законов и вносить в них поправки в расчете, что таким образом достигнут совершенства» [17]. И это лишний раз доказывает, что дело воспитания имеет государственно важное значение, с чем Ю. Баласагуни полностью согласен. Правильное воспитание нужно еще и для того, если ребенок в будущем и не станет правителем, то ему это пригодится в жизни, чтобы он мог соблюдать установленные в государстве законы: «...Даже игры наших детей должны как можно больше соответствовать законам, потому что, если они становятся беспорядочными и дети не соблюдают правил, невозможно вырастить из них серьезных, законопослушных граждан» [17]. Вслед за античными мыслителями тюркский просветитель Ю. Баласагуни правильному воспитанию ребенка придает особое значение, чтобы он в последующем стал законопослушным гражданином:

«Родятся в семье луноликие чада –

Их дома, не где-нибудь, возвращать надо.

Кормилицу им подостойней найми –

И чада здоровыми будут детьми.

Учи их наукам, дай им воспитанье,

Два мира даны будут им в воздаянье.

Отдай дочек замуж, жени сыновей,

Безбедно живи, все печали развей.

Учи сыновей добродетелям строго,

И благ они разных добудут премного» [5: 344].

Правильно воспитанные дети, если, с одной стороны, приносят пользу себе, с другой – они полезные граждане своего государства, в чем мысли античных философов и Ю. Баласагуни совпадают.

Таким образом, средневековая тюркская утопическая мысль о социальном благе испытала огромное влияние античной педагогической мысли, что отражается на конкретных жизненных ситуациях и действиях поэтических героев поэмы «Кут адгу билик» («Благодатное знание») Юсуфа Баласагуни. И античные философы и тюркский мыслитель вели свои размышления вокруг проблемы как улучшить социальную жизнь населения, что нужно для этого сделать, какими свойствами и качеством должен обладать каждый член общества, каким требованиям должны отвечать люди, занимающие различные государственные должности, что для этого следует ожидать от Всевышнего и Великого Правителя государством. Как и античные философы, тюркский просветитель Ю. Баласагуни ищет и находит прекрасные ответы на поставленные вопросы. Проблема лишь в том, что сконструированное мыслителями идеальное общество может существовать лишь в мечтах, т.е. оно является утопическим.

2.3. Преемственность античной философской мысли и тюркского средневекового гуманизма о воспитании правителя государства

В произведениях античных философов много говорится о государственном устройстве. Сократ, Платон, Аристотель и др. являются сторонниками справедливого управления государством. По их мнению, управление государством, основанное на законности и праве, должно привести к всеобщему благоденствию.

Как пишет Л.И. Королева-Мунц, Сократ «пытался сформулировать идеально разумную сущность государ-

ства. В своих характеристиках различных форм государственного устройства и правления Сократ стремился выделить присущие им черты своеобразия, формообразующие принципы. Власть, основывающуюся на воле народа и на государственных законах, он называл царством, а власть против воли народа, основывающуюся не на законах, а на произволе правителя, называл тиранией. Если правление исходит от таких лиц, которые исполняют законы, то такое устройство он называл аристократией, если оно исходит от богатства – плутократией, а если от воли всех – демократией. Классификация различных форм правления, учет роли закона при характеристике форм правления и т.д. оказали заметное влияние на последующие учения о формах государства» [10].

Тюркский средневековый просветитель Ю. Баласагуни в своей поэме «Кут адгу билик» («Благодатное знание») описывает демократическое управление государством:

«На свете жил бек, и премудр и умен,
И долгие годы страной правил он.
То был Кюнтогды, был он славой покрыт,
И, счастлив, всесветно он был знаменит.
В делах справедливый, был прям он и строг,
Правдив был в речах он и духом высок.
Он, мудрый и умный, и скорый в делах,
Для злых – что огонь был, для недругов – страх.
Бесстрашный, по правде вершил он дела,
И день ото дня его слава росла.
Властитель премудрым умением владел –
Сверять свою волю с велением дел.
И власть он с усердием страсти вершил –
Со страстью, пригодной для власти, вершил» [5: 59-60].

Основными принципами правления государством Ю. Баласагуни, таким образом, считает справедливость, прямоту, строгость, правдивость, высокодуховность, мудрость, наличие ума, скорость в решениях, бесстрашие, умелость, страсть и усердие. Элементы тирании в управлении государством направ-

лены против злых и врагов, для которых правитель как огонь и страх.

Свои мысли просветитель подтверждает стихотворными строчками другого поэта:

«И стих у поэта есть будто о нем,
Любой прочитавший уверится в том:
«Для мужа и рвенье и доблесть нужны,
А зло и порок с ним дружить не должны.
А если и доблесть и рвенье нужны,
Да будут они в сердце мужа равны» [5: 60].

В этих строках поэт утверждает необходимость наличия доблести и рвенья не только у правителя, но и у всех «мужей» и, напротив, им противопоставляет и отрицает наличие зла и пороков.

Описание демократического стиля управления правителя Кюнтогды на этом не заканчивается. Ю. Баласагуни о демократии в его утопическом государстве повторяет неустанно:

«И был Кюнтогды образцом сих начал:
Как солнце с луной он над миром сиял.
Всех мудрых к себе он призывал на порог,
Всех умных возвысил и к делу привлек.
Стекались к нему все владыки земли –
Мужи, что умом всех других превзошли.
Он дал устроенье всем странам вокруг
И лучших мужей приближал для послуг.
В подмогу себе в начинаньях своих,
Чтоб мог он всегда положиться на них» [5: 60].

Демократия правителя Кюнтогды распространяется не только в его государстве, но и далеко за его пределами («как солнце с луной он над миром сиял»). К делу управления государством он привлекал всех умных всего мира, поэтому к нему стекались для служения со всего мира, а им он доверял государственно важные дела и мог положиться.

Описывая рассуждения Сократа о признаках демократии, Платон отмечает: «Между тем демократический строй, высокомерно поправ все это, нисколько не озабо-

чен тем, кто от каких занятий переходит к государственной деятельности» [17]. Эту мысль Ю. Баласагуни демонстрирует на конкретном примере. Молодой Айтолды, благодаря своим многим положительным качествам, в результате одной краткой беседы с правителем Кюнтогды назначается на пост главного визира. Этому способствовали следующие его качества:

«Еще молодой, был он кроткого нрава,
Разумный и сведущий, мыслящий здраво
Был чуден его ослепительный лик,
Он мягок был речью, правдив на язык.
Обучен бессчетным умениям и знаниям,
Он к делу умел применять их со тщаньем» [5: 63].

Платон в «Законах» пишет, «...если у человека величайшая власть соединяется с разумением и рассудительностью, возникают наилучший государственный строй и наилучшие законы – иного не дано» [18]. Под влиянием мыслей Платона тюркский просветитель Ю. Баласагуни и создал такое утопическое «наилучшее государство», которое возможно, благодаря разуму и рассудительности правителя. О разуме и рассудительности тюркский просветитель повторяет неустанно:

«Имеющий разум отмечен печатью:
К познанию дар у него и к понятию.
В уме, как ни в чем, добродетельна суть:
Вседневно, всечасно правдив его путь.
Разумный и добр, и правдив на язык,
И все в совершенстве он делать привык.
Спокойный, степенный, он делает дело
Тогда лишь, когда все обдумает зрело» [5: 161].

Как уже было отмечено, Платон стремится воссозданию образа сильного и непобедимого главы государства: «Всего справедливее было бы назвать самой большой мудростью прекраснейшую и величайшую гармонию. Ей причастен тот, кто живет сообразно с разумом; а кто ее лишен, тот разрушитель своего дома и никогда не будет спасителем государства, но как

невежда вечно все будет делать наоборот. ...Я думаю, должен править сильный, а слабый ему подчиняться. К тому же это самая распространенная и сообразная с природой власть для всех живых существ, как некогда сказал фиванец Пиндар. Но главным требованием является, по-видимому... чтобы несведущий следовал за руководством разумного и был под его властью» [18]. И Ю. Баласагуни удалось описать такого правителя в лице Кюнтогды, олицетворяющего справедливость.

И в одно прекрасное время Айтолды решил предложить свои услуги правителю, сложив с себя «праздности бремя». Увидев его правитель Кюнтогды принял решение:

«Любезны душе моей, – молвил элик. –
Твой нрав, Айтолды, и прекрасный твой лик.
Будь верен и предан, и в службе благой
При мне да пребудешь ты близким слугой.
По службе твоей – и моя доброта:
Усердному счастье откроет врата!
Отныне мне верой и правдой служи:
Бек милостив к слугам, не знающим лжи!» [5: 71].

Таким образом, по демократическим принципам правления, по мысли Ю. Баласагуни, человек, чтобы был назначен на государственное управление, должен обладать качеством «не знающим лжи», т.е. должен говорить только правду и быть правдивым в делах.

Платон о диалогах Сократа о выдающихся людях пишет:

«– Выходит, мы будем несправедливы к этим выдающимся людям и из-за нас они будут жить хуже, чем могли бы.

– Ты опять забыл, друг мой, что закон ставит своей целью не благоденствие одного какого-нибудь слоя населения, но благо всего государства. То убеждением, то силой обеспечивает он сплоченность всех граждан, делая так, чтобы они были друг другу взаимно полезны в той мере, в какой они вообще могут быть полезны для всего общества. Выдающихся людей он включает в государство не для того, чтобы предоставить им возможность уклоняться куда кто хочет,

но чтобы самому пользоваться ими для укрепления государства...» [17].

Тюркский просветитель Ю. Баласагуни на примере своих героев доказал полезность «выдающихся людей» своему государству, как, например, элик Кюнтогды правил государством, ведя народ к всеобщему благоденствию и всенародному счастью; как визир Айтолды, всю свою жизнь посвятил служению своему элику Кюнтогды и государству; как сын визира Айтолды визир Огдюльмиш продолжил дело отца и т.д. Ю. Баласагуни доказал, что государство должно существовать ради людей и во имя людей, что явилось высочайшей из многих утопий всех времен и народов.

В «Государстве» Платона имеются такие строки: «Скажи-ка мне, Сократ, у тебя есть нянька? ... Да пусть твоя нянька не забывает утирать тебе нос, ты ведь у нее не отличаешь овец от пастуха. ... Потому что ты думаешь, будто пастухи или волопасы заботятся о благе овец или волов, когда откармливают их и холят, и что делают они это с какой-то иной целью, а не ради блага владельцев и своего собственного. Ты полагаешь, будто и в государствах правители – те, которые по-настоящему правят, – относятся к своим подданным как-то иначе, чем пастухи к овцам, и будто они днем и ночью только и думают о чем-то ином, а не о том, откуда бы извлечь для себя пользу. «Справедливое», «справедливость», «несправедливое», «несправедливость» – ты так далек от всего этого, что даже не знаешь: справедливость и справедливое – в сущности это чужое благо, это нечто, устраивающее сильнеешего, правителя, а для подневольного исполнителя это чистый вред, тогда как несправедливость – наоборот... Подданные осуществляют то, что пригодно правителю, т.к. в его руках сила. Вследствие их исполнительности он благоденствует, а сами они – ничуть» [17].

С данным мнением Платона тюркский средневековый просветитель Ю. Баласагуни не полностью соглашается. Он согласен в том, что «подданные осуществляют то, что пригод-

но правителю». Например, в выборе подчиненных правитель Кюнтогды руководствуется следующими соображениями:

«Сподвижник мудрые в деле нужны –
Такие, чтоб делу радели, нужны.
Помощники надобны – дел знатоки,
По разуму действуешь – цели легки,
Помощников много – властитель силен,
В порядке правленье, незыблем закон.
Помощники в каждом деянье важны,
А в деле правленья – подавно нужны.
Когда властелин без помощников, он
Все делать своею рукой принужден.
И так каждый день ему много тревог,
Но бед и не счесть, если он одинок!» [5: 61].

Когда у правителя имеются такие помощники, то, естественно, у него забот становится меньше, и он процветает; но, по Баласагуни, благоденствие приходит и его подчиненным и всему народу, что и является утопией средневекового просветителя.

Прав Сократ, когда говорит: «Если бы государство состояло из одних только хороших людей, все бы, пожалуй, оспаривали друг у друга возможность устраниваться от управления, как теперь оспаривают власть. Отсюда стало бы ясно, что по существу подлинный правитель имеет в виду не то, что пригодно ему, а то, что пригодно подвластному, так что всякий понимающий это человек вместо того, чтобы хлопотать о пользе другого, предпочел бы, чтобы другие позаботились о его пользе. Я ни в коем случае не уступаю Фрасимаху, будто справедливость – это то, что пригодно сильнейшему» [17].

Ю. Баласагуни, следуя Платону, пишет о тяжелой участи правителя:

«Желаешь покоя – беда тут как тут,
За радостью следом печали идут.
Чем больше величья, тем больше обуз:
Крупна голова – так и шапка что груз!
Нет тайн для властителя и за дверьми,

Когда он и слухом и зрением – с людьми» [5: 61].

Эти строки Ю. Баласагуни свидетельствуют, что правитель, знающий о проблемах и печалях народа, свою справедливость направляет на них.

Словами Адимант Платон в «Государстве» рассуждает: «...По всей вероятности, юноша задаст самому себе вопрос наподобие Пиндара:

«Правдой ли взойти мне на вышнюю крепость или обманом и кривдой – и под их защитой провести жизнь? Судя по этим рассказам, если я справедлив, а меня таковым не считают, пользы мне от этого, как уверяют, не будет никакой, одни только тяготы и явный ущерб. А для человека несправедливого, но снискавшего себе славу справедливого жизнь, как утверждают, чудесна. Но, скажет кто-нибудь, нелегко все время скрывать свою порочность. Да ведь и все великое без труда не дается, ответим мы ему. Тем не менее, если мы стремимся к благополучию, приходится идти по тому пути, которым ведут нас эти рассуждения. Чтобы это осталось тайной, мы составим союзы и общества; существуют же наставники в искусстве убеждать, от них можно заимствовать судейскую премудрость и умение действовать в народных собраниях; таким образом, мы будем прибегать то к убеждению, то к насилию, так чтобы всегда брать верх и не подвергаться наказанию» [17].

Эти строки свидетельствуют о том, что в правлении государством Платон сторонник «прибегать то к убеждению, то к насилию». Такого же мнения придерживается и Ю. Баласагуни. В поэме «Благодатное знание» правитель Кюнтогды рассказывает о методах своего правления. Его трон правления держится на трех ножках. Почему на трех ножках, а не на четырех? Кюнтогды доказывает:

«Вот трон, на котором сию я всевластно,
Взгляни: три ноги его держат согласно.
Незыблемо прочен трехногий предмет:
Все ножки недвижны, качания нет.
Но если на трех хоть одна подкосится,
Дано и другим, и сиденью свалиться.

Прочны три опоры: предмет будто врос,
А где их четыре – всегда перекося» [5: 88].

Что касается «снискавшего себе славу справедливого
жизнь, как утверждают, чудесна» по Платону, то Баласагуни:

«Что прямо, не криво – все ладно на диво,
Все ладное – прямо, прямо – правдиво.
Скосилось – глядишь, в кривизну перешло,
А где кривизна – там посеяно зло.
Прямое падет, если вдруг окосело,
Но будет стоять, если прямо всецело» [5: 89].

Подобно Платону, Ю. Баласагуни таким образом доказы-
ывает, что «ладная», прямая, правдивая жизнь продол-
жится стойко и надежно, а если хотя бы одна ножка по-
шатнется, то все скривится и посеется зло. О каких же
ножках говорит тюркский просветитель?

Все три ножки в совокупности составляют справедли-
вость, на чем держится все деяния правителя Кюнтотды:

«Взгляни на меня: я всегда справедлив,
А правды и кривды ведь тонок извив.
По правде вершу все дела я привычно,
А бек или раб предо мной – безразлично» [5: 89].

Далее следует раскрыть составляющие этой справед-
ливости. Так, одну из ножек составляет нож:

«А то, что ты видел в руке моей нож,
Так нужно быть острым: карай и пристрожь!
Как нож, я остер, и дела мои режу –
Караю грешащего кривдой невежу!» [5: 89].

А вторую ножку трона правления, по мнению Ю. Ба-
ласагуни, составляет сладость:

«А сладость что значит? – Изведавший гнет
У врат моих правду закона найдет.
И сам он – что сахар от этой улады,
И очи, и лик его веселы-рады» [5: 89].

И, наконец, третья ножка трона, как бы странно это
не прозвучало, – это яд:

«А яд предназначен для тех из людей,
Что правды сторонятся в злобе своей.

Для них – мой закон, и суровый и правый:

Придется спознаться им с ядом-отравой» [5: 89].

Таким образом, справедливое правление обеспечивается тремя составляющими: ножом, сладостью и ядом, где нож символизирует строгость, сладость – защиту неимущих слоев населения от гнета, а яд – борьбу против несправедливости.

Рассуждения Платона о справедливости правителей отражены в словах Фрасимаха: «Справедливость, утверждаю я, это то, что пригодно сильнейшему ...

... В каждом государстве силу имеет тот, кто у власти.

... Устанавливает же законы всякая власть в свою пользу: демократия - демократические законы, тирания – тиранические, так же и в остальных случаях. Установив законы, объявляют их справедливыми для подвластных – это и есть как раз то, что полезно властям, а преступающего их карают как нарушителя законов и справедливости. Так вот я и говорю, почтеннейший Сократ: во всех государствах справедливостью считается одно и то же, а именно то, что пригодно существующей власти. А ведь она – сила, вот и выходит, если кто правильно рассуждает, что справедливость – везде одно и то же: то, что пригодно для сильнейшего» [17].

Ю. Баласагуни особо придерживается Платоновского мнения о том, что «справедливость – везде одно и то же: то, что пригодно для сильнейшего», именно поэтому у него главный герой поэмы «Благодатное знание» Кюнтогды олицетворяет справедливость.

По поводу кажущейся несправедливости у Платона имеется неопровержимое доказательство на то, что любой человек может поступить несправедливо, если у него на то хватит сил, здоровья, энергии, возможностей и т.д. Ади-мант в своем монологе размышляет так: «...кто может опровергнуть все, что мы теперь сказали, и кто вполне убежден, что самое лучшее – это справедливость, даже он будет очень склонен извинить людей несправедливых и отнестись к ним без гнева, сознавая, что возмущаться не-

справедливостью может лишь человек, божественный по природе, и воздерживаться от нее может лишь человек, обладающий знанием, а вообще-то никто не придерживается справедливости по доброй воле: всякий осуждает несправедливость из-за своей робости, старости или какой-либо иной немощи, т.е. потому, что он просто не в состоянии ее совершать. Ясно, что это так. Ведь из таких людей первый, кто только войдет в силу, первым же и поступает несправедливо, насколько способен» [17].

Платон и Ю. Баласагуни правы в том, что кажущееся одному справедливым, может показаться другому злом. Использование в правлении ножа и яда, действительно, кажется неправильным, но когда эти наносящие вред предметы применяются для установления порядка и правды против непослушных, невежд и для того, чтобы установить справедливость, то в пути достижения всеобщего блага они могут быть оправданы.

В «Государстве» Платона Адимант и Сократ ведут речь о всеобщем счастье в справедливом государстве:

«Тут вмешался Адимант:

– Как же тебе защититься, Сократ, – сказал он, – если станут утверждать, что не слишком-то счастливыми делаешь ты этих людей...

– ...Мы основываем это государство, вовсе не имея в виду сделать как-то особенно счастливым один из слоев его населения, но, наоборот, хотим сделать таким все государство в целом. Ведь именно в таком государстве мы рассчитывали найти справедливость, а несправедливость, наоборот, в наихудшем государственном строе и на основании этих наблюдений решить вопрос, так долго нас занимающий...» [17].

Просветитель Ю. Баласагуни справедливое правление, которое обеспечивает всеобщее равенство и в конечном результате всеобщее благо, рисует следующем образом:

«Суровость и мрачность, насупленный лик –

Для тех, кто неволить слабейших привык.

И – сын ли, чужой ли, родня ли, приятель,

Пришелец приспевший ли – кстати, некстати ль –
Они для меня по закону равны,
Я им ни смягчу, ни прибавлю вины.
Для власти во всем справедливость – основа,
И власть лишь во правде жива и здорова» [5: 89].

Так, в описании просветителя справедливость и закон одинаковы для всех, власть равно относится ко всем своим гражданам. Доказательством этому служат высказывания мудрецов:

«Об этом муж разума слово изрек,
А мудрое слово – успехов залог:
«Крепка только власть справедливости строгой,
Путь бека – идти справедливой дорогой.
Бек, правящий твердым, правдивым законом,
Желаемых благ получает премного!» [5: 89-90].

Таким образом, правитель, основываясь в правлении на законность и справедливость, своих граждан, ведет к «желаемым благам», которые доступны всем.

Описывая признаки тимократического государства, Сократ задается вопросом, «каким же станет человек в соответствии с этим государственным строем?» Сам же и отвечает: «Он пожестче, менее образован и, хотя ценит образованность и охотно слушает других, сам, однако, несколько не владеет словом» [17]. Владению словом и речью, т.е. риторикой в античности ценилось высоко. Это качество было свойственно в основном философам. Тюркский просветитель Ю. Баласагуни также придает особое значение умению говорить и правдивому слову, чему посвящает отдельные главы своей поэмы. Например, в главе «Повествуется о достоинствах и пользе языка» говорится:

«Язык – переводчик науки и знания,
Язык человеку дарует сиянье.
Язык людям счастье и славу приносит,
И он же карает и головы косит.
Язык – словно лев, что лежит у ворот:
Едва оплошаешь – тебя он сожрет!» [5: 42].

Ю. Баласагуни много пишет о языке, рассматривает

с разных сторон. Так, человек с злоязычной речью вредит самому себе:

«Немало вредит злоязычная речь мне!
Отрежу язык, чтоб себя уберечь мне.
Придерживай речь – будешь цел и здоров,
Язык придержи – не лишишься зубов!» [5: 43].

Ю. Баласагуни придает большое значение придает смысловой и мудрой речи, и наоборот, выступает против бессмысленного многословья:

«Всеведущий создал язык твой толковым –
Храни свою голову, властвуй над словом!
И хочешь, чтоб рок был к тебе не суров, –
Храни свой язык от неправедных слов.
Разумной считается мудрая речь,
А глупая снимет и голову с плеч.
В пустом суесловье не вижу я прока,
И грех многословья порочен глубоко.
И не суеслов, а скажи лучше кратко:
Тьме путаных слов – лишь в едином отгадка» [5: 43].

Учитывая то, что поэма посвящена тюркским правителям и главными действующими лицами являются власть имущие, то она для них является практическим руководством и учителем в правильном применении речи. Кроме того, речь, по Ю. Баласагуни, обладает волшебной силой, которая ведет к власти:

«Речь людям дарует и власть и почет,
А лишнее слово и шею свернет!
Сболтаешь – скажут: «Речь твоя стала пустою»,
А станешь молчать – попрекнут немотою.
А ежели так, то держись середины:
Умеренность в речи и доблесть – едины» [5: 43].

Ю. Баласагуни толковую речь связывает с хорошим делом, т.е. от речи переходит к делу:

«Две доблести в муже не знают предела:
Хорошее слово и доброе дело.
И умер сказавший слово, а живы слова,
И доброго имени слава жива.

Кто жить хочет вечно, не зная скончанья,
Да будут благи его речь и деянья» [5: 44].

Так, средневековый тюркский просветитель Ю. Баласагуни речь и деяния человека относит к вечным ценностям, которые продолжают жить и после кончины самого человека, что, впрочем, доказано самой историей.

Будучи дидактиком, Ю. Баласагуни прекрасно понимает свою миссию: он призван учить правителей как управлять государством и какие для этого необходимы качества. Поэтому о своих учениях как правильно говорить пишет:

«Я речь и хвалил и бранил понемногу,
Внемли же, – тебе я говорил я в подмогу.
Всех слов не упомянут, усилий не трать,
Лишь нужное слово не надо скрывать!
Я, доблестный, сыну совет дал бесценный,
Да внемлет он сути его сокровенной.
Тебе сказал слово это, о сын мой,
Тебе говорил для совета, о сын мой!» [5: 44].

Слово Ю. Баласагуни ценит дороже материального богатства, считает это наследством от родителей, которые учили хорошему слову с детства:

«И знай, что и золото и серебро –
Не равное доброму слову добро!
Уйдет серебро, ему – в небыль дорога,
А примешь совет – серебра будет много.
Дано человеку наследовать слово,
Богат он стократ от наследства такого» [5: 44].

Таким образом, слов и умение красиво, правильно и правдиво говорить является вечной ценностью, которая необходима в государственном управлении, но она должна быть покреплена благими делами, которые также являются вечными, что созвучно с мыслями античных философов о риторике.

Глубина утопизма тюркского просветителя Ю. Баласагуни заложены в следующих строках поэмы:

«Достойный поэт, стих об этом сложив,

Сказал: «Не спеши, будь в делах терпелив!
С поспешностью дел не свершай никогда:
За каждою спешкой приходит беда.
Терпя да запасшись усердием впредь,
Сумеет и раб пояс бека надеть!» [5: 72].

Эти строки поэмы свидетельствуют о том, что поэт мечтал о дне, когда к власти смог бы прийти любой член общества, будь он из высших или низших слоев населения, при условии, что он не будет спешить в решениях, обладать терпением и усердием. Этих требований перед будущим управленцем государством ставится много. Словами элика Кюнтогды поэт перечисляет еще ряд качеств, необходимых «государственному мужу»:

«Велика у власти и дело и глас.
От многих забот голова тяжела,
Муж нужен мне умный – вершить все дела.
Мне править теперь одному уж невмочь,
Муж нужен мне мудрый, чтоб делу помочь.
Муж избранный нужен, чей разум глубок,
Такой, чтобы править подвластными мог,
Чтоб праведен был он, и добр, и правдив,
И словом и сердцем во всем справедлив,
Чтоб он исполнял мой приказ и наказ –
И тайное ведал и явное враз» [5: 60].

Обладатель лишь такими качествами достоин и может вести государственные дела.

Лишний раз доказывая правдивость своих мыслей, Ю. Баласагуни приводит к власти Айтолды – выходца из простых людей и делает его визиром при дворце. При встрече с правителем Кюнтогды будущий визир о себе сообщил следующее:

«Сказал Айтолды: «Достославный элик!
Подвластный хорош, если к службе привык.
Я – раб, мне – стоять у дверей, я – слуга,
Я предан тебе, служба мне дорога.
К тебе я пришел, и мой путь был не мал,
Достиг я всего, чего страстно желал.

Прошу: не гнушайся же мной, не гневись,
Дозволь быть с тобой, к услуженью приблизь!» [5: 72].

В ответ такому прошению правитель сказал: «Вот муж, о каком и мечтал я как раз!», т.е. при первой же встрече сразу принял его на службу. Следует помнить, что Айтолды обладает рядом человеческих качеств, которые позволяют претендовать ему на должность визира и о которых поэт сообщил следующее:

«Еще молодой, был он кроткого нрава,
Разумный и сведущий, мыслящий здраво.
Был чуден его ослепительный лик,
Он мягок был речью правдив на язык.
Обучен бесчисленным умениям и знаниям,
Он к делу умел применять их со тщаньем» [5: 63].

Здесь уместно еще раз вспомнить о том, что, по мнению Сократа, к власти должны прийти люди со специальной подготовкой, которые умели бы вести государственные дела.

Такой отбор чиновников на государственные должности также созвучно с мыслями Сократа. Так, «Сократ решающую роль отводил не столько форме правления (за исключением тирании, которую он осуждал), сколько строгому соблюдению законов и умелому руководству государством. Сократ подвергал практику выбора должностных лиц по жребию. Существовавшую практику замещения многих ответственных должностей жребием он находил нелепой. Тем не менее, Сократ требовал ясного определения демократии и её задач. Эта критика выдвигается в качестве главного довода в пользу тезиса об «антидемократизме» Сократа» [10].

По вопросам управления государством Ю. Баласагуни обращается к мнению аксакалов и приводит их высказывания. Вот что сказали об идеальном управлении страной мудрецы:

«И вот что сказал муж достойный, внемли,
Слова его – словно цветы всей земли:

«Величье и власть достохвальны стократ,
Когда они правду и право вершат.
Власть бека достойна великих похвал,
Но лучше – закон, что во благо он дал.
Сколь благостен в доброе время народ,
Когда властелин справедливость блюдет!
Сколь благостно доброе имя: оно
Как вечное счастье навеки дано!
И счастлив достойный властитель, пойми,
Когда человечно он правит людьми» [5: 63].

Такие действия правителя, как соблюдение правды и права, справедливости и законности, приводит к тому, что его народ уважает и хвалит, он становится величественным, после себя он оставляет доброе имя, которое и является, по мнению просветителя, самым великим счастьем.

Сократ также большое внимание обращал на то, что правитель должен в первую очередь заботиться о своих подданных. По словам Л.И. Королевы-Мунц, «властвование, по Сократу, является не удовольствием, но добродетелью; его цель не в удовлетворении личных прихотей и капризов властителя, но в достижении блага для всего полиса. И лишь в меру своих услуг полису тот или иной политик вправе рассчитывать на почести от государства. Сократ замечает, что правитель или военачальник должен заботиться не о себе, но прежде всего о благополучии своих подданных и солдат. Те же, что используют власть в своих корыстных целях, заслуживают сурового наказания. Наказывать следует и тех, говорил Сократ, кто не изучив предварительно соответствующего предмета, хлопочет об избрании его на государственную должность. Станным считал Сократ то распространенное мнение, будто искусство государственного управления, величайшее из занятий, дается человеку само собою, тогда как в прочих маловажных занятиях люди достигают успеха лишь после соответствующей учебы и подготовки» [10].

Следуя этим мыслям Сократа, поэт Ю. Баласагуни правителя Кюнтогды описывает отвечающим всем требованиям идеального правителя, заботящегося о своем народе:

«И праведно правил народом элик,
И стал во всем мире он славой велик.
Росла его слава, молились о нем,
И наполнилось счастье его день за днем.
Тянулся к нему весь вселенский народ –
Изведать добро его благ и щедрот.
Был поясом счастья повязан народ,
И в дружбе с ягненком жил волк-живоглот» [5: 62-63].

Это означает, что только справедливый и добрый правитель может «повязать пояс счастья» подвластным ему людям на земле. Здесь он выступает как гуманист, мечтающий об обществе всеобщего равенства, где «в дружбе с ягненком жил волк-живоглот». Ценно в его взглядах то, что он призывает делать добро не для избранных, а для всех людей.

По словам Л.И. Королевы-Мунц, «Сократ, сам непосредственно не занимавшийся политической деятельностью, вместе с тем живо интересовался всеми политическими делами и стремился к их совершенствованию. Воспитание своих слушателей, особенно молодых, в духе политической добродетели было главной целью сократовских бесед, всех его философско-просветительских усилий» [10]. Средневековый тюркский просветитель Ю. Баласагуни также не являлся непосредственно политиком, но он подробно интересовался всеми сторонами государственного управления. Об этом свидетельствует энциклопедичность его круга интересов. Поэтому поводу А.Н. Кононов писал, что: «Юсуф Баласагунский, как это с полной очевидностью устанавливается из его поэмы, был выдающимся поэтом, высокообразованным человеком, многомудрым знатоком человеческой души, философом, ученым-энциклопедистом, стихотворцем, владевшим всеми тонкостями арабской и персидской поэзии и тюркского

фольклора; он был сведущ в астрономии и математике, в медицине и элоквиции, в игре в шахматы и народных спортивных играх, в охоте и птицеводстве и во многом, многом другом» [5: 517].

Платон в «Государстве» много говорит о несправедливости: «Частичное нарушение справедливости, когда его обнаружат, наказывается и покрывается величайшим позором. Такие частичные нарушители называются, смотря по виду своих злодеяний, то святотарцами, то похитителями рабов, то взломщиками, то грабителями, то ворами. Если же кто, мало того что лишит граждан имущества, еще и самих их поработит, обратив в невольников, его вместо этих позорных наименований называют преуспевающим и благоденствующим, и не только его соотечественники, но и чужеземцы, именно потому, что знают: такой человек сполна осуществил несправедливость. Ведь те, кто порицает несправедливость, не порицают совершение несправедливых поступков, они просто боятся за себя, как бы им самим не пострадать. Так вот, Сократ: достаточно полная несправедливость сильнее справедливости, в ней больше силы, свободы и властности, а справедливость, как я с самого начала и говорил, – это то, что пригодно сильнейшему, несправедливость же целесообразна и пригодна сама по себе» [17].

Следуя Платону, Ю. Баласагуни пишет, что правитель Кюнтогды легко справлялся с несправедливыми во властных структурах:

«Дурных он карал справедливой рукой,
Негожих – от дел отправлял на покой.
И правил он, зорко владенья храня,
И счастье росла его день ото дня.
Да, зоркость для всякого дела нужна,
А делу правления – всецело нужна.
Когда ты опаслив да зорок, тогда
Все – благо, и ты не познаешь вреда» [5: 61].

Мысли Сократа, Платона и тюркского просветителя Ю. Баласагуни о несправедливости полностью созвучны.

Сократ, соответственно и Платон строят цепочку «личность – социум – государство», т.е. каковы качества личности, такое у него социальное окружение, и в конечном результате этот социум вливается в такое же государство. Эту цепочку заимствовал для своей поэмы Ю. Баласагуни: правитель Кюнтогды, олицетворяющий счастье, обладает лишь положительными качествами, что свидетельствует о его достоинстве быть руководителем государства, и который строит такое общество, в котором всеобщее благоденствие и все счастливы.

Платон задается актуальным на все времена вопросом и сам же отвечает на него: «...Кого следует называть более счастливыми – тех ли, кто ведет самую справедливую жизнь, или тех, кто ведет самую приятную? Итак, учение, не отделяющее приятное от справедливого, благого и прекрасного, имеет по крайней мере то преимущество, что убеждает каждого человека желать благочестивой и справедливой жизни. Ведь никто не дал бы себя убедить добровольно исполнять то, что не влечет за собой больше радости, чем страдания» [18]. Поэма средневекового тюркского просветителя Ю. Баласагуни полностью посвящена поиску ответа на вопрос Платона. Герои поэмы своими делами, поведением, отношением друг другу, в целом стране, своему народу доказывают, что жить надо по справедливости, следует соблюдать установленные в обществе законы, и в конечном итоге такие деяния ведут к счастью не только самого человека, но и все общество в целом, всех граждан данного государства. Ответ находится в мудрых словах правителя Кюнтогды:

«Элик отвечал: «Есть два рода благих,
Путь правды обретшие есть среди нас.
Другие – с рожденья, уж так рождены, –
Во всем справедливы и правде верны.
А третьи идут за другими вослед:
С дурными пойдут – и от них будет вред.

Дурных тоже есть две породы, они
Не все – это помни – друг другу сродни.
В одних от рожденья негожая стать –
До самой их смерти им лучше не стать.
Другие дурны без особых примет –
Порой они ходят за добрыми вслед.
Исконно благим любо благо свершать –
Всем людям на свете от них благодать.
Исконно дурным – исцеления нет:
И миру и людям от них – только вред» [5: 93-94].

В связи с этим главным государственным делом становится воспитание детей, о чем Платон писал: «Самым важным в обучении мы признаем надлежащее воспитание, вносящее в душу играющего ребенка любовь к тому, в чем он, выросши, должен стать знатоком и достичь совершенства. В нашем рассуждении мы, очевидно, подразумеваем под воспитанием... то, что с детства ведет к добродетели, заставляя человека страстно желать и стремиться стать совершенным гражданином, умеющим согласно справедливости подчиняться или же властвовать» [18].

О воспитании положительного с малых лет просветитель Ю. Баласагуни, опираясь на народную мудрость написал:

«У тюрков присловье есть известно давно,
Услышь и усвой – очень мудро оно:
«Кто доброе в детстве всосал с молоком,
До смерти он только к добру и влеком.
И нрав, что дарован природою нам,
Не сломленный смертью, не сломится сам.
Во чреве назначен нам образ, внемли,
И гибнет он только во чреве земли!» [5: 94].

Одинаково мыслят Платон и Ю. Баласагуни относительно воспитания детей: с малых лет им следует прививать доброту, чтобы во взрослой жизни они совершали добрые дела, что очень важно для окружающих их людей. Неправильное воспитание с молодых лет, по Сократу, приводит к непоправимым ошибкам, над исправле-

нием которых придется мучиться государству все время:

«– По твоим словам, жизнь таких людей будет вроде как у тех больных, которые из-за распущенности не желают бросить свой дурной образ жизни.

– Забавное же у них будет времяпрепровождение: лечась, они добиваются только того, что делают свои недуги разнообразнее и сильнее, но все время надеются выздороветь, когда кто присоветует им новое лекарство.

Далее, разве не забавно у них еще вот что: своим злейшим врагом считают они того, кто говорит им правду, а именно, что, пока они не перестанут пьянствовать, наедаться, предаваться любовным утехам и праздности, им нисколько не помогут ни лекарства, ни прижигания, ни разрезы, а также заговоры, амулеты и тому подобное...

Следовательно, ты не воздашь хвалы и государству, которое все целиком... занимается чем-то подобным» [17]. Именно поэтому античные философы и тюркский просветитель Ю. Баласагуни особое внимание обращают правильному воспитанию доброго в ребенке.

Ю. Баласагуни уверен о доминировании злого над добрым, о чем написал:

«И если с хорошим сдружился дурной,
Хороший с дурным поравнялся ценой.
А станет хороший дурному под стать,
Его доброте путь один – пропадать!
И вот что еще: этот плох, тот хорош,
А дружно шагают – и путь их похож» [5: 94].

И в этом прав средневековый тюркский просветитель, что доказано жизненной практикой. Об этом свидетельствует и татарская народная пословица «Кем арбасына утырсаң, шуның жырын жырларсың» («На чью телегу сядешь, того песню споешь»).

Личностные отношения хорошего и дурного Ю. Баласагуни рассматривает с высоты государства:

«При праведном беке ухожен народ,

И жизнь его добрым укладом идет.
Когда беки держатся добрых людей,
За добрым последует даже злодей.
А если негодные к беку близки,
Сильна будет власть их недоброй руки.
Где злему почет, там хороший в беде,
При власти добра злое гибнет везде» [5: 94].

Таким образом, по мнению Ю. Баласагуни, хорошее и дурное приобретает проблему государственного масштаба и имеет важное значение для граждан.

О платоновском счастье и справедливости Ю. Баласагуни пишет:

«Где счастливы беки и благо цветет,
Там в добром довольстве подвластный народ.
И если сам бек без порочных примет,
Порочным в их происках радости нет.
И там, где от бека дан добрый закон,
Порочный в темнице страдать осужден.
Где добрый над людом поставлен глава,
Там в слугах его добродетель жива.
Где власть добродетельным бекам дана,
Народ богатеет, цветет вся страна» [5: 94-95].

Так Ю. Баласагуни смог в поэтической форме воссоединить сказанную Платоном мысль о единстве счастья и справедливости. Особую актуальность эти категории приобретают на государственном масштабе, что переносится на их граждан и определяет их судьбу.

Таким образом, средневековый тюркский просветитель Ю. Баласагуни сознательно или бессознательно испытывал сильнейшее влияние мыслей античных философов на свои утопические мысли о политической устройстве государства. Античную утопическую мысль он реализовал в своей бессмертной поэме, раскрыл на примере поэтических героев и воссозданной им государстве-утопии, где в результате правления справедливости и законности сам правитель и народ зажили в благоденствии и счастье.

Выводы по второй главе

В первом параграфе «Античная философская мысль и представления тюркского просветителя Ю. Баласагуни об идеальной средневековой личности» изучены мысли античных философов и тюркского средневекового просветителя Ю. Баласагуни относительно личностных качеств.

Самым главным качеством гражданина античные философы выделяют справедливость, описанию чего Ю. Баласагуни посвятил, практически, всю свою поэму. Наличие у правителя государства качества справедливости является всеобщим благом, ибо она обеспечивает всеобщее счастье граждан и благоденствие. Тем самым просветитель Ю. Баласагуни как бы претворяет в жизнь завещание античных философов о необходимости писать стихотворения о справедливости. Справедливости описывается как главный инструмент в достижении демократии, блага и счастья.

Справедливость обеспечивается рядом необходимых для этого других качеств личности, таких как мудрость и ум, прямота, строгость, правдивость, духовность, быстрота, бесстрашие, которые в конечном результате обеспечивают личности славу и бессмертие. Об этом философствовали в античности, что реализовал в своей поэме Ю. Баласагуни.

Подобно Платону, тюркский просветитель рассуждает о старости, которая становится все тягостнее человеку. Платон и Ю. Баласагуни едины во мнении о «полнейшем покое и освобождении от всех вещей».

Мысли Платона об упорядоченной жизни и добродушии Ю. Баласагуни также реализовал в своей поэме. Рассуждая о быстротечности молодости и неминуемой старости, в целом о быстротечности земной жизни, он призывает своего читателя не делать ошибки и идти лишь по правильному пути. Будучи средневековым просветителем, Ю. Баласагуни правильным путем считает соблюдение всех канонов ислама, которые берегут человека от совершения ошибок.

Во втором параграфе «Античная и тюркская средневековая мысль о социальном устройстве общества» исследуется проблема, насколько тюркский средневековый просветитель Ю. Баласагуни проникнут античной философской мыслью о социальном благе.

В диалогах античных философов отражается мысль о выгоде от справедливости, и делается вывод, что от нее зависят слава человека о его добрых делах, наличие такого качества может обеспечить работу на государственной должности, она выгодна в семейной жизни, т.е. те земные блага, которые улучшают социальную жизнь человека, а также она способствует благосклонности богов. Все эти мысли заимствованы тюркским просветителем Ю. Баласагуни и реализованы в описании жизни и деятельности героев поэмы «Кут адгу билик». Благодаря справедливости, главный герой поэмы правитель Кюнтогды поставлен в главе государства, и праведным служением народу обеспечил себе бессмертие.

Что касается мысли о благосклонности богов, имеющих место у античных философов, то Ю. Баласагуни не только преклоняет своих героев поэмы, но и сам просит у Всевышнего пощады, прощения, удачи в литературной и просветительской деятельности, благочестия. Он призывает соблюдать предписания Корана, чтобы добиться благосклонности Всевышнего. Таким образом, мысли античных философов и тюркского просветителя о награде богов по достоинству самого человека полностью совпадают.

Приемлемы мысли античных философов и тюркского просветителя о детях как составной части счастья. В то же время едины в мыслях, что богатство и дети дары божьи, которые могут быть отняты в любое время и которые, согласно Корану, посылаются Всевышним лишь для испытания человека на прочность в вере.

Описанные античными философами государственные должности и их обязанности Ю. Баласагуни повторяет, преломляя с точки зрения своего времени и пространства.

В третьем параграфе «Мысли античных философов и средневекового поэта Ю. Баласагуни о политическом устройстве государства» исследована проблема преемственности мысли о политическом устройстве государства у античных философов и тюркских средневековых просветителей.

Античные философы Сократ, Платон, Аристотель и др. все свои мысли сосредотачивают в области улучшения политического устройства государства. Они выступают за законность, правдивость и справедливость в управлении государством, что в конечном итоге приведет к всеобщему благоденствию и счастью. Ю. Баласагуни беспокоят те же мысли, и за улучшение политического устройство государства он выбрал мирный путь – взялся за создание образцового утопического государства во главе со справедливым правителем Кюнтогды, соблюдающим законы общества, в чем и проявляется преемственность мыслей.

Преемственны мысли античных философов и тюркского средневекового просветителя Ю. Баласагуни об основных принципах правления государством, среди которых, наряду со справедливостью, прямо́та, строгость, правдивость, высокодуховность, мудрость, наличие ума, скорость в решениях, бесстрашие, умелость, страсть и усердие. Тирания в форме огня и страха допускается лишь в отношении злых врагов государства.

Едины мысли и о переходе гражданина на государственное управление, при наличии у него необходимых для этого деловых качеств, что и свидетельствует о демократии в обществе. Созданный Платоном образ сильного и непобедимого главы государства у Ю. Баласагуни олицетворен в правителе Кюнтогды.

Таким образом, преемственность античной педагогической мысли и тюркского средневекового утопического гуманизма неоспорима.

Заключение

1. В исследовании рассматриваются дефиниции и определения понятий «влияние», «античная философская мысль», «тюркский», «средневековье», «утопизм», которые в единстве составляют тему настоящего исследования.

2. Первоисточниками изучения проблемы влияния античной педагогической мысли на тюркский средневековый утопический гуманизм являются мысли Сократа, произведения его учеников Ксенофонта, Платона, ученика последнего – Аристотеля. Первоисточником тюркского средневекового утопизма стала поэма Юсуфа Баласагуни «Кут адгу билик» («Благодатное знание»), практически, единственное, дошедшее до нас, крупнейшее произведение, написанное на тюркском языке в стихотворной форме. Изучение и цитирование первоисточников не составляет особого труда в силу того, что они доступны в книжных и электронных вариантах любому исследователю подобной проблемы, и следует также отметить, что имеется ряд переводов каждого произведения на русский язык, чем мы и пользовались, приводя примеры в аргументировании и доказательствах.

3. В работе исследованы историко-философские и педагогические предпосылки влияния античной педагогической мысли на тюркский средневековый утопический гуманизм. Как и Сократ, который передавал свои знания методом бесед и диалогов, и Платон, который опирался на эти же методы в произведениях «Государство» и «Законы», тюркский средневековый просветитель Ю. Баласагуни в основу сюжета своей поэмы «Кут адгу билик» заложил форму бесед, диалогов и диспутов главных поэтических героев, в нравоучительных высказываниях которых отражается и собственное мнение просветителя об утопическом государстве.

Предпосылками влияния на утопические взгляды Ю. Баласагуни стали мысли античных философов о взаимоотношениях правителя с подданными, правах и

должностных обязанностях государственных чиновников; о добродетелях и человеческих пороках; проблемно-ответная форма нахождения истины; о добром начале и демоне-покровителе; учении о бессмертной душе, которая становится таковым в результате правильной земной жизни и деятельности; о подготовке к потусторонней вечности, что должно сопровождаться добрым именем и добродетельностью в земной жизни; о справедливости правителя, который является гарантом всеобщего благоденствия и счастья; любовь и дружба между гражданами государства во имя гармонии, согласия, мира, демократии и счастья; о семье как первоначальной ячейке общества, благосостояние и счастье членов которой не безразлично для государства.

Предпосылками влияния античной педагогической мысли на тюркский средневековый утопический гуманизм стали переводы античной литературы, наряду с другими языками, и на арабский язык, который был доступен для тюркских ученых, поэтов, писателей и просветителей, многие из которых вплоть до начала XX в. писали свои трактаты на арабском и персидском языках. Такое положение дела дает возможность предположить, что тюркский средневековый просветитель Ю. Баласагуни с античной литературой был знаком непосредственно через арабские первоисточники.

Предпосылками также следует считать наличие высокоразвитой тюркской письменности на основе рунического, уйгурского и арабского алфавитов; наличие устойчивой оседлой воспитательной системы и народных традиций; стремление тюркского народа к воле и свободе как отголоски кочевых времен; неосуществимые мечты тюркского народа о воспитании идеальной совершенной личности, народного героя, который вложит свои возможности и усилия в укрепление благоденствующего народного государства.

4. В работе выявлено, что античная философская мысль имела влияние на представления тюрков об иде-

альной личности. Античная мысль о справедливой личности и необходимости писать стихи о справедливости имела огромный толчок для сочинения Ю. Баласагуни «Кут адгу билик», ибо поэма полностью посвящена этому личностному качеству, которое, по утопическим представлениям просветителя, при наличии у правителя государства способствовало бы демократии, счастью, благоденствию граждан.

Справедливость как качество средневековой личности дополняется такими качествами, как мудрость и ум, прямота и строгость, правдивость, духовность, быстрота, бесстрашие, которые в конечном результате обеспечивают личности славу и знаменитость, о которых говорили античные философы.

Общие у античных философов и у тюркского средневекового просветителя мысли о грядущей старости, к чему следует готовиться в молодости, что подразумевает быть порядочным во всем. Непорядочность делает тяжким даже молодость.

Мысли Сократа и Ю. Баласагуни идентичны относительно восхваления своего литературного произведения, заботливого отца, который думает о будущем своего сына.

Так же, как и античные философы, Ю. Баласагуни выступает за личность мудрую, умную, разумную, способную к познания (по Сократу «идея блага»), которые отличают ее от животных и которые способны уподоблять животные инстинкты. Знания человека ведут к исполнению желаний. Эти качества больше всех необходимы для правителя, который вершит судьбы людей. В противоположность перечисленных качеств, участь невежды – небытие.

Все положительные качества, которые способны поднять человека высоко, античные философы и тюркский просветитель считают даром Всевышнего, связывают с благосклонностью богов, а причиной плохо является сам человек.

5. В исследовании изучены заимствования тюркскими средневековыми просветителями античной педагогической мысли о социальном благе. У античных философов и тюркского средневекового просветителя Ю. Баласагуни социальное благо связано с личностными качествами человека, в частности, со справедливостью, от чего зависят доброе имя, которое остается и после смерти человека, назначение на государственную должность (описываются должности «мужа, возглавляющего войско», «мужа, достойного должности великого хаджиба», «управителя дворца», «мужа, отправляемого послом», писца-письмовода, казначея, главного повара-стольничего, «мужа, ведающего напитками» и т.д.), создание счастливой семьи, т.е. те земные блага, которые способствуют достойной социальной жизни. Мысли античных философов Сократа, Платона и тюркского средневекового просветителя Ю. Баласагуни о награде богов социального блага за заслуги и достоинства человека полностью совпадают.

Дети, внуки, потомство также являются социальным благом, подаренным Всевышним, без которых счастье полным не бывает.

Социальное благо обеспечивается тем, что в государстве каждый гражданин делает то, чем он должен заниматься на своем посту и не вмешивается в чужие дела. Невыполнение своих обязанностей ведет государство к краху. Вслед за античными философами Ю. Баласагуни описывает занятия философа, геометра, астронома и т.д. Такое постановка дела ведет укреплению и целостности государства.

Античные философы и Ю. Баласагуни далеки от мысли, что лишь материальные богатства являются социальным благом, наоборот, богатством счастливого человека, по их мнению, является добродетельная и разумная жизнь. Материальное богатство они считают временным явлением, которое исчезает со смертью человека.

6. В работе исследована преемственность античной педагогической мысли и тюркского средневекового утопического гуманизма о воспитании политика – правителя государства, которая заключается в управлении государством, основанном на законности и праве, конечным итогом которого является всеобщее благоденствие.

Преемственность заключается в том что, основными принципами правления демократическим государством Ю. Баласагуни считает справедливость, прямоту, строгость, правдивость, высокодуховность, мудрость, наличие ума, скорость в решениях, бесстрашие, умелость, страсть и усердие правителя. Возможны и элементы тирании в управлении государством, которые направлены против злых и врагов, для которых правитель как огонь и страх.

Преемственность обеспечивают мысли о том, что в демократическом государстве к управлению могут привлекаться любые граждане, соответствующие определенным требованиям и обладающие рядом качеств, необходимых для правителя. Разум и рассудительность правителя позволяют создать «наилучшее государство». Ю. Баласагуни действиями героев поэмы раскрыл пользу «выдающихся людей» государству, например, Кюнтогды правил государством, ведя народ к всеобщему благоденствию и всенародному счастью; визир Айтолды, всю свою жизнь посвятил служению правителю Кюнтогды и государству; визир Огдюльмиш продолжил дело отца и т.д. Ю. Баласагуни доказал, что государство должно существовать ради людей и во имя людей, что явилось высочайшей из многих утопий всех времен и народов.

7. Это лишь первоначальное исследование влияния античной педагогической мысли на тюркский средневековый утопический гуманизм. В последующих исследованиях необходимо углубить и расширить поиски этого влияния, рассмотреть возможность влияния ислама, выявить общечеловеческие ценности в мыслях, общее и отличное с поздним европейским утопизмом.

Литература

1. Античная философия [Электронный ресурс]. – URL: www.Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.
2. Аристотель [Электронный ресурс]. – URL: www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/filosofiya/ARIST.
3. Аристотель. Никомахова этика [Электронный ресурс]. – URL: www.koob.ru/aristotel.
4. Аристотель. Политика [Электронный ресурс]. – URL: www.koob.ru/aristotel.
5. Баласагунский Ю. Благодатное знание. – М.: Наука, 1983. – 558 с.
6. Википедия [Электронный ресурс]. – URL: www.ru.wikipedia.org/wiki.
7. Глоссарий [Электронный ресурс]. – URL: www.glossary.ru.
8. Идеальное государство Платона [Электронный ресурс]. – URL: www.newacropol.ru/Alexandria/philosophy/Philosofs/Plato.
9. Коран / Перевод смыслов и комментарии В. Пороховой. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2006. – 800 с.
10. Королева-Мунц Л.И. Сократ [Электронный ресурс]. – URL: www.inventech.ru/pub/club/094.
11. Ксенофонт Афинский. Воспоминания о Сократе [Электронный ресурс]. – URL: www.ancientrome.ru/antlittr/ksenoph.
12. Маликов Р.Ш., Маликов Г.Р. Справедливость в тюркском средневековом представлении / Под ред. А.Г. Мухаметшина. – Казань: Изд-во «Отечество», 2014. – 180 с.
13. Маликов Р.Ш. Тюрко-татарская гуманистическая педагогическая мысль средневековья. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1999. – 304 с.
14. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.-Л.: АН СССР, 1951. – 451 с.
15. Национальная доктрина образования в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: www.dvgu.ru/umu/ZakRF/doktrin1.htm.
16. Платон [Электронный ресурс]. – URL: www.newacropol.ru/Alexandria/philosophy/Philosofs/Plato.
17. Платон. Государство [Электронный ресурс]. – URL: www.philosophy.ru/library/plato/01/resp1.htm
18. Платон. Законы [Электронный ресурс]. – URL: www.lib.rus.ec/b/43124/read.
19. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – URL: www.dic.academic.ru.
20. Сократ [Электронный ресурс]. – URL: www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/filosofiya/SOKRAT.html.
21. Толкование Священного Корана ас-Саади [Электронный ресурс]. – URL: www.xadis.ru/books/kuran_tafsir/tafsir.html.
22. Утопический социализм [Электронный ресурс]. – URL: www.ru.wikipedia.org/wiki.
23. Философия [Электронный ресурс]. – URL: www.philocult.ru.
24. Философия софистов [Электронный ресурс]. – URL: www.prepod.info/ru/article/filosofiya-sofistov.
25. Философская энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: www.dic.academic.ru.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Теоретико-методологические основания исследования преемственности античного и тюркского средневекового утопического гуманизма	
1.1. Понятийный аппарат исследования проблемы преемственности античного и тюркского средневекового утопического гуманизма	7
1.2. Первоисточники исследования преемственности античного и тюркского средневекового утопического гуманизма	31
1.3. Историко-философские и педагогические предпосылки преемственности античного и тюркского средневекового утопического гуманизма	54
Выводы по первой главе	79
Глава 2. Преломление античной философской мысли в тюркском средневековом утопическом гуманизме	
2.1. Античная философская мысль и представления тюркского просветителя Ю. Баласагуни об идеальной средневековой личности	82
2.2. Античная и тюркская средневековая мысль о социальном устройстве общества	103
2.3. Мысли античных философов и средневекового поэта Ю. Баласагуни о политическом устройстве государства	125
Выводы по второй главе	148
Заключение	151
Литература	156

Научно-популярное издание

Маликов Рустам Шайдуллович
Волкова Любовь Михайловна

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ АНТИЧНОГО И ТЮРКСКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО УТОПИЧЕСКОГО ГУМАНИЗМА

Под редакцией **Р.Ш. Маликова**

<http://proff-malikov.ucoz.ru>

<http://fan-nauka.narod.ru>

E-mail: rustiku@bk.ru

С оригинал-макета подписано в печать 10.01.2015.
Форм. бум. 60×90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 9,86. Уч.-изд. 19,6.
Тираж 1 000 экз. Заказ № 10/1.

Издательство «Отечество».
420032, РТ, г. Казань, ул. Шоссейная, 22а.

Отпечатано в ООО «ОрионПлюс».
420000, РТ, г. Казань,
ул. Г. Камала, д.7, офис 201